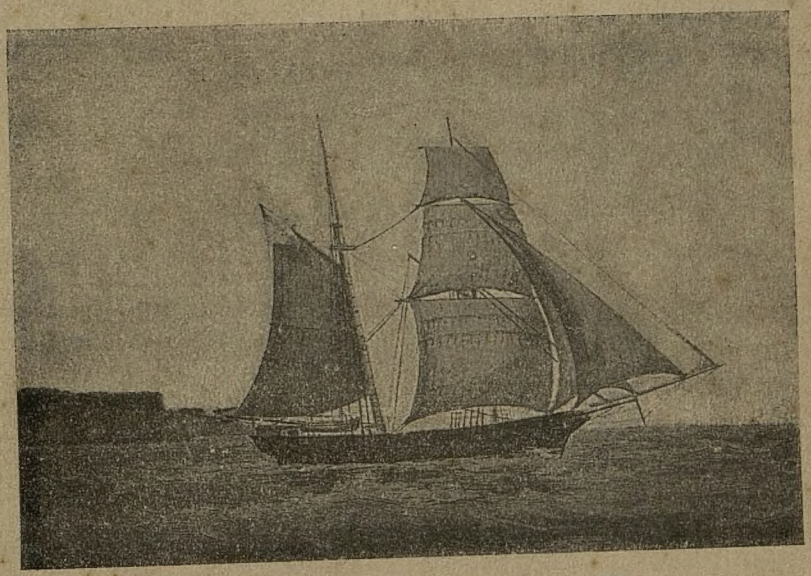
359.48
А 31

АДМИРАЛЪ

Геннадій Ивановичъ

НЕВЕЛЬСКОЙ

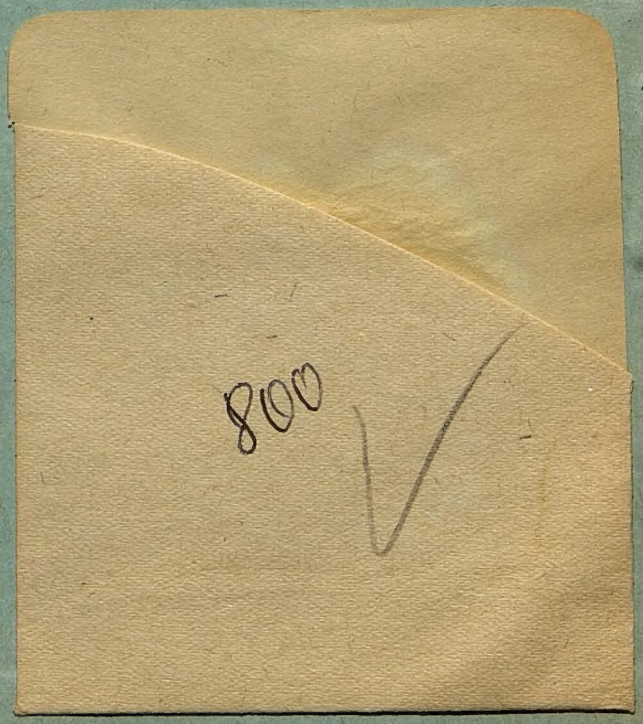
КЪ СТОЛѢТІЮ ДНЯ ЕГО РОЖДЕНІЯ.



Транспортъ «БАЙКАЛЪ».

БИБЛІОТЕКА
Отдѣла
Главного Морского Штаба РИКФ

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія Морского Министерства, въ Главномъ Адмиралтействѣ.
1914.


800

359А8.
А31

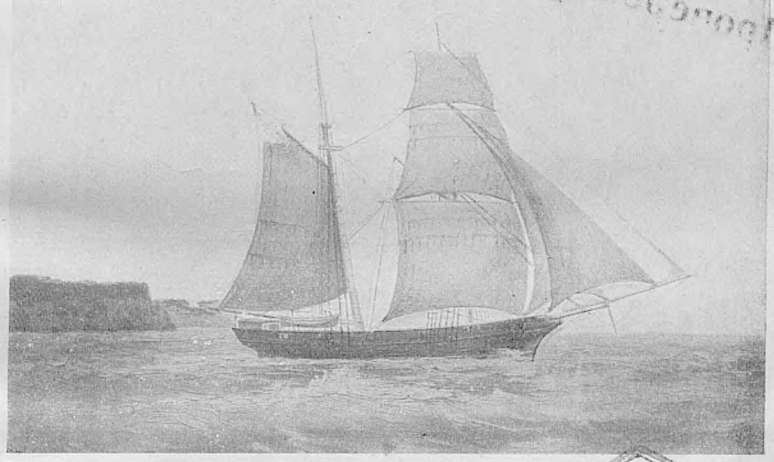
АДМИРАЛЪ

Геннадій Ивановичъ

НЕВЕЛЬСКОЙ

КЪ СТОЛѢТІЮ ДНЯ ЕГО РОЖДЕНІЯ.

БИБЛІОТЕКА
РНИЦ ВМФ



Транспортъ «БАЙКАЛЪ».

Фундаментальная
Военно-научная
библиотека ГШ ВМФ

БИБЛІОТЕКА
ОТДѢЛА
Главного Морского Штаба РККФ
МОСКВА

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія Морского Министерства, въ Главномъ Адмиралтействѣ.
1914.

ФИЛИАЛ
Центральной ВМБ

359А8
А 9Д
ПРОВЕРЕНО 54 г.
ПРОВЕРЕНО 1960 г.
Проверено 2015

Г. Невельской

АДМИРАЛЪ ГЕННАДІЙ ИВАНОВИЧЪ НЕВЕЛЬСКОЙ.

(Къ столѣтію со дня рожденія).

1813 $\frac{25}{XI}$ 1913.

25-го ноября 1913 года исполнилось сто лѣтъ со дня рожденія одного изъ замѣчательнѣйшихъ русскихъ людей, адмирала Геннадія Ивановича Невельского, которому, вмѣстѣ съ Николаемъ Николаевичемъ Муравьевымъ, наше отечество обязано пріобрѣтеніемъ При-Амурскаго и При-Уссурійскаго края,—области пространствомъ въ полъ-милліона квадратныхъ верстъ.

Невельской умеръ въ 1876 году, полнымъ адмираломъ, въ званіи члена ученаго отдѣленія морского техническаго комитета и въ настоящее время уже мало находится въ живыхъ изъ лично знавшихъ Геннадія Ивановича, или изъ тѣхъ кто могъ-бы считаться его современникомъ. Доблестная подруга жизни Геннадія Ивановича, Екатерина Ивановна Невельская, скончалась въ 1879 году, а изъ дѣтей въ живыхъ находятся: сынъ Николай Геннадьевичъ и три дочери Ольга Геннадьевна Сорохтина, Марія Геннадьевна Кукель и Александра Геннадьевна Охотникова. Изъ числа же современниковъ и сослуживцевъ Геннадія Ивановича по сейчасъ здравствуетъ бывшій его сотрудникъ по амурской экспедиціи, въ то время мичманъ а нынѣ генералъ-адъютантъ адмиралъ Н. М. Чихачевъ, который одинъ только и является живымъ свидѣтелемъ той эпопеи которая называлась тогда «амурской экспедиціей».

Приходится поэтому особенно цѣнить, что самъ адмиралъ Геннадій Ивановичъ въ послѣдніе годы своей жизни составилъ подробный историческій очеркъ присоединенія къ Россіи При-

Амурскаго края. Этотъ замѣчательный трудъ, подъ названіемъ «Подвиги русскихъ морскихъ офицеровъ на крайнемъ востокѣ Россіи», былъ изданъ супругой адмирала уже послѣ его смерти на средства ученаго отдѣленія Морского техническаго комитета.

Предпославъ краткое историческое описаніе дѣятельности первыхъ нашихъ піонеровъ на Дальнемъ Востокѣ, а также посольствъ и экспедицій, посылавшихся въ Китай и на Амуръ, за все время съ 1644 до 1844 года, адмиралъ съ документами въ рукахъ, шагъ за шагомъ разсказываетъ, какъ онъ со своими неутомимыми сотрудниками работалъ въ первобытныхъ дебряхъ При-Амурскаго края и на островѣ Сахалинѣ, отстаивая права на нихъ Русской Державы.

Выдающаяся дѣятельность Г. И. Невельского, какъ начальника амурской экспедиціи, представляетъ поразительный примѣръ того, какія великія дѣла могутъ совершать люди съ самыми ничтожными средствами и при непреоборимыхъ, казалось-бы, препятствіяхъ, если они одарены врожденнымъ патріотизмомъ, сильной волей, благороднымъ характеромъ и безграничной энергіей,—качества, которыми полностью обладалъ Г. И. Невельскій.

Поэтому-то, при чтеніи записокъ Невельского, приходится въ равной степени дивиться и тому, какимъ это образомъ такія высокія заслуги Невельскаго передъ отечествомъ не только не находили тогда справедливой оцѣнки высшаго правительства, но и вся его дѣятельность, какъ начальника амурской экспедиціи, признавалась прямо преступной.

Даже послѣ того, что результатомъ предпріимчивости и настойчивости Геннадія Ивановича явилось окончательное закрѣпленіе за Россіей при-амурскаго края и подвиги Невельского получили высокую оцѣнку въ словахъ, сказанныхъ ему Государемъ Императоромъ, что «Россія никогда не забудетъ его заслугъ», эти заслуги все еще игнорировались тогдашнимъ правительствомъ, и вся слава въ разрѣшеніи амурскаго вопроса была приписана исключительно генералъ-губернатору Н. Н. Муравьеву.

Въ 1891 году И. П. Барсуковымъ былъ изданъ біографическій очеркъ графа Муравьева, составленный по его письмамъ, офиціальнымъ документамъ, разсказамъ современниковъ и печатнымъ источникамъ. Казалось бы, что именно въ этой книгѣ можно найти правдивое сказаніе о томъ, что было сдѣлано начальникомъ амурской экспедиціи Г. И. Невельскимъ и что генераломъ - губернаторомъ Н. Н. Муравьевымъ, такъ какъ дѣятельность ихъ въ амурскомъ вопросѣ очень тѣсно связана. Между тѣмъ, приводя въ своей книгѣ свѣдѣнія и отзывы панегиристовъ Муравьева и въ то же время совершенно игнорируя статьи противоположнаго характера, Барсуковъ утверждаетъ, что начало и выполненіе вопроса объ отысканіи и занятіи устьевъ Амура принадлежитъ исключительно одному Муравьеву, а что Невельской былъ только исполнителемъ его указаній. Несомнѣнно, пользуясь записками Невельского, какъ матеріаломъ, и, значитъ хорошо зная, что именно было сдѣлано Невельскимъ, Барсуковъ лишь въ двухъ трехъ мѣстахъ упоминаетъ объ энергической дѣятельности начальника амурской экспедиціи и его сотрудниковъ.

На эту книгу И. П. Барсукова профессоръ харьковскаго университета П. Буцинскій написалъ критическую рецензію, въ которой легко удостовѣрилъ, что, напротивъ, капитанъ-лейтенантъ Невельскій руководилъ Муравьевымъ въ разрѣшеніи великихъ сибирскихъ вопросовъ, дѣлая ему на этотъ счетъ указанія, и что въ тѣхъ случаяхъ, когда Муравьевъ не точно слѣдовалъ этимъ указаніямъ, то дѣлалъ ошибки.

Такимъ образомъ, изъ критическаго отзыва проф. Буцинскаго представляется безспорнымъ, что единственнымъ правдивымъ матеріаломъ для сужденія объ обстоятельствахъ, которыми сопровождалось присоединеніе къ Россійской Имперіи приамурскаго края, остаются по сейчасъ только посмертныя записки Невельскаго.

Эта книга «Подвиги русскихъ морскихъ офицеровъ» была въ 1899 году отпечатана вторымъ изданіемъ дѣтьми адмирала, уже послѣ смерти Екатерины Ивановны Невельской, и какъ дополненіе къ новому изданію, къ нему приложено нѣсколько писемъ, которыя она писала своимъ роднымъ въ Иркутскъ,

на пути въ Петровское. Но еще ранѣе, въ 1894 году, Ольга Геннадьевна Сорохтина (*), проживая постоянно въ Парижѣ, издала на французскомъ языкѣ краткій біографическій очеркъ своего знаменитаго отца, подъ заглавіемъ: L'amiral Nevelskoy et la conquète définitive qu fleuve Amour. Книга эта, съ предисловіемъ M-me Juliette Adam, была посвящена бывшему тогда морскимъ министромъ во Франціи Феликсу Фору.

Въ своемъ предисловіи Juliette Adam приводитъ нѣсколько словъ изъ письма къ ней Ольги Геннадьевны, которая обращалась къ ней съ такою просьбою: «Aidez-moi à réparer une injustice, faites connaitre, á mon adoré pays celui qu'il méconnait, faites aimer á la chère France le nom de mon père. En méme temps, éveillez l'intérèt et la sympathie chez les femmes françaises pour ma mère, modèle de ces femmes russes auxquelles la passion de leur pays impose tant d'actes de dévouement patriotique simplement accomplis».

J'ai lu ces pages qu'il faut lire — говоритъ Juliette Adam — et c'est avec émotion que j'ai repondu: «J'aurai avec Vous de la devotion pour Vos grands morts».

Хотя въ 1891 году Невельскому поставленъ во Владивостокѣ памятникъ, а въ настоящее время готовится къ постановкѣ памятникъ и въ Николаевскѣ на Амурѣ, тѣмъ не менѣе нельзя не признать, что имя Невельскаго, несмотря на совершенные имъ выдающіеся подвиги, не пользуется у насъ той извѣстностью, какой оно по справедливости заслуживаетъ. Можно даже сказать, что кромѣ лицъ, спеціально занимавшихся дѣлами Дальняго Востока, мало кто, въ широкихъ кругахъ нашего общества, имѣетъ опредѣленное представленіе о томъ, чѣмъ на самомъ дѣлѣ былъ Геннадій Невельской.

Печальное подтвержденіе этому можно, между прочимъ, найти въ энциклопедическомъ словарѣ Ефрона, гдѣ относительно Невельского сказано, что онъ, «въ 1848 году былъ назначенъ командиромъ строившагося на Байкальскомъ озерѣ (?!) транспорта «Байкалъ», на которомъ долженъ былъ доставить въ Петропавловскъ провіантъ (?!). Несмотря на

(*) Подъ псевдонимомъ Вѣра Вендъ.

препятствія и затрудненія, Невельскій проѣхалъ по Амуру (?!) до его устья, всюду производя изслѣдованія.... Въ 1851 г. отправленный Муравьевымъ для основанія зимовья на берегу Охотскаго моря (впослѣдствіи Николаевскаго порта (?!), Невельскій снова проѣхалъ по Амуру (?!) и принялъ въ русское подданство амурскихъ туземцевъ. Занимаясь затѣмъ заселеніемъ Амурской области (?!) и постройкою портовъ (?!), Н. еще разъ проявилъ свою энергію для передвиженія нашего флота изъ Петропавловска на Амуръ, во время войны съ англичанами и французами?!.».

Если такія познанія о Невельскомъ и о возможности перехода военнаго транспорта изъ Байкальскаго озера на Амуръ можно еще объяснить невѣдѣніемъ и недосмотромъ составителей энциклопедическаго словаря, то съ другой стороны представляется очень печальнымъ, что въ настоящее время можно встрѣтить даже среди морскихъ офицеровъ такихъ, которые имѣютъ лишь отрывочныя свѣдѣнія объ этихъ замѣчательныхъ «подвигахъ русскихъ морскихъ офицеровъ на крайнемъ востокѣ Россіи».

При жизни Геннадія Ивановича я былъ совсѣмъ молодымъ офицеромъ и не могъ лично знать адмирала по его служебной дѣятельности, но я часто имѣлъ случай видѣть его у моего отца, а также и у другихъ адмираловъ, его пріятелей и товарищей, причемъ мнѣ приходилось бывать свидѣтелемъ его оживленныхъ разсказовъ и горячихъ всегда споровъ, такъ что у меня отлично запечатлѣлся въ памяти необыкновенно типичный его обликъ, тѣмъ болѣе, что имѣется очень хорошій его портретъ.

Но главнымъ образомъ я проникся уваженіемъ къ Геннадію Ивановичу уже впослѣдствіи, когда, съ появленіемъ въ свѣтъ его посмертныхъ записокъ, нельзя было не восторгаться описаніемъ изумительныхъ подвиговъ этого прямо геніальнаго человѣка и большого русскаго патріота. Вмѣстѣ съ этимъ трудно было объяснить себѣ тогда причины, по которымъ въ отношеніи его была выказана такая жестокая несправедливость его современниками, вслѣдствіе чего онъ не былъ по заслугамъ оцѣненъ и новыми поколѣніями.

Признавая необходимымъ теперь, въ столѣтіе со дня рожденія Геннадія Ивановича, напомнить о его замѣчательныхъ заслугахъ передъ Отечествомъ, я составилъ краткій очеркъ наиболѣе выдающихся эпизодовъ его дѣятельности, какъ начальника Амурской экспедиціи; при этомъ я руководствовался тѣмъ прекраснымъ матеріаломъ, какой мы имѣемъ въ запискахъ самого адмирала, лишь мѣстами приводя краткія выдержки изъ другихъ источниковъ.

Первые дѣйствительные шаги Г. И. Невельского въ амурскомъ вопросѣ были сдѣланы въ 1847 году, когда онъ въ чинѣ капитанъ-лейтенанта былъ назначенъ командиромъ транспорта «Байкалъ», отправлявшагося въ Камчатку съ разными грузами. Но слѣдуетъ упомянуть, что еще въ 1844 году въ Черномъ морѣ вооружался корветъ «Оливуца», для экспедиціи въ Китай и Японію подъ начальствомъ адмирала Е. В. Путятина, которому между прочимъ поручалось обслѣдовать лиманъ и устье рѣки Амура, съ цѣлью убѣдиться насколько было справедливо существовавшее тогда убѣжденіе о недоступности устья этой рѣки для морскихъ судовъ и дѣйствительно ли оно охраняется значительной китайской силой.

Такъ какъ на снаряженіе этой экспедиціи испрашивалось 250 000 руб., то министръ финансовъ, графъ Вронченко, въ особой запискѣ представлялъ Государю Императору, что «при неразвитіи, или лучше сказать, несуществованіи нашей торговли въ Восточномъ океанѣ и неимѣнія въ виду, чтобы когда либо могла существовать даже эта торговля безъ утвержденія нашего въ Ири-Амурскомъ краѣ, — единственною полезною цѣлью отправленія Е. В. Путятина я полагаю будетъ порученіе удостовѣриться, между прочимъ, въ справедливости сложившагося убѣжденія о недоступности устья р. Амуръ, — обстоятельства, обусловливающаго степень полезности для Россіи этой рѣки и орошаемаго ею края. Но для разрѣшенія этого вопроса не требуется снаряженія такой большой и дорого стоющей экспедиціи, какова настоящая, а гораздо лучше, въ отношеніи политическомъ и финансовомъ, произвести изслѣдованіе Амурскаго лимана и устья р. Амуръ черезъ россійско-американскую компанію, поручивши ей отправить къ устью этой рѣки, на счетъ казны, надлежащее судно изъ колоніи».

Это мнѣніе министра финансовъ было Высочайше утверждено и экспедиція Путятина отмѣнена; предсѣдателю же правленія россійско-американской компаніи барону Ф. П. Врангелю было предписано отправить изъ колоніи въ лиманъ

рѣки Амуръ благонадежное судно, для положительнаго опредѣленія, какого ранга суда могутъ входить въ рѣку съ моря.

Въ инструкціи командиру судна было упомянуто, что главная цѣль экспедиціи должна заключаться въ изслѣдованіи устья рѣки, входъ въ которое, по имѣвшимся свѣдѣніямъ, «не только затруднителенъ, но и невозможенъ, [illegible] мелкосидящихъ шлюпокъ, т. е., что рѣка какъ бы теряется въ пескахъ». Затѣмъ въ инструкціи было оговорено, что если Китайцы спросятъ «зачѣмъ пришло судно?» отвѣчать, что, «бури, вѣтри и теченія нечаянно его сюда занесли», а людямъ, отправляемымъ на гребныхъ судахъ, говорить, что «пришли около рѣки наловить рыбы». Тужиковъ дарить и одарять, на случай же непріязненныхъ съ ихъ стороны намѣреній, «гребнымъ судамъ держаться по возможности соединенно, такъ, чтобы они могли взаимно помогать другъ другу. Флагъ имѣть какой либо разноцвѣтный, чтобы китайцы не могли подозрѣвать, что судно русское и, чтобы чрезъ это не [illegible] повода къ какимъ либо съ ихъ стороны на насъ неудовольствіямъ, ибо правительство желаетъ сохранить съ ними тѣсную дружбу».

Утверждая предполагавшуюся посылку судна въ амурскій лиманъ, Императоръ Николай Павловичъ подтвердилъ: [illegible] *принять всѣ мѣры, чтобы паче всего удостовѣриться, могутъ ли входить суда въ рѣку Амуръ; ибо въ этомъ и заключается весь вопросъ, важный для Россіи*».

По полученіи инструкціи въ Аянѣ, оттуда былъ посланъ въ Амурскій лиманъ небольшой бригъ «Константинъ», подъ командой поручика флотскихъ штурмановъ Гаврилова. Передъ уходомъ изъ Охотска, командиръ получилъ отъ управителя колоніи дополнительную инструкцію, въ которой ему между прочимъ напоминалось, что при устьѣ Амура находится большая китайская сила и что поэтому онъ долженъ «принять всѣ мѣры предосторожности, дабы не имѣть съ китайцами непріязненныхъ столкновеній и дабы китайцы не могли узнать, что судно русское». Гаврилову поэтому велѣно было выдавать себя за *не русскаго* рыболова, со всѣми малѣйшими предосторожностями, имѣя на суднѣ даже табакъ *американскій*, а не

русскій. При случайной же встрѣчѣ съ русскими, говорить имъ, что по русски научился на берегу Охотскаго моря отъ русскихъ, гдѣ ловилъ рыбу.

До какой степени велика была тогда забота о томъ, «чтобы все оставалось въ тайнѣ», можно судить между прочимъ по такому параграфу инструкціи: «Чтобы всѣ инструменты для наблюденія вы хранили у себя и чтобы всѣ наблюденія для опредѣленія мѣста судна и берега вы дѣлали сами, а равно и журналъ писали бы собственноручно, безъ участія въ этомъ дѣлѣ помощниковъ, которые, а равно какъ и команда, ничего объ этомъ не должны знать и никому не говорить, что вы были около р. Амура».

«Въ случаѣ если при входѣ въ лиманъ встрѣтите мели то не должны подвергать судно опасности, ибо положительно извѣстно, что устье рѣки загромождено [illegible]».

Съ такими предостереженіями Гавриловъ вышелъ изъ Аяна и [illegible]манъ, гдѣ 20-го іюля 1846 года и всталъ на якорь въ широтѣ 53°. Отсюда онъ на байдаркахъ пошелъ съ промѣрами поперекъ лимана и достигнувъ устья Амура у южнаго [illegible], тѣмъ же путемъ вернулся на судно. Пройдя затѣмъ на шлюпкѣ, до широты 52° 46′, Гавриловъ съ бригомъ 12-го августа вышелъ обратно въ Охотское море и 20-го прибылъ въ Аянъ.

Въ своемъ рабочемъ журналѣ, посланномъ барону Врангелю въ Петербургъ, Гавриловъ объяснялъ, что по краткости времени, ничтожеству имѣвшихся у него средствъ, свѣжимъ вѣтрамъ и сильнымъ теченіямъ, онъ не имѣлъ возможности, произвести тщательныя и подробныя изслѣдованія, которыя могли бы разрѣшить вопросъ о состояніи устья Амура и его лимана. На приложенной къ журналу картѣ было показано, что устье рѣки загромождено банками, на которыхъ глубина отъ $^1/_4$ до $^1/_2$ сажени; входъ въ лиманъ загражденъ съ сѣвера банкою въ 5 фут.; отъ широты 52° 46′, показана поперекъ всего лимана отмель, представляющая какъ бы перешеекъ, соединяющій Сахалинъ съ материкомъ, и такимъ образомъ эта карта Гаврилова подтверждала мнѣніе Лаперуза, Брау-

топа и Крузенштерна, что устье рѣки и ея лиманъ недоступны, а Сахалинъ—полуостровъ.

По справедливому замѣчанію Невельского, казалось слѣдовало бы, не испрашивая Высочайшаго повелѣнія, вторично послать въ лиманъ судно со всѣми средствами для положительнаго разрѣшенія даннаго вопроса, или же, представляя Государю Императору о результатахъ, полученныхъ Гавриловымъ, объяснить въ докладѣ, что вопросъ о рѣкѣ Амурѣ остался не разрѣшеннымъ. Между тѣмъ баронъ Врангель доносилъ графу Нессельроде: — «изъ приложеннаго при семъ въ подлинникѣ журнала и составленной по немъ карты сѣверной части амурскаго лимана и устья рѣки Амура, ваше сіятельство изволите усмотрѣть, что возложенное на меня Высочайшее повелѣніе исполнено. Судно рос.-америк. компаніи было послано и, по осмотрѣ сѣверной части лимана и устья р. Амуръ, оно оказалось доступнымъ только для мелкосидящихъ шлюпокъ».

Руководствуясь этимъ документомъ, графъ Нессельроде, 15-го декабря 1846 г. докладывалъ Государю Императору: «Повелѣніе Вашего Величества предсѣдателемъ Главнаго правленія рос.-америк. компаніи барономъ Врангелемъ въ точности исполнено; устье рѣки оказалось недоступнымъ для мореходныхъ судовъ, ибо глубина на ономъ отъ $1^1/_2$ до $3^1/_2$ фут. и Сахалинъ полуостровъ, почему рѣка Амуръ не имѣетъ для Россіи никакого значенія». На этомъ докладѣ Государь Императоръ написалъ: «*Весьма сожалѣю. Вопросъ объ Амурѣ, какъ рѣкѣ безполезной, оставить; лицъ посылавшихся къ Амуру, наградить*».

Казалось бы, что при такихъ условіяхъ, никому уже и въ голову не могло придти снова возбудить вопросъ объ изслѣдованіи устья рѣки Амуръ и о необходимости присоединенія этой рѣки къ Россійскимъ владѣніямъ. Но бываютъ люди и люди.

Бываютъ люди, которые, можетъ быть даже помимо своей доброй воли, инстинктивно, славу и выгоды своего отечества ставятъ выше личныхъ выгодъ и собственнаго спокойствія; къ

такимъ именно патріотамъ принадлежалъ безспорно и Геннадій Ивановичъ Невельской, въ то время еще молодой капитанъ-лейтенантъ.

Небольшого роста, очень подвижной, безпокойнаго нрава, крайне вспыльчивый, рѣшительный, предпріимчивый, настойчивый, энергичный, Геннадій Ивановичъ Невельской, отличался выдающимися способностями, пытливымъ умомъ, желѣзной волей, благороднымъ характеромъ, необыкновенной добротой, горячимъ сердцемъ и высокимъ патріотизмомъ.

Всегда очень горячій во время спора и страдая сухимъ нервнымъ кашлемъ, который часто прерывалъ его рѣчь, онъ имѣлъ привычку во время спора брать собесѣдника за руку или за пуговицу сюртука, стучалъ по столу, иногда сокрушая попадавшуюся подъ руку посуду (*). Въ послѣднее же время, въ засѣданіяхъ ученаго комитета, онъ иначе и не говорилъ, какъ стуча кулакомъ по столу. Но несмотря на то, что онъ ругалъ всѣхъ и каждаго за глаза и въ глаза, всѣ любили и уважали *Геннадія*, какъ обыкновенно его звали въ дни молодости.

Происходя изъ старинной дворянской фамиліи, Геннадій Ивановичъ Невельской родился 25-го ноября 1813 года въ усадьбѣ Драгино Солигаличскаго уѣзда Костромской губерніи. Эта вотчина была пожалована предку Невельскихъ, за спасеніе жизни царя Алексѣя Михайловича во время охоты.

По сосѣдству съ Невельскими жилъ ихъ родственникъ помѣщикъ Полозовъ, очень образованный человѣкъ, который полюбилъ маленькаго Геннадія и занялся его воспитаніемъ. Одиннадцати лѣтъ отъ роду Невельской одновременно лишился отца и дяди и вскорѣ былъ опредѣленъ въ Морской корпусъ, гдѣ сразу обнаружилъ большія способности и сдѣлался первымъ ученикомъ въ своемъ классѣ. Серьезный, усидчивый, онъ имѣлъ особенную склонность къ математикѣ, такъ что товарищи и учителя, подтрунивая надъ нимъ, называли

(*) Въ связи съ привычкой Геннадія Ивановича хвататься за руку собесѣдника, разсказывали, что съ нимъ бывали такіе эпизоды, что въ пылу спора онъ пальцами чужой руки выгребалъ табакъ изъ своей трубки.

его Архимедомъ. Блестяще окончивъ курсъ, Невельской произведенный въ мичмана, поступилъ въ офицерскій классъ, и черезъ три года, получилъ чинъ лейтенанта. Въ лѣтніе мѣсяцы Невельской каждый годъ находился въ плаваніи на судахъ Балтійскаго флота, а въ послѣдующіе десять лѣтъ, съ 1836 по 1846 г., плавалъ на разныхъ судахъ съ молодымъ тогда великимъ княземъ Константиномъ Николаевичемъ, причемъ одно время руководилъ его по морской части. Съ 1837 по 1845 годъ, Невельской плавалъ съ великимъ княземъ на фрегатахъ «Беллона», «Аврора» и кораблѣ «Ингерманландъ», при вооруженіи котораго въ Архангельскѣ былъ помощникомъ великаго князя, какъ старшаго офицера, а затѣмъ находился въ плаваніи на этомъ кораблѣ въ продолженіе четырехъ лѣтъ, изъ коихъ одинъ годъ въ Средиземномъ морѣ. Послѣдній годъ въ чинѣ лейтенанта Невельской находился въ крейсерствѣ, въ Нѣмецкомъ морѣ, на томъ же кораблѣ «Ингерманландъ», въ эскадрѣ к.-а. Епанчина и въ 1846 году былъ произведенъ въ капитанъ-лейтенанты. Такимъ образомъ, въ теченіе девятнадцати лѣтъ, съ 1829 по 1847 годъ, Невельской ни одного лѣта не проводилъ на берегу и во время трудныхъ парусныхъ плаваній въ совершенствѣ изучилъ морское дѣло.

Амурскимъ вопросомъ Невельской началъ интересоваться еще въ бытность свою въ офицерскихъ классахъ, а затѣмъ, внимательно изучая его по всѣмъ имѣвшимся тогда источникамъ на русскомъ и иностранныхъ языкахъ, онъ окончательно сосредоточился на той мысли, что рѣка Амуръ, не будучи рѣкой Китайской, должна принадлежать Россіи. Продолжая настаивать на своемъ, онъ всюду твердилъ, какъ о совершенно невозможномъ, чтобы такая большая рѣка, какъ Амуръ, могла теряться гдѣ то въ невѣдомыхъ пескахъ, не найдя для себя выхода въ море.

Пользуясь особымъ расположеніемъ великаго князя Константина Николаевича, Невельской могъ расчитывать на самыя лестныя назначенія на флотѣ, но онъ какъ особенной милости просилъ о назначеніи его командиромъ маленькаго транспорта «Байкалъ», отправлявшагося съ разными казенными грузами

въ наши порты Охотскаго моря и въ декабрѣ 1847 года получилъ это назначеніе.

Какъ разъ въ это время генералъ-губернаторомъ Восточной Сибири былъ назначенъ молодой, энергичный и дѣятельный генералъ-маіоръ Н. Н. Муравьевъ. Представляясь ему по случаю своего назначенія, Невельской изложилъ свои доводы о чрезвычайной важности для Россіи завладѣть устьемъ Амура и просилъ, чтобы ему дано было разрѣшеніе по сдачѣ груза въ Петропавловскѣ, пройти съ транспортомъ въ лиманъ Амура для описи.

Лично соглашаясь со взглядами Невельского, Муравьевъ однако затруднялся тогда поднимать этотъ вопросъ, ссылаясь на то, что къ сожалѣнію всѣ убѣждены въ недоступности устья рѣки для входа судовъ съ моря и что въ этомъ убѣдили и Государя Императора, который по этому поводу выразился: *«для чего намъ эта рѣка, когда нынче уже положительно доказано, что входить въ устье могутъ только лодки»*.

Съ своей стороны начальникъ Главнаго Морского Штаба князь Меншиковъ отозвался, что «описью. Амуръ, какъ рѣки китайской, повлечетъ за собой непріятную переписку съ китайскимъ правительствомъ, нежелательную для министра иностранныхъ дѣлъ гр. Несельроде и поэтому нечего и думать о томъ, что невозможно». Къ этому князь Меншиковъ прибавилъ, что такъ какъ «Байкалъ» можетъ прибыть въ Петропавловскъ только осенью 1849 года, а денежныя средства на плаваніе транспорта ассигнованы только на одинъ годъ, то что все равно не будетъ ни времени, ни средствъ для выполненія такой задачи.

Усматривая изъ словъ князя Меншикова, что существенной причиной къ отстраненію его предложенія является недостатокъ времени, Невельской направилъ всю свою энергію на то, чтобы ускорить уходъ транспорта изъ Кронштадта, который въ это время еще только строился въ Гельсингфорсѣ и по контракту спускъ его долженъ былъ состояться въ концѣ августа. Дѣйствуя на строителей, Невельской добился того, что транспортъ былъ спущенъ на воду 10-го іюля; къ этому времени въ Гельсингфорсъ были доставлены команда, паруса

и такелажъ, а 20-го іюля «Байкалъ», почти совсѣмъ готовый, прибылъ въ Кронштадтъ.

Пока транспортъ строился, Невельской принималъ всѣ мѣры въ Петербургѣ и въ Кронштадтѣ, чтобы не произошло задержки въ изготовленіи грузовъ, предназначавшихся къ отправкѣ въ Петропавловскъ, и одновременно добился того, что были устранены существовавшія ранѣе непостижимыя формальности по сдачѣ грузовъ въ Охотскѣ.

Пользуясь тѣмъ, что князь Меншиковъ остался очень доволенъ столь быстрымъ изготовленіемъ транспорта, Невельской снова настойчиво просилъ, чтобы ему разрѣшили хотя бы произвести опись юго-восточнаго берега Охотскаго моря и при этомъ побывать въ устьѣ Амура, куда, «офиціально транспортъ могло занести вѣтрами и теченіемъ»; что было бы очень жаль не воспользоваться временемъ и удобнымъ случаемъ, тѣмъ болѣе, что транспортъ снабженъ довольно полно и на него назначены дѣятельные и прекрасные офицеры.

Поддержанный Н. Н. Муравьевымъ и министромъ внутреннихъ дѣлъ, Л. А. Перовскимъ, а главнымъ образомъ генералъ-адмираломъ Константиномъ Николаевичемъ, Невельской получилъ наконецъ приказаніе князя Меншикова составить для себя проектъ инструкціи, въ которой онъ и упомянулъ: «осмотрѣть и описать юго-восточный берегъ Охотскаго моря, до лимана р. Амуръ; изслѣдовать лиманъ этой рѣки и ея устье и описать сѣверо-восточную часть Сахалина до 52 параллели»; но кн. Меншиковъ все это вычеркнулъ, замѣнивъ словами: «осмотрѣть юго-восточный берегъ Охотскаго моря между тѣми мѣстами, которыя были опредѣлены или усмотрѣны прежними мореплавателями».

Такимъ образомъ, несмотря на всѣ старанія, Невельской не добился разрѣшенія произвести опись амурскаго лимана и 21 августа вышелъ изъ Кронштадта въ Камчатку. Слѣдуя вокругъ мыса Горнъ, транспортъ заходилъ въ Ріо Жанейро,

---

(*) Транспортъ «Байкалъ», вмѣстимостью 250 тоннъ, имѣлъ шкунское вооруженіе. Длина была 94 ф. ширина 24′7″ и въ полномъ грузу сидѣлъ 12′6″.

Вальпарайзо и на Сандвичевы острова и 12 мая 1849 года благополучно прибылъ въ Петропавловскъ. Кромѣ одного случая это былъ самый быстрый переходъ отъ Кронштадта до Камчатки, изъ числа совершенныхъ нашими судами до этого времени, и несмотря на то, что за весь переходъ было только 33 дня якорныхъ стоянокъ, на транспортѣ, благодаря заботливости командира о сохраненіи здоровья команды, по приходѣ въ Петропавловскъ не было ни одного больного, а по отзыву портового начальника, грузъ былъ доставленъ въ такой исправности, какъ никогда раньше (*).

Въ Петропавловскѣ Невельскимъ было получено отъ генералъ-губернатора частное письмо, съ приложеніемъ копіи съ проекта инструкціи, представленной на Высочайшее воззрѣніе, *но не получившей еще утержденія*, и въ которой Н. Н. Муравьевымъ было предположено поручить Невельскому: «обслѣдовать сѣверную часть амурскаго лимана съ устьемъ рѣки Амуръ и далѣе самую рѣку, *гдѣ она течетъ въ опредѣленныхъ своихъ берегахъ*; выяснить, нѣтъ ли при устьѣ или близъ него въ самой рѣкѣ мѣста, гдѣ бы можно было защитить входъ въ нее; описать берегъ рѣки Амуръ и ея лимана, въ географическомъ и статистическомъ отношеніяхъ; опредѣлить состояніе южной части лимана: справедливо ли убѣжденіе, что Сахалинъ полуостровъ и если оно ошибочно, то изслѣдовать проливъ, отдѣляющій Сахалинъ отъ материка, а затѣмъ описать юго-восточный берегъ Охотскаго моря съ Константиновскимъ заливомъ».

О результатѣ произведенныхъ изслѣдованій надлежало при первомъ случаѣ донести, секретно, начальнику Главнаго Морского Штаба, князю Меншикову и генералъ-губернатору Восточной Сибири Муравьеву, а затѣмъ, около 15 сентября,

---

(*) Экипажъ транспорта составляли: лейтенанты П. В. Казакевичъ и А. П. Гревенсъ, мичмана Гейсмэръ и Гроте; корпуса штурмановъ поручикъ Халезовъ и подпоручикъ Поповъ; юнкеръ князь Ухтомскій и лѣкарь Бергъ. Нижнихъ чиновъ: унт.-офиц. 3, матросовъ 22, баталеръ 1, арт. унт. офиц. 1 и фельдшеръ 1 и кромѣ этого 14 челов. мастеровыхъ, для отвоза въ Петропавловскъ.

быть въ Охотскѣ, откуда по сдачѣ транспорта командиръ со всѣми офицерами долженъ былъ возвратиться въ Петербургъ берегомъ.

Такимъ образомъ, не получивъ и по приходѣ въ Камчатку ничего кромѣ этого проекта инструкціи, *которая можетъ быть и не утверждена*, Невельской конечно не имѣлъ уже права идти къ устью Амура для описи береговъ признававшихся китайскими, и долженъ былъ ограничиться лишь описью юго-восточнаго берега Охотскаго моря, согласно разрѣшенія князя Меншикова. Но Невельской твердо шелъ къ намѣченной цѣли и еще изъ Рio-Жанейро онъ писалъ Н. Н. Муравьеву: «Я надѣюсь въ маѣ быть въ Петропавловскѣ и, по сдачѣ груза въ этомъ портѣ, я рѣшился во всякомъ случаѣ, получу или не получу Высочайшее повелѣніе, отправиться прямо къ описи восточнаго берега Сахалина и Амурскаго лимана, о чемъ долгомъ моимъ считаю предварить Васъ, въ надеждѣ, что Вы не оставите меня своимъ содѣйствіемъ: ибо, если я не получу на произведеніе этой описи Высочайшаго соизволенія, то подвергаюсь по закону тяжкой отвѣтственности».

И дѣйствительно, сейчасъ же по сдачѣ груза Невельской 30-го мая вышелъ на «Байкалѣ» изъ Петропавловска, взявъ курсъ къ восточному берегу Сахалина къ тому мѣсту, гдѣ, въ широтѣ 51° 40′, Крузенштернъ встрѣтилъ сулой, принятый имъ за баръ рукава рѣки Амура.

Передъ выходомъ въ море Геннадій Ивановичъ призвалъ къ себѣ въ каюту всѣхъ офицеровъ транспорта и объяснилъ имъ сущность амурскаго вопроса и важность надлежащаго его разрѣшенія на пользу Россіи. Я увѣренъ,— сказалъ Геннадій Ивановичъ,— что каждый изъ насъ готовъ переносить всѣ опасности и трудности, которыя мы неминуемо должны встрѣтить при достиженіи этой цѣли.

Погоды стояли неблагопріятныя съ тихими противными вѣтрами, перемежавшимися штилями и непроницаемыми холодными туманами. 7-го іюня «Байкалъ» вошелъ въ Охотское море чрезъ 4-й Курильскій проливъ, а 12-го при восходѣ солнца съ транспорта увидѣли покрытыя туманомъ возвышен-

ности Сахалина. Подойдя ближе къ берегу, Невельской послалъ на берегъ шлюпку съ инструментами для болѣе точнаго опредѣленія мѣста. По обсерваціи, широта мѣста оказалась 51° 31′, т. е. всего на 9 миль южнѣе, нежели расчитывали. Отъ этого пункта Невельской направился къ сѣверу, при чемъ шлюпка съ офицеромъ слѣдовала вдоль берега, производя опись, о замѣчательной точности которой, при имѣвшихся средствахъ, можно судить по сравненію карты Невельского съ послѣдней описью этого берега острова Сахалина.

Въ своихъ запискахъ Невельской приводитъ подробное описаніе этого пути слѣдованія транспорта «Байкалъ» (стр. 76—84), но здѣсь приходится только упомянуть, что это плаваніе транспорта вдоль восточнаго берега Сахалина, свидѣтельствуя о замѣчательной предпріимчивости, энергіи и смѣлости Невельского, было крайне обременительно для судового состава и сопровождалось большимъ рискомъ потерять судно. Такъ, обогнувъ, уже мысъ Елизаветы, транспортъ, 19-го іюня, былъ прижатъ къ мели, на которой простоялъ 16 часовъ, при неблагопріятныхъ условіяхъ погоды. Снявшись съ мели Невельской направился къ югу въ Амурскій лиманъ и 27-го іюня въ 4 часа пополудни всталъ на якорь у мыса Головачева и сейчасъ же приступилъ къ описи лимана съ транспорта и со шлюпокъ.

Неправильныя и быстрыя теченія, лабиринтъ мелей и противные SW-е вѣтры, разводившіе сулой на глубокихъ между банками заводяхъ, дѣлали эту работу крайне утомительною и опасною. Часто становясь на мель, какъ транспортъ, такъ и гребныя суда попадали въ самыя критическія положенія, и по словамъ Невельского, «много надобно было энергіи, чтобы при такихъ обстоятельствахъ твердо идти къ предположенной цѣли».

Убѣдившись въ невозможности, съ имѣвшимися ничтожными средствами, сдѣлать сколько нибудь подробную опись лимана, на пространствѣ 2 000 кв. верстъ, Невельской рѣшилъ ограничиться лишь рекогносцировочными изслѣдованіями съ гребныхъ судовъ и съ этою цѣлью онъ послалъ на двухъ шлюпкахъ лейтенанта Казакевича въ устье Амура, а мичмана Гроте, вдоль западнаго берега Сахалина.

ФИЛИАЛ Центральной ВМБ

По возвращеніи на транспортъ лейтенантъ Казакевичъ донесъ, что, слѣдуя вдоль матераго берега и осматривая всѣ бухты между выдававшимися мысами, онъ достигъ мыса Табахъ, за которымъ и открылось устье Амура, шириною около 4 миль. Встрѣченные въ селеніи Чнаррахъ туземцы были очень удивлены появленіемъ шлюпки, такъ много отличавшейся отъ ихъ лодокъ, а также костюмомъ людей и въ особенности секстаномъ, которымъ Казакевичъ дѣлалъ наблюденія.

Со своей стороны мичманъ Гроте сообщилъ, что слѣдуя вдоль берега Сахалина къ югу, онъ встрѣтилъ отмели тянувшіяся поперекъ лимана къ возвышенному материку берегу и что такимъ образомъ Сахалинъ представлялся какъ бы полуостровомъ.

Получивъ это свѣдѣніе Невельской, оставивъ вмѣсто себя на транспортѣ старшаго офицера лейтенанта Казакевича, 10 іюля, съ тремя офицерами и докторомъ, на трехъ шлюпкахъ и байдаркѣ, съ 16 человѣками команды лично пошелъ въ устье Амура. Дойдя до мыса Табахъ, все время производя промѣръ, онъ поднялся вверхъ по рѣкѣ до низменнаго мыса Куегда, который назвалъ Константиновскимъ, и, переправивъ отсюда къ мысу Мео, пошелъ обратно внизъ по теченію вдоль праваго берега рѣки. Обогнувъ южный мысъ Пронге, Невельской, слѣдуя по лиману къ югу, 22 іюля 1849 года, дошелъ до того мѣста, гдѣ матерый берегъ сближается съ противоположнымъ Сахалинскимъ и гдѣ между скалистыми мысами на материкѣ, названными мысами Лазарева и Муравьева, и противоположнымъ низменнымъ мысомъ Погоби на Сахалинѣ, Невельской и открылъ проливъ шириною въ четыре мили и съ наименьшею глубиною 5 саженъ.

Продолжая свой путь далѣе къ югу, Невельской 24-го іюля достигъ широты 51° 40′, т. е. того предѣла, до котораго доходили съ юга Лаперузъ и Браутонъ, послѣ чего, поворотивъ обратно на сѣверъ и слѣдуя съ промѣромъ вдоль западнаго берега Сахалина, онъ 1-го августа благополучно со всѣми участниками экспедиціи возвратился на транспортъ.

Въ своихъ запискахъ Невельской не приводитъ никакого историческаго описанія этого непрерывнаго 22 дневнаго плаванія на гребныхъ судахъ, въ продолженіе которыхъ онъ со своими сотрудниками сдѣлалъ болѣе 250 миль по широкому, совершенно открытому лиману. Озабоченный разрѣшеніемъ важнаго государственнаго вопроса, онъ не былъ способенъ интересоваться собственной персоной и относительно этой экспедиціи упоминаетъ только, что быстро свѣжѣвшіе южные вѣтры разводили въ лиманѣ такую толчею, что шлюпки заливало и приходилось тогда выбрасываться на берегъ, выжидая перемѣны погоды для того, чтобы снова продолжать промѣръ. Но конецъ вѣнчаетъ дѣло, и къ великому торжеству Невельского онъ имѣлъ теперь въ рукахъ несомнѣнныя доказательства, что Сахалинъ не полуостровъ, а островъ и что рѣка Амуръ имѣетъ два глубоководные выхода: къ сѣверу, въ Охотское море, съ 12 футовымъ баромъ и къ югу, въ Татарскій проливъ, съ глубиною на барѣ 15 футъ.

Не имѣя возможности оставаться долѣе въ Амурскомъ лиманѣ, вслѣдствіе предписанія произвести опись юго-восточнаго берега Охотскаго моря и къ 15-му сентября быть въ Охотскѣ, Невельской 4-го августа, вышелъ съ транспортомъ изъ лимана и въ десяти миляхъ къ сѣверу отъ мыса Табахъ описалъ заливъ Иской, названный имъ Заливомъ Счастья, такъ какъ это была единственная, сколько нибудь удобная близъ лимана гавань. Слѣдуя съ транспортомъ далѣе, вдоль юго-восточнаго берега Охотскаго моря, Невельской описалъ съ гребныхъ судовъ заливъ Константиновскій, а затѣмъ открылъ и описалъ, большой и хорошо закрытый отъ всѣхъ вѣтровъ, заливъ св. Николая.

По выходѣ отсюда транспортъ неожиданно встрѣтилъ въ морѣ байдарку, на которой находился штурманскій прапорщикъ Д. И. Орловъ, посланный отъ россійско-американской компаніи изъ Аяна для расторжки съ инородцами, а вмѣстѣ съ тѣмъ ему было приказано, въ случаѣ встрѣчи съ транспортомъ «Байкалъ», передать что въ Аянѣ Невельского ожидаетъ, съ важными депешами, курьеръ изъ Иркутска.

Невельской пришелъ въ Аянъ 3-го сентября, и прежде нежели транспортъ отдалъ якорь, къ борту присталъ штабсъ-капитанъ Корсаковъ, прибывшій изъ Иркутска съ Высочайше утвержденной инструкціей, которой Невельскому наконецъ было разрѣшено произвести изслѣдованія Амурскаго лимана. Вмѣстѣ съ этимъ Корсаковъ сообщилъ, что въ Аянъ только что прибылъ генералъ-губернаторъ Муравьевъ со своей супругой и чинами штаба.

Выѣхавъ весной изъ Иркутска и испытавъ всѣ трудности верховой ѣзды по Охотскому тракту, генералъ-губернаторъ изъ Охотска отправился на транспортѣ «Иртышъ» въ Петропавловскъ и оттуда въ Аянъ. Такимъ образомъ Н. Н. Муравьевъ былъ первымъ изъ всѣхъ генералъ-губернаторовъ Восточной Сибири, посѣтившимъ Охотскъ, Петропавловскъ и Аянъ.

На обратномъ пути изъ Петропавловска Н. Н. Муравьевъ пришелъ къ сѣверной оконечности Сахалина, расчитывая встрѣтить тамъ транспортъ «Байкалъ», и, не найдя его, вернулся въ Аянъ. Со своей стороны и Корсаковъ, торопясь доставить Невельскому Высочайше утвержденную инструкцію, тоже пошелъ изъ Охотска на ботѣ «Кадьякъ» къ Сахалину и, несмотря на то, что онъ пересѣкалъ всѣ пути, по которымъ могъ бы слѣдовать Невельской, тоже, конечно, нигдѣ его не видѣлъ и вернулся въ Аянъ. Эта неизвѣстность о транспортѣ «Байкалъ», въ связи съ увѣренностью, что Невельской не могъ пройти въ лиманъ, не имѣя на то разрѣшенія и послужила тогда поводомъ къ заключенію, что «Байкалъ» погибъ на пути изъ Петропавловска къ Сахалину. «Послѣ этого понятно,—говоритъ Невельской,—до какой степени всѣ были изумлены въ Аянѣ, когда «Байкалъ», считавшійся погибшимъ, показался утромъ 3-го сентября передъ входомъ въ Аянскій заливъ».

Сейчасъ же вслѣдъ за Корсаковымъ на встрѣчу «Байкалу» вышелъ на катерѣ и генералъ-губернаторъ со всѣмъ своимъ штабомъ и, не приставая еще къ борту спросилъ Невельского, откуда отъ явился, на что Невельской отвѣтилъ: «Сахалинъ—островъ; входъ въ лиманъ и рѣку Амуръ возможны для морскихъ судовъ съ сѣвера и съ юга. Вѣковое заблужденіе поло-

жительно разсѣяно». А затѣмъ въ маленькой капитанской каютѣ транспорта «Байкалъ» Невельской разсказалъ Муравьеву и его спутникамъ подробности своего плаванія и о сдѣланныхъ имъ открытіяхъ.

На другой день съ тѣмъ же курьеромъ, Корсаковымъ, было отправлено въ Петербургъ подробное донесеніе Невельского о томъ, что изслѣдованіе амурскаго лимана уже произведено и какіе при этомъ достигнуты результаты. Отправляя это донесеніе, генералъ-губернаторъ со своей стороны отозвался, что ни одна изъ предшествовавшихъ экспедицій не давала такихъ важныхъ для Россіи послѣдствій, какія достигнуты открытіемъ Невельского, притомъ безъ всякихъ особыхъ средствъ отъ казны, единственно лишь на кредитъ отпущенный транспорту «Байкалъ» для доставки грузовъ въ Камчатку. Затѣмъ генералъ-губернаторъ возвратился аянскимъ трактомъ въ Иркутскъ, а Невельской, по сдачѣ транспорта въ Охотскѣ, 20-го сентября со своими офицерами отправился также въ Иркутскъ, гдѣ занялся составленіемъ карты и приведеніемъ въ порядокъ рабочихъ журналовъ.

Въ Иркутскѣ Невельскимъ былъ полученъ Высочайшій приказъ отъ 6-го декабря, которымъ онъ за благополучный приходъ транспорта въ Петропавловскъ, скорое и въ хорошемъ состояніи доставленіе грузовъ и за сохраненіе здоровья команды былъ произведенъ въ капитаны 2-го ранга, а офицеры были награждены какъ за это, такъ и за опись чинами и орденами (*).

Узнавъ въ Иркутскѣ о рѣшеніи Н. Н. Муравьева перенести портъ изъ Охотска въ Петропавловскъ, Невельской просилъ генералъ-губернатора, если возможно, остановить исполненіе этого проекта. Онъ доказывалъ, что портъ на камчатскомъ полуостровѣ, разобщенный отъ Сибири огромными тундристыми пустынями, въ случаѣ войны съ морскими державами, не можетъ ни снабжаться, ни получать подкрѣпленія

(*) За сдѣланныя географическія открытія и опись, Невельской подлежалъ награжденію орденомъ св. Владиміра 4 ст. и пенсіономъ, но такъ какъ онъ пошелъ въ лиманъ не получивъ еще Высочайшаго разрѣшенія, то въ наказаніе былъ обойденъ этимъ орденомъ и не получилъ пенсіона.

безъ содѣйствія сильной эскадры, тогда какъ прибрежье При-Амурскаго края составляетъ непосредственное дополненіе амурскаго бассейна, и поэтому всего естественнѣе искать гавань на этомъ побережьи, гдѣ въ случаѣ войны портъ можетъ снабжаться всѣмъ необходимымъ совершенно безопаснымъ внутреннимъ путемъ.

На основаніи этихъ соображеній Невельской доказывалъ, что правительство должно сосредоточить все свое вниманіе на томъ, чтобы не теряя ни минуты времени прочно занять устье Амура и начать оттуда изслѣдованія направленія Хинганскаго хребта и рѣкъ, орошающихъ Нижне-Амурскій край. Онъ одновременно указывалъ на необходимость осмотрѣть татарское побережье до корейской границы, въ видахъ отысканія здѣсь удобной для военнаго порта гавани, возможно долѣе открытой для навигаціи, а затѣмъ занять военными постами болѣе или менѣе закрытыя бухты, для фактическаго заявленія передъ иностранцами о бдительномъ нашемъ наблюденіи за этимъ краемъ. Невельской пояснялъ, что при доказанной возможности проникнуть въ При-Амурскій край чрезъ рѣку Амуръ изъ Японскаго моря, онъ легко можетъ сдѣлаться добычею перваго смѣлаго пришельца, чего, по связи этого края съ Сибирью, Россія ни подъ какимъ предлогомъ допустить не должна.

Къ сожалѣнію Н. Н. Муравьевъ былъ другого мнѣнія. Лично побывавъ въ Петропавловскѣ, онъ пришелъ въ восторгъ отъ Авачинской губы и тогда же писалъ министру внутреннихъ дѣлъ Л. А. Перовскому, что ничего подобнаго онъ не видалъ нигдѣ въ Европѣ и что нельзя себѣ представить болѣе удобной гавани, для нашего утвержденія на дальнемъ востокѣ. О томъ впечатлѣніи какое произвела на Муравьева Авачинская губа можно судить между прочимъ по высказанному имъ предположенію, что Англія способна объявить намъ войну на какія нибудь двѣ недѣли только для того, чтобы завладѣть Петропавловскомъ.

Несмотря на то, что неоднократно произведенными опытами было вполнѣ выяснено, что никакое хлѣбопашество въ Камчаткѣ невозможно, все же, лично посѣтивъ край, Н. Н. Муравьевъ высказалъ увѣренность, что «хлѣбопашество

въ Камчаткѣ, съ нѣкоторымъ выборомъ мѣстности, не только возможно, но и обѣщаетъ богатые плоды»; онъ поэтому настаивалъ на необходимости поселить въ Камчаткѣ и вдоль Аянскаго тракта 2 700 семей крестьянъ.

Вслѣдствіе такого представленія генералъ-губернатора, 2 декабря 1849 года состоялось Высочайшее повелѣніе перенести Охотскій портъ въ Петропавловскъ, образовавъ изъ Камчатки особую область, подъ управленіемъ военнаго губернатора, которымъ назначенъ былъ произведенный въ капитаны 1 ранга В. С. Завойко. Факторію рос.-америк. компаніи Аянъ велѣно было обратить въ морской портъ, устроивъ отъ него почтовый трактъ до Нелькана и далѣе по Маѣ, Алдану и Ленѣ въ Якутскъ, а для развитія въ Камчаткѣ земледѣлія, ежегодно переселять туда по 25 крестьянскихъ семей.

Въ январѣ 1850 года, Невельской прибылъ въ Петербургъ и представилъ князю Меншикову всѣ журналы и карты изслѣдованій, произведенныхъ офицерами транспорта «Байкалъ», а также и донесеніе генералъ-губернатора о необходимости, вслѣдствіе сдѣланныхъ открытій, занять устье рѣки Амуръ 70 человѣками вооруженныхъ людей, причемъ Н. Н. Муравьевъ просилъ князя Меншикова назначить Невельского въ его распоряженіе.

Подробно разсмотрѣвъ карты и журналы и выслушавъ объясненія Невельского, князь Меншиковъ высказалъ, что онъ увѣренъ въ точности и важности сдѣланныхъ открытій и вполнѣ раздѣляетъ мнѣніе Н. Н. Муравьева о необходимости занять устье рѣки Амуръ, но что въ особомъ комитетѣ, подъ предсѣдательствомъ графа Нессельроде, въ которомъ представленіе Муравьева будетъ разсматриваться, и куда потребуютъ для объясненій и Невельского, встрѣтится большое противодѣйствіе, и что поэтому слѣдуетъ приготовиться быть смѣлымъ при объясненіяхъ въ комитетѣ. Вмѣстѣ съ этимъ князь предложилъ Невельскому явиться къ министру внутреннихъ дѣлъ Л. А. Перовскому и объяснить ему всѣ обстоятельства настоящаго дѣла, «ибо въ комитетѣ,—прибавилъ князь,—одни только мы съ Перовскимъ будемъ отстаивать и представленіе Муравьева и необходимость немедленнаго занятія устья рѣки Амура».

Ободренный княземъ Меншиковымъ и Перовскимъ, Невельской, 2-го февраля 1850 года, явился въ этотъ особый комитетъ, подъ предсѣдательствомъ графа Нессельроде, гдѣ ему и пришлось выслушать, что донесеніе его относительно рѣки Амуръ, какъ противорѣчащее извѣстнымъ европейскимъ авторитетамъ (*), должно быть признано ошибкою, что въ Петербургѣ хорошо извѣстно о томъ, что рѣка Амуръ охраняется большою китайскою силою, и что онъ, Невельской, долженъ былъ знать какому строгому наказанію онъ могъ быть подвергнутъ, за подобные самовольные поступки.

На это Невельской доложилъ комитету, что его донесенія совершенно вѣрны, а что свѣдѣнія, доставленныя нашей миссіей изъ Пекина, относительно китайской силы—неправильны; что не только китайской силы, но и малѣйшаго китайскаго правительственнаго вліянія тамъ не существуетъ; что обитающіе тамъ гиляки, находятся въ самомъ дикомъ состояніи и вовсе не воинственны, и что не только 70-ю, но и 25-ю человѣками ихъ можно держать въ порядкѣ. Къ этому Невельской добавилъ, что «отправляясь изъ Петропавловска къ описи лимана, онъ исполнялъ свой вѣрноподданнѣйшій долгъ, и что миловать и наказывать его за это можетъ только Государь».

Съ своей стороны и князь Меншиковъ объяснилъ въ комитетѣ, что онъ внимательно разсмотрѣлъ всѣ, даже черновые журналы Невельского и пришелъ къ убѣжденію въ правильности произведенной имъ описи и, что поэтому онъ находитъ необходимымъ утвердить представленіе Н. Н. Муравьева. Тѣмъ не менѣе большинство членовъ комитета, и въ особенности графы Нессельроде и Чернышевъ, въ виду опасенія непріязненныхъ столкновеній съ китайцами, полагали держаться Высочайшаго повелѣнія 1849 года, т. е. основать, на юго-восточномъ берегу Охотскаго моря, зимовье для расторжки съ гиляками.

Согласно этому рѣшенію, 3-го февраля 1850 г. состоялось Высочайшее повелѣніе на имя генералъ-губернатора такого содержанія:

(*) Лаперузъ 1787 г. Браутонъ 1797 г. Крузенштернъ 1805 г.

1) Въ заливѣ Счастья, или въ какой-либо мѣстности на юго-восточномъ берегу Охотскаго моря, но *отнюдь* не въ лиманѣ, тѣмъ болѣе на рѣкѣ Амуръ, основать зимовье, въ которомъ росс.-америк. компаніи производить расторжку съ гиляками, но *ни подъ какимъ видомъ и предлогомъ не касаться лимана и р. Амура*. Для основанія этого зимовья, и для охраны его, взять 25 человѣкъ матросовъ и казаковъ изъ Охотска.

2) Исполненіе этого повелѣнія произвести подъ наблюденіемъ и непосредственнымъ вѣдѣніемъ генералъ-губернатора Восточной Сибири, а для приведенія въ исполненіе на мѣстѣ этого повелѣнія, а равно и для избранія мѣста зимовья, командировать въ распоряженіе генералъ-губернатора капитана 2-го ранга Невельского.

Въ тотъ-же день, на основаніи положенія о Сибири, Невельской былъ произведенъ въ капитаны 1-го ранга и назначенъ для особыхъ порученій къ генералъ-губернатору.

Съ этой инструкціей Невельской черезъ Иркутскъ, Охотскъ и Аянъ, 27-го іюня 1850 г., съ 25 человѣками команды на транспортѣ «Охотскъ» прибылъ въ заливъ Счастья, гдѣ на песчаной кошкѣ, составляющей восточный берегъ этого залива, 29-го іюня 1850 г. основалъ Петровское зимовье.

Въ заливѣ Счастья Невельской встрѣтился съ посланнымъ по распоряженію Муравьева, еще зимнимъ путемъ, штурманскимъ прапорщикомъ Орловымъ, хорошо говорившимъ по тунгузски и при которомъ находились гилякъ Позвейнъ, знавшій по тунгузски, и тунгузъ Афанасій, говорившій по русски.

На основаніи свѣдѣній, собранныхъ Орловымъ о заливѣ Счастья, Невельской убѣдился, что здѣсь никогда не можетъ быть надежнаго военно-морского порта, поэтому, оставивъ въ Петровскомъ прапорщика Орлова съ соотвѣтствующими распоряженіями, Невельской съ тунгузомъ и гилякомъ и съ шестью человѣками вооруженныхъ матросовъ на шлюпкѣ, вооруженной фальконетомъ, отправился по сѣверному каналу лимана на р. Амуръ.

Поднявшись вверхъ по рѣкѣ верстъ на сто, Невельской встрѣтилъ на берегу толпу инородцевъ, человѣкъ до 200,

причемъ одинъ изъ нихъ, манджуръ, началъ съ важностью требовать, чтобы русскіе удалились, говоря, что никто, кромѣ нихъ, манджуровъ, не имѣетъ права являться въ эти мѣста. Вслѣдствіе произнесенныхъ угрозъ, Невельской выхватилъ изъ кармана двухствольный пистолетъ и, направивъ его на манджура, объявилъ, что если кто-либо только пошевельнется, то въ одно мгновеніе его не будетъ на свѣтѣ. Въ это время по знаку Невельского къ нему подошли вооруженные гребцы и толпа сейчасъ-же отступила, а сильно перепугавшійся манджуръ сталъ кланяться и выражать желаніе жить съ Невельскимъ въ дружбѣ, причемъ приглашалъ зайти къ нему въ юрту.

Невельской согласился и изъ распросовъ узналъ, что на всемъ пространствѣ по берегамъ рѣки Амуръ до Хинганскаго хребта нѣтъ ни одного китайскаго или манджурскаго поста, и что всѣ инородцы по теченію Амура и Усури до моря не подвластны Китаю и ясака не платятъ; притомъ гиляки, прибывшіе съ юго-западнаго берега Сахалина и береговъ Татарскаго пролива, сообщили, что ранней весной туда приходятъ большія суда, берутъ у нихъ насильно рыбу и производятъ различныя безчинства.

На все это Невельской объявилъ манджурцамъ и гилякамъ, что хотя русскіе давно здѣсь не были, но всегда считали рѣку Амуръ, а равно всю страну до хинганскихъ горъ и до моря, съ островомъ Сахалиномъ, своею принадлежностью; что для защиты отъ притѣсненій инородцевъ, которыхъ русскій великій царь принимаетъ отнынѣ подъ свое высокое покровительство, будутъ поставлены военные посты, о чемъ онъ какъ посланный сюда отъ царя и объявляетъ; а для того, чтобы это было извѣстно и иностраннымъ судамъ, приходящимъ къ берегамъ этого края, Невельской передалъ гилякамъ и манджурамъ для предъявленія иностранцамъ объявленіе такого содержанія:

«Отъ имени Россійскаго правительства симъ объявляется всѣмъ иностраннымъ судамъ, плавающимъ въ Татарскомъ заливѣ, что, такъ какъ прибрежье этого залива и весь приамурскій край до корейской границы съ островомъ Сахалинъ,

составляютъ россійскія владѣнія, то никакія здѣсь самовольныя распоряженія, а равно обиды обитающимъ инородцамъ, не могутъ быть допускаемы. Для этого нынѣ поставлены русскіе военные посты въ заливѣ Иской (зал. Счастья) и на устьѣ рѣки Амуръ. Въ случаѣ какихъ-либо нуждъ или столкновеній съ инородцами, нижеподписавшійся, посланный отъ правительства уполномоченнымъ, предлагаетъ обращаться къ начальникамъ этихъ постовъ».

Затѣмъ на обратномъ пути въ Петровское, остановившись у мыса Куегда, Невельской — по его словамъ — «помолясь Господу Богу, въ присутствіи собравшихся изъ сосѣднихъ деревень гиляковъ и при салютѣ изъ фальконета и ружей 1-го августа поднялъ русскій военный флагъ». Основавъ здѣсь военный постъ изъ шести матросовъ, при фальконетѣ и шлюпкѣ, и назвавъ его Николаевскимъ, Невельской на слѣдующій день прибылъ на оленяхъ въ Петровское.

Нарушивъ такимъ образомъ прямыя указанія, изложенныя въ Высочайшемъ повелѣніи, чтобы «ни подъ какимъ видомъ и предлогомъ не касаться лимана и рѣки Амуръ», Невельской сейчасъ-же по прибытіи въ Петровское послалъ генералъ-губернатору съ нарочнымъ въ Иркутскъ подробное донесеніе объ основаніи имъ Николаевскаго поста. Генадій Ивановичъ при-этомъ изложилъ свои опасенія, что, еслибы онъ дѣйствовалъ только въ предѣлахъ данныхъ ему инструкцій, то Приамурскій край могъ быть потерянъ для Россіи навсегда и что вся моральная отвѣтственность передъ отечествомъ справедливо пала-бы на него. Въ заключеніе Невельской писалъ: «Осмѣливаюсь уповать, что при ходатайствѣ Вашего Превосходительства, Государь Императоръ милостиво воззритъ на его вѣрноподданнаго, осмѣлившагося преступить его Высочайшее повелѣніе, при упомянутыхъ обстоятельствахъ».

Поручивъ затѣмъ завѣдываніе Петровскимъ и Николаевскимъ постами прапорщику Орлову, Невельской 10-го сентября отправился черезъ Аянъ въ Иркутскъ, чтобы лично объяснить генералъ-губернатору о крайней необходимости усилить экспедицію судами и командами для прочнаго утвер-

жденія въ При-Амурскомъ краѣ. Не заставъ уже Муравьева въ Иркутскѣ, Невельской послѣдовалъ за нимъ въ Петербургъ.

Невельской прибылъ въ Петербургъ въ то самое время, когда его донесеніе генералъ-губернатору было по Высочайшему повелѣнію передано для разсмотрѣнія въ комитетъ подъ предсѣдательствомъ графа Нессельроде. Въ засѣданіи комитета Н. Н. Муравьевъ подтвердилъ, что Невельской дѣйствовалъ вполнѣ согласно съ его мнѣніемъ. Со своей стороны князь А. С. Меншиковъ и Л. А. Перовскій поддерживая доводы Муравьева заявили, что дѣйствія Невельского были вызваны важными обстоятельствами, встрѣченными на мѣстѣ, и что слѣдуетъ не только усилить Николаевскій постъ, но кромѣ того постоянно держать въ устьи Амура и въ Татарскомъ заливѣ военное судно. Повидимому Н. Н. Муравьевъ очень настойчиво отстаивалъ свои доводы, если судить по тому, что военный министръ графъ Чернышевъ нашелъ возможнымъ замѣтить ему съ упрекомъ: «Вы хотите воздвигнуть себѣ памятникъ».

Несмотря на всѣ эти доводы большинство членовъ, въ особенности Нессельроде и военный министръ графъ Чернышевъ признали, что дѣйствія кап. 1-го ранга Невельского въ высшей степени дерзки, и, какъ противныя Высочайшей волѣ, навлекаютъ на него строжайшее наказаніе, т. е. разжалованіе. Принимая же во вниманіе, что «по донесенію нашей миссіи въ Пекинѣ, китайское правительство имѣетъ уже настолько достаточное наблюденіе за нижне-приамурскимъ краемъ, чтобы отстранить всякое покушеніе на него иностранцевъ съ моря», комитетъ положилъ: Николаевскій постъ снять и, согласно выраженной въ 1849 году Высочайшей волѣ, росс. америк. компаніи производить изъ Петровска расторжку съ гиляками и другими инородцами, обитающими на юго-восточномъ берегу Охотскаго моря, «*отнюдь* не касаясь рѣки Амуръ, его бассейна, Сахалина и береговъ Татарскаго залива».

Такъ категорически выраженное рѣшеніе высшаго правительства, казалось, окончательно разбивало всѣ планы Невель-

ского относительно укрѣпленія за Россіей При-Амурскаго края, и трудно сказать теперь, гдѣ образовалась бы наша граница съ Китаемъ, если бы это рѣшеніе получило высочайшее утвержденіе. Но къ счастью для Россіи, когда въ особо испрошенной аудіенціи генералъ-губернаторъ доложилъ о причинахъ, побудившихъ Невельского къ такимъ рѣшительнымъ дѣйствіямъ, то государь призналъ поступокъ Невельского *«молодецкимъ, благороднымъ и патріотическимъ»*, и при гордомъ сознаніи величія своего государства Императоръ Николай Павловичъ выразился, что *«гдѣ разъ поднятъ русскій флагъ, онъ уже спускаться не долженъ»*, и на журналѣ комитета написалъ: *«комитету собраться вновь, подъ предсѣдательствомъ Государя наслѣдника Престола»*.

Тѣмъ не менѣе, хотя бы и на самый короткій срокъ, но Невельской все же былъ разжалованъ въ матросы. Непонятно почему, но адмиралъ ничего не упоминаетъ въ своихъ запискахъ объ этомъ фактѣ, а между тѣмъ при жизни онъ всегда съ чувствомъ особаго удовлетворенія разсказывалъ, какъ, уже послѣ аудіенціи Муравьева, Николай Павловичъ потребовалъ его къ себѣ и когда Невельской вошелъ въ кабинетъ, то Государь окинувъ его строгимъ взглядомъ сказалъ: «Такъ это ты осмѣливаешся не исполнять моихъ приказаній... Ты матросъ». А затѣмъ, слѣдя по разложенной передъ нимъ картѣ Сибири, Государь перечислялъ всѣ распоряженія и дѣйствія Невельского на Амурѣ и высказывая по каждому случаю свое одобреніе, онъ сталъ послѣдовательно производить Невельского въ слѣдующіе чины:—«ты мичманъ»... «ты лейтенантъ»... «тутъ ты капитанъ 1-го ранга, здѣсь контръ-ад.... Нѣтъ подождемъ еще, надо наказать тебя за непослушаніе». Послѣ этого Государь поднявшись разорвалъ бумагу, на которой было сдѣлано представленіе о разжалованіи Невельского въ матросы, вдѣлъ ему въ петлицу Владимирскій крестъ и поцѣловавъ его сказалъ: «Спасибо Невельской за твой патріотическій поступокъ, но впредь будь осторожнѣе и не превышай данныхъ тебѣ полномочій». Такимъ образомъ Невельской былъ спасенъ и дѣло его не погибло.

Послѣ новаго разсмотрѣнія амурскаго вопроса, въ присутствіи Государя Наслѣдника, комитетъ въ главныхъ основаніяхъ положилъ:

1) Николаевскій постъ оставить въ видѣ лавки росс. америк. компаніи.

2) Никакихъ дальнѣйшихъ распространеній въ этой странѣ не предпринимать и отнюдь никакихъ мѣстъ не занимать.

3) Иностраннымъ судамъ, которыя обнаружили бы намѣреніе занять какой-либо пунктъ устья рѣки Амуръ, объявлять, что безъ согласія россійскаго и китайскаго правительства никакія произвольныя распоряженія въ этихъ мѣстахъ не могутъ быть допускаемы

Транспортъ «Байкалъ».

4) Россійско-американской компаніи снабжать экспедицію запасами, товарами, гребными судами и строительными матеріалами. Для сооруженія же помѣщенія въ Петровскомъ и

Николаевскомъ, охраненія оныхъ и для другихъ надобностей назначить изъ сибирской флотиліи 60 чел. матросовъ и казаковъ, при 2-хъ офицерахъ и докторѣ.

5) Экспедицію эту назвать амурской, и начальникомъ ея во всѣхъ отношеніяхъ назначить капитана 1-го ранга Невельского, подъ главнымъ начальствомъ и распоряженіемъ генералъ-губернатора Восточной Сибири.

6) Начальнику экспедиціи, равно и всѣмъ служащимъ въ оной офицерамъ даровать всѣ права и преимущества, какія опредѣлены закономъ Начальнику Охотскаго порта и служащимъ въ немъ офицерамъ.

7) На расходы по экспедиціи отпускать по 17 000 рублей въ годъ.

Постановленія комитета были высочайше утверждены 12-го февраля 1851 года и одновременно было послано увѣдомленіе Китайскому правительству, о принятомъ рѣшеніи имѣть наблюденіе за устьемъ рѣки Амуръ.

Съ этими распоряженіями Невельской отправился обратно въ Петровское. Остановившись въ Иркутскѣ, онъ 16-го апрѣля 1851 г. женился на племянницѣ гражданскаго губернатора Зорина, Екатеринѣ Ивановнѣ Елчаниновой, только что окончившей воспитаніе въ Смольномъ Институтѣ. Не смотря на свои 19 лѣтъ отъ роду, обаятельную красоту, прекрасное воспитаніе и привычку къ удобствамъ жизни, она охотно согласилась переносить съ мужемъ всѣ труды и лишенія въ далекомъ и пустынномъ краѣ и сейчасъ же отправилась въ этотъ soit disant voyage de noce въ Петровское зимовье, по трудному Охотскому тракту, сдѣлавъ въ три недѣли болѣе тысячи верстъ верхомъ по горнымъ тайгамъ, топкимъ болотамъ и ледникамъ.

Не говоря уже про родственниковъ и друзей, но и лично Геннадій Ивановичъ отговаривалъ молодую жену ѣхать съ нимъ въ совершенную пустыню, гдѣ до Невельского не ступала нога цивилизованнаго человѣка и гдѣ не имѣлось еще никакого помѣщенія. При живомъ и веселомъ характерѣ эта

юная Катенька хорошо сознавала на что она шла. Она заливалась горючими слезами при мысли о необходимости разстаться на неопредѣленное, а можетъ быть на очень долгое время съ нѣжно любимой младшей сестрой и добросердечными дядей и теткой, пріютившими обѣихъ сестеръ послѣ смерти ихъ матери и, тѣмъ не менѣе, осталась непреклонною въ своемъ героическомъ рѣшеніи.

Очень возможно, что при высокихъ качествахъ своей души, Екатерина Ивановна находилась еще подъ вліяніемъ окружавшаго ее въ то время блестящаго и образованнаго иркутскаго общества, состоявшаго изъ семей декабристовъ, служившихъ примѣромъ самоотверженности; но на сформированіе ея характера несомнѣнно вліяла такъ же интимная дружба молодой тетки, являвшей прекрасный примѣръ трогательнаго исполненія семейнаго долга. Въ такихъ условіяхъ Екатерина Ивановна и приняла рѣшеніе послѣдовать за своимъ мужемъ.

Приходилось спѣшить отправленіемъ въ путь и Екатерина Ивановна усердно принялась помогать роднымъ въ изготовленіи своего рѣдкаго по оригинальности приданаго. Оно состояло главнымъ образомъ изъ теплыхъ мѣховыхъ вещей, амазонокъ для верховой ѣзды, въ томъ числѣ и мужского покроя; для защиты отъ комаровъ и мошекъ надо было запастись масками, въ видѣ колпаковъ изъ волосяной матеріи, теплыми мѣховыми сапогами, а бѣлье шилось изъ простого солиднаго холста.

Ко второму изданію записокъ Невельского, приложено нѣсколько писемъ Екатерины Ивановны, которыя она писала съ пути своимъ роднымъ въ Иркутскъ. Хотя эти письма писались, конечно, очень торопливо, при крайне неудобной обстановкѣ, на лодкѣ или въ юртѣ, но онѣ такъ содержательны и изложены въ такихъ изящныхъ выраженіяхъ, что едва ли могли быть написаны лучше, если бы каждая фраза обдумывалась сидя спокойно въ теплой комнатѣ. Вмѣстѣ съ очень интереснымъ описаніемъ путешествія по неустроенному тогда Охотскому тракту, эти письма свидѣтельствуютъ

(*) См. «Морск. Сборн.» 1913 г., № 12.

Екатерина Ивановна Невельская.

о большомъ умѣ, благородствѣ и высокихъ качествахъ души самой Екатерины Ивановны, представлявшей выдающійся примѣръ русской женщины даже въ тѣ времена, когда жены, по большей части находили вполнѣ естественнымъ быть истинными подругами жизни своихъ мужей, раздѣляя съ ними всѣ превратности судьбы (*).

Несмотря на то, что ея Геннадій Ивановичъ, при небольшомъ ростѣ былъ скорѣе некрасивой наружности, Екатерина Ивановна съ первыхъ же дней замужества полюбила его всей душой и признала въ немъ героя много раньше, нежели онъ прославился своими подвигами. «На колѣняхъ благодарю я Господа,—пишетъ она въ одномъ изъ своихъ писемъ,—что онъ мнѣ послалъ въ покровители этого чуднаго человѣка, любовь котораго—моя гордость и будетъ для меня сильной опорой въ испытаніяхъ, которыя меня можетъ быть ожидаютъ впереди»....

Съ другой стороны и для Геннадія Ивановича было великимъ счастьемъ, что въ Екатеринѣ Ивановнѣ онъ нашелъ именно такую жену-друга, которая, какъ никто болѣе была создана для того, чтобы поддерживать въ немъ бодрость и энергію при тѣхъ заботахъ, трудахъ и непріятностяхъ, какія ему все время приходилось испытывать, какъ начальнику Амурской экспедиціи.

Изъ немногихъ строкъ записокъ Невельского, посвященныхъ Екатеринѣ Ивановнѣ, можно видѣть, что она была дѣйствительнымъ помощникомъ и утѣшеніемъ не только для него, но и для всѣхъ его сотрудниковъ.

По словамъ лейтенанта П. К. Бошняка, «примѣръ ея благотворно дѣйствовалъ на всѣхъ. Въ ней было спокойное и

(*) Всѣхъ писемъ тринадцать и въ виду ихъ интереса они почти полностью приведены въ концѣ этого очерка, въ переводѣ съ французскаго, вмѣстѣ съ очень тепло написаннымъ предисловіемъ къ нимъ старшей дочери Невельскихъ, Ольги Геннадьевны.

гордое сознаніе того горькаго, но высокаго положенія, которое назначило ей Провидѣніе». Несмотря на всѣ невзгоды и лишенія, какія приходилось ей испытывать, никто не слышалъ отъ нея какой либо жалобы или упрека, напротивъ, привыкшая къ постояннымъ занятіямъ, она проводила время въ чтеніи и устройствѣ своего хозяйства.

Между прочимъ, Екатерина Ивановна оказывала существенную помощь Геннадію Ивановичу тѣмъ, что сближаясь съ инородцами, она пріобрѣтала отъ нихъ свѣдѣнія, объ ихъ правахъ и образѣ жизни, о положеніи края, о рѣкахъ и о путяхъ, по которымъ они ѣздятъ на собакахъ. Несмотря на вонь, которую оставляли послѣ себя такіе гости, Екатерина Ивановна часто приглашала къ себѣ этихъ грязныхъ дикарей, одѣтыхъ въ собачьи шкуры, и ласково съ ними обращаясь, угощала чаемъ. Она знала, что только такимъ путемъ можно получить необходимыя свѣдѣнія о краѣ, въ которомъ ея мужу предстояло работать, и поэтому пользовалась каждымъ случаемъ, чтобы изучать языкъ этихъ дикарей.

Несмотря однако на свою молодость, энергію и выносливость и несмотря на то, что Геннадій Ивановичъ позаботился принять всѣ мѣры къ тому, чтобы ихъ путешествіе по Охотскому тракту, было обставлено всѣми возможными тогда удобствами, подъѣзжая къ Охотску, Екатерина Ивановна такъ расхворалась, что послѣднія десять верстъ ее пришлось нести на носилкахъ.

Весьма естественно, что при видѣ страданій своей молодой жены Геннадій Ивановичъ жестоко упрекалъ себя въ томъ, что взялъ ее съ собой изъ Иркутска и рѣшилъ теперь оставить ее въ Аянѣ; но вотъ что пишетъ по этому поводу Екатерина Ивановна: «Мой мужъ въ своемъ безпокойствѣ и средь полной неизвѣстности того, что будетъ, хотѣлъ меня оставить въ Аянѣ. Но это было бы невозможно, мои друзья, не правда ли? Я была бы самая низкая, если бы осталась сидѣть спокойно подъ защитой, въ то время какъ мой мужъ рисковалъ бы

своей жизнью, при борьбѣ за свою честь и за честь отечества. Борьба между нами продолжалась нѣсколько часовъ, но я вышла побѣдительницей, и до конца послѣдовала за мужемъ».

«Видя воинственныя приготовленія, которыя дѣлались вокругъ меня и рѣшительное выраженіе лица моего мужа, я гордилась тѣмъ, что пойду на встрѣчу опасности рука объ руку съ такимъ мужественнымъ человѣкомъ. Я имъ восхищалась, его обожала въ такія минуты. Онъ представлялся мнѣ такимъ великимъ, энергичнымъ, когда обдумывалъ все, предвидя все и не боясь ничего на свѣтѣ. Не хочу, однако, казаться Вамъ смѣлѣе чѣмъ я есть, мои дорогіе; я отъ Васъ не скрою, что минутами меня охватывалъ ужасъ, и я дрожала отъ мысли, что насъ можетъ ожидать впереди»....

Эти «воинственныя приготовленія» были вызваны тѣмъ, что до Аяна дошелъ слухъ, будто бы всѣ оставленные въ Петровскѣ на зиму русскіе были перерѣзаны дикарями и такъ какъ не было никакихъ извѣстій о транспортѣ «Охотскъ», зимовавшемъ въ Петровскѣ, для острастки гиляковъ, то можно представить себѣ, какъ долженъ былъ волноваться Невельской, узнавъ по приходѣ въ Аянъ объ этомъ ужасномъ слухѣ, ложность котораго обнаружилась только въ Петровскѣ. Но прежде нежели Невельскіе добрались до мѣста, имъ пришлось жестоко пострадать еще и отъ кораблекрушенія.

По прибытіи въ Охотскъ, и какъ только Екатерина Ивановна получила небольшое облегченіе отъ болѣзни, Невельскіе отправились на транспортѣ «Байкалъ» въ Аянъ, гдѣ пересѣли на сопровождавшій ихъ баркъ россійско-американской компаніи «Шелеховъ», на которомъ подходя уже къ Петровской кошкѣ, едва не погибли, вслѣдствіе открывшейся сильной течи. Благодаря только близости берега и попутному вѣтру, баркъ успѣлъ выброситься на отмель, въ десяти миляхъ отъ

залива Счастья, а одновременно у входа въ заливъ приткнулся къ мели и сопровождавшій ихъ транспортъ «Байкалъ».

Когда «Шелеховъ» сѣлъ на мель, то всѣ палубы были уже подъ водою, такъ что команда и семьи пяти матросовъ, взятыхъ изъ Охотска, могли держаться только на верхней палубѣ, надѣясь на возможность перебраться хотя бы на транспортъ «Байкалъ». Командиръ транспорта лейтенантъ Мацкевичъ и только что прибывшій изъ Петербурга курьеромъ и поступившій въ экспедицію, лейтенантъ Бошнякъ, просили Е. П. Невельскую первой переѣхать на транспортъ, но она отвѣтила: «мужъ говорилъ мнѣ, что при подобныхъ несчастьяхъ, офицеры и командиръ съѣзжаютъ съ корабля послѣдними, поэтому я съѣду съ судна тогда, когда не останется на немъ ни одной женщины и ребенка». Такъ она и поступила.

Къ счастью вѣтеръ стихъ, гиляки, собравшіеся на косѣ, помогли всѣмъ перебраться на берегъ и дали знать въ Петровское, откуда сейчасъ же были высланы двѣ шлюпки. Тѣмъ временемъ «Байкалъ», съ прибылью воды, снялся съ мели, и всѣ семьи и команда были благополучно доставлены въ Петровское.

Относительно разгрузки «Шелехова» и доставки грузовъ въ Петровское, Невельской упоминаетъ только, что «эта работа сопровождалась большими трудами и препятствіями», и въ настоящее время, конечно, некому уже разсказать подробности о томъ, что происходило тогда въ Петровскомъ; но мы можемъ представить себѣ, какихъ трудовъ дѣйствительно стоило это перетаскиваніе грузовъ отъ мѣста крушенія въ Петровское, по морскому песку, безъ всякихъ средствъ, одной только физической силой людей. Къ счастью еще въ это время на петровскій рейдъ пришелъ изъ Петропавловска корветъ «Оливуца», при содѣйствіи команды котораго, почти весь грузъ былъ спасенъ кромѣ сахара и соли. Совершенно

разгруженный баркъ снять съ мели не удалось и при свѣжемъ вѣтрѣ онъ развалился.

Вмѣстѣ съ баркомъ погибла и очень хорошая мебель Невельскихъ, которую они случайно пріобрѣли въ Охотскѣ, отъ одного капитана иностраннаго судна. Здѣсь кстати упомянуть, что когда Великій князь Константинъ Николаевичъ узналъ, что за Геннадіемъ Ивановичемъ послѣдовала въ Петровское его молодая жена, то онъ послалъ ей въ подарокъ изящную мебель и піанино; но судьбѣ угодно было, чтобы и эта мебель не дошла по назначенію: судно, на которомъ она была отправлена погибло со всѣмъ грузомъ.

Вмѣстѣ съ Невельскимъ въ Петровское прибыли: лейтенантъ Н. К. Бошнякъ, штурманскій прапорщикъ А. И. Воронинъ, докторъ Д. И. Орловъ, топографъ Поповъ, приказчикъ рос. америк. компаніи Березинъ и 30 человѣкъ матросовъ и казаковъ, изъ коихъ пять семейныхъ, такъ что вся команда амурской экспедиціи составила 70 человѣкъ. Вскорѣ въ Амурскую экспедицію перешелъ съ корвета «Оливуца» еще и мичманъ Н. М. Чихачевъ.

Въ отсутствіе Невельского прапорщикъ Орловъ построилъ на Петровской кошкѣ три домика для помѣщенія офицеровъ, 30-ти человѣкъ команды и для склада товаровъ и въ одномъ изъ этихъ домиковъ на первое время поселились Невельскіе, вмѣстѣ съ семьей Орлова.

Къ зимѣ для Невельскихъ былъ готовъ новый домъ, длиною пять и шириною три сажени, но условія жизни стали лишь немногимъ лучше, такъ какъ за неимѣніемъ кирпича, печи были сбиты изъ сырой глины, съ прямыми дымоходами, и въ совершенно сыромъ домѣ температура рѣдко подымалась выше 5° тепла, а когда наступили зимнія пурги, то снѣгу наметало столько, что единственный выходъ оставался черезъ чердакъ (*). Большія лишенія приходилось испытывать и по

(*) Низменная песчаная кошка, на которой находилось Петровское зимовье, неоднократно подвергалась наводненіямъ. Разъ зимою вода подступила почти подъ самыя строенія и затопила единственный колодезь, такъ что для варки

недостатку въ продовольствіи; вся какая имѣлась провизія, дѣлилась между всѣми поровну, а единственная корова снабжала молокомъ всѣхъ дѣтей, затѣмъ и она околѣла. Вообще жизнь для молодой и образованной Екатерины Ивановны была конечно, не изъ веселыхъ, а къ довершенію всего, весною 1853 года ей пришлось перенести еще и крайне тяжкое горе: она похоронила въ Петровскѣ своего первенца,—дочь Екатерину, умершую голодной смертью; больной ребенокъ нуждался въ молокѣ, а его нельзя было достать ни за какія деньги.

По неимѣнію другихъ матеріаловъ, обо всемъ, что касается частной жизни Невельскихъ, приходится упоминать теперь лишь двумя словами по краткимъ свѣдѣніямъ, имѣющимся въ запискахъ адмирала; но можно представить себѣ, какая драма происходила тогда въ душѣ молодой матери, обреченной мириться со своимъ несчастіемъ въ такой далекой пустынѣ, притомъ въ отсутствіе мужа. Къ счастью еще въ это время поступилъ на службу въ экспедицію единственный братъ Екатерины Ивановны, мичманъ Н. И. Ельчаниновъ, котораго она не видѣла болѣе шести лѣтъ. Почти одновременно въ амурскую экспедицію прибылъ лейтенантъ Бачмановъ съ женой, очень образованной женщиной, бывшей для Екатерины Ивановны пріятной собесѣдницей и помощницей, а наконецъ и священникъ, отецъ Гавріилъ Веньяминовъ (*), о назначеніи котораго Невельскому пришлось много хлопотать.

Никакого нападенія гиляковъ на остававшихся въ Петровскѣ русскихъ въ отсутствіе Невельского не было, но дѣйствительно, когда прапорщикъ Орловъ съ восемью человѣками команды прибылъ на мысъ Куегда съ тѣмъ, чтобы построить избу для Николаевскаго поста, то гиляки окрестныхъ деревень объявили ему, что манджуры строго приказали имъ не допускать русскихъ здѣсь селиться и что съ открытіемъ навп-

пищи и питья пришлось пользоваться снѣгомъ. Вскорѣ послѣ переселенія изъ Петровскаго зимовья въ Николаевскій постъ, вода зимою поднялась до такой высоты, что затопила всю кошку, влилась въ пустые дома и замерзла тамъ толстымъ слоемъ. Конечно подобное явленіе могло бы случиться и во время жительства тамъ чиновъ и семействъ амурской экспедиціи.

(*) Сынъ преосвященнаго Иннокентія, впослѣдствіи Митрополита московскаго; онъ прибылъ въ Петровское также съ молодой женою.

гаціи сюда придетъ большая сила, для истребленія всѣхъ русскихъ. Во избѣжаніе непріятныхъ столкновеній, Орловъ остановилъ рубку лѣса до прибытія подкрѣпленій и ограничился тѣмъ, что съ открытіемъ навигаціи послалъ въ лиманъ вооруженную шлюпку, для наблюденія за устьемъ Амура. Что же касается транспорта «Охотскъ» то оказалось, что съ открытіемъ навигаціи онъ сильнымъ вѣтромъ во время ледохода былъ выброшенъ на берегъ и вслѣдствіе открывшейся большой течи не могъ быть своевременно посланъ въ Лянъ.

Отправивъ «Оливуцу» въ Лянъ, съ командой барка «Шелеховъ» и съ донесеніемъ обо всемъ генералъ-губернатору, Невельской съ лейтенантомъ Бошнякомъ, приказчикомъ Березинымъ и 25 человѣками вооруженныхъ людей, на байдаркѣ и вельботѣ пошелъ въ Амуръ, къ мысу Куегда. Собравъ тамъ окрестныхъ гиляковъ, онъ объявилъ имъ, чтобы они не вѣрили манджурскимъ торговцамъ и каждаго, кто будетъ распространять враждебные слухи, немедленно представляли бы въ Петровское, гдѣ они будутъ строго наказаны.

Назначивъ лейтенанта Бошняка начальникомъ Николаевскаго поста, Невельской приказалъ ему постоянно держать при флагѣ часового и къ зимѣ построить помѣщеніе для команды, а одновременно приказчикъ Березинъ долженъ былъ начать расторжку съ гиляками. Сдѣлавъ эти распоряженія, Невельской возвратился въ Петровское.

Вотъ какъ описываетъ лейтенантъ Бошнякъ жизнь первыхъ русскихъ людей на мысѣ Куегда: «Отрядъ изъ 25 человѣкъ, на байдаркѣ, сдѣланной изъ сыромятной кожи, въ сопровожденіи вельбота, на которомъ находился начальникъ экспедиціи, вышелъ изъ Петровскаго зимовья къ устью Амура, для основанія селенія близъ мыса Куегда. Невельской 9 августа отправился на вельботѣ обратно въ Петровское, а я остался съ 25 ч. команды и приказчикомъ Березинымъ».

«Мнѣ было тогда 20 лѣтъ отъ роду..... Положеніе поста было незавидное. Проливные дожди дѣлали жизнь въ палаткахъ довольно непріятной, но и новыя юрты не представляли большого комфорта. Обложенныя дерномъ, онѣ скоро сдѣлались убѣжищемъ такого огромнаго количества крысъ, что не

было никакой возможности спрятать или заготовить что нибудь для своего небольшого хозяйства. Крысы водились цѣлыми стадами, и дерзость ихъ доходила до того, что у многихъ матросовъ были укушены ноги и носы.... Крыши пропускали воду ручьями, такъ что спасенья не было нигдѣ..... Начиная съ провизіи и кончая маленькимъ гвоздемъ, во всемъ ощущался недостатокъ. Инструменты, вслѣдствіе ихъ дурного качества, а также и отъ неумѣнья назначенныхъ изъ команды поста плотниковъ, — ломались, а для починки приходилось посылать въ Петровское, въ единственную тамъ кузницу. Къ тому же вѣковой лѣсъ и тундристая почва не легко преодолѣвались 15—20 человѣками команды, а между тѣмъ надо было принимать нѣкоторыя предосторожности противъ все таки неизвѣстныхъ туземцевъ, а также отдѣлять людей въ безпрерывныя командировки. Кое-какъ изъ лѣса начали выдвигаться срубы новыхъ зданій,—первыхъ на устьяхъ Амура.... Что-то было отрадное на душѣ, при взглядѣ на этихъ первенцевъ, въ пустыняхъ, еще недавно полныхъ могильной тишины..... Дѣло подходило къ осени, срубы поднялись, косяки вставлены, но половъ еще не было. Кое какъ постлали былъ одинъ накатникъ. оставаться же въ юртахъ не хотѣлось. Крысы разрыли рѣшительно всѣ стѣны юртъ. Суда изъ Ляна не приходили, и мы оставались безъ существенно необходимыхъ вещей. Стеколъ не было, и я былъ вынужденъ натянуть на приготовленныя рамы миткаль, который долго замѣнялъ намъ стекляныя рамы. О двойныхъ рамахъ мы и думать не смѣли. Сложивъ на скоро печи, мы перебрались наконецъ въ домъ; хотя было и холодно, но по крайней мѣрѣ избавились отъ крысъ,—и то удобство. Наступила наконецъ и зима и съ нею вмѣстѣ наши обычныя командировки».

Рождественскіе праздники и наступавшій 1852 годъ, были встрѣчены въ Петровскомъ,—по словамъ Невельского—«съ возможными въ пустынѣ развлеченіями: команда наряжалась, а мы катались по заливу на собакахъ. Екатерина Ивановна, какъ хозяйка, принимала во всемъ этомъ участье, оживляя маленькое общество моихъ неутомимыхъ сотрудниковъ».

Находившіеся въ это время подъ начальствомъ Невельского чины Амурской экспедиціи были: лейтенантъ Н. К. Бошнякъ, мичманъ Н. М. Чихачевъ, подпоручики Д. И. Орловъ, И. И. Воронинъ, докторъ А. М. Орловъ, приказчикъ Березинъ, тунгусъ Афанасій и гилякъ Позвейнъ, и 70 нижнихъ чиновъ.

«Цѣль, которую рѣшился преслѣдовать я съ моими сотрудниками, собравшимися къ 1852 году въ Петровское, состояла въ томъ, — пишетъ Невельской, — чтобы обнаружить передъ правительствомъ важное значеніе для Россіи Амурскаго бассейна съ его прибрежьями, и тѣмъ положить твердое основаніе къ признанію навсегда за Россіею этого края».

«Милостивое изрѣченіе Государя Императора о моемъ поступкѣ по занятію устья рѣки Амура, какъ о поступкѣ благородномъ и патріотическомъ, несмотря на то, что это дѣйствіе мое было несоотвѣтственно повелѣнію Его Величества, сочувствіе, оказанное этому дѣлу Государемъ Наслѣдникомъ и августѣйшимъ великимъ княземъ генералъ-адмираломъ; патріотическая преданность и рвеніе къ оному генералъ-губернатора Н. Н. Муравьева и, наконецъ, полное наше убѣжденіе о важномъ значеніи этого края для блага отечества— одушевляли меня и моихъ сотрудниковъ. Мы всѣ до единаго, какъ бы одна родная семья, несмотря ни на какія опасности и ничтожество средствъ, твердо рѣшились идти къ предположенной цѣли и надѣялись, что съ Божіею помощью достигнемъ ея».

«Такова была миссія, выпавшая на нашу долю, и мы встрѣтили 1852 годъ съ твердою рѣшимостью, не отступая ни передъ какими преградами, исполнить долгъ свой предъ отечествомъ».

Ближайшій сколько нибудь цивилизованный пунктъ—Аянъ, находился въ тысячахъ верстахъ пустыннаго и бездорожнаго пространства, по которому тунгусы, верхомъ на оленяхъ, едва могли добраться въ пять или шесть дней.

Никакого военнаго судна при Амурской экспедиціи не было, и только временами при ней состоялъ транспортъ «Охотскъ». Точно также и суда рос.-америк. компаніи, по условію съ

правительствомъ, не были обязаны заходить въ Петровское. а дѣлали это только въ видѣ исключенія въ экстренныхъ случаяхъ. Поэтому озабочиваясь устройствомъ хоть какого нибудь почтоваго сообщенія съ Ляпомъ, Невельской заключилъ условіе съ тунгусами, перекочевавшими изъ Удскаго края на Петровскую Кошку, доставлять почту въ Ляпь и обратно, два раза въ зиму, верхомъ на оленяхъ; но они дѣлали это крайне неисправно, такъ какъ по ихъ понятіямъ было безразлично, когда бы ни доставить «писку», лишь бы она бы была доставлена. Въ лѣтнее время почта доставлялась изъ Ляпа, случайными рейсами военныхъ судовъ, тоже раза два въ лѣто, такъ что свѣдѣнія изъ Россіи, ожидавшіяся съ напряженнымъ нетерпѣніемъ, получались не болѣе четырехъ разъ въ годъ.

Окруженная дикарями, въ нѣсколько разъ превышавшими ихъ численностью, у которыхъ ножъ и физическая сила составляли единственное право, эта горсть русскихъ людей, справедливымъ отношеніемъ къ инородцамъ, при уваженіи къ ихъ нравамъ и обычаямъ, постепенно расположила ихъ въ свою пользу. Заступаясь за обиженныхъ и наказывая виновныхъ «по русски», Невельской вселилъ къ себѣ страхъ и уваженіе.

Между прочимъ Невельской приводитъ одинъ случай, когда въ декабрѣ 1851 года въ Петровское явились два гиляка и тунгусъ, съ жалобою на манджуровъ и гиляковъ сосѣдняго селенія, которые ихъ ограбили, избили и подстрекали бить русскихъ, распуская слухъ, что лѣтомъ всѣхъ русскихъ вырѣжутъ. Невельской сейчасъ же командировалъ въ это селеніе Березина, и пять человѣкъ матросовъ и казаковъ, вооруженныхъ пистолетами и саблями съ приказаніемъ доставить виновныхъ съ украденными вещами въ Петровское. Встрѣтивъ буйную, пьяную толпу въ 80 человѣкъ, руководимыхъ однимъ манджуромъ, Березинъ съ командой направилъ на нихъ пистолеты и объявилъ, что если сейчасъ же не будетъ исполнено его требованіе, то онъ всѣхъ перебьетъ и селеніе уничтожитъ. Угроза подѣйствовала, и виновные съ украденными вещами, въ сопровожденіи нѣсколькихъ гиляковъ, пошедшихъ хода-

тайствовать за провинившихся земляковъ, прибыли въ Петровское. Тогда Невельской въ присутствіи гиляковъ окрестныхъ деревень, наказалъ виновныхъ розгами, а затѣмъ оставилъ ихъ на три дня таскать бревна. Послѣ этого случая при всякихъ столкновеніяхъ, между инородцами, они обращались въ Петровское и Николаевскъ, для разбирательства.

Вообще, внимательно относясь къ инородцамъ и поддерживая съ ними дружескія отношенія, Невельской, несмотря на многочисленность окружавшихъ его дикарей и мстительный ихъ характеръ, не задумывался чинить надъ ними судъ и расправу, когда признавалъ это необходимымъ. Такъ онъ упоминаетъ объ одномъ случаѣ, когда гилякъ привелъ въ Петровское свою молодую жену, чтобы оградить ее отъ преслѣдованія гиляковъ сосѣдняго селенія, собиравшихся ее украсть. Такъ какъ эти гиляки были извѣстны уже Невельскому своею дерзостью и буйствомъ, то онъ велѣлъ розыскать виновныхъ и примѣрно наказалъ. Жену этого гиляка Екатерина Ивановна взяла подъ свое покровительство: «ее вымыли, вычесали и нарядили въ сарафанъ и бѣлую рубашку; послѣ чего гилячка немало была удивлена своею пригожестью и начала мыться и чесаться каждый день». Этотъ случай далъ поводъ къ тому, что и другія гилячки начали являться въ Петровское съ просьбою, чтобы и ихъ вымыли и одѣли. «Надобно было видѣть—говоритъ Невельской—съ какимъ усердіемъ матросы и ихъ жены ставили этихъ гилячекъ у берега и отмывали дресвою наросшую грязь на ихъ лицахъ. Зато съ какимъ удовольствіемъ эти нимфы смотрѣли на себя въ подаренныя имъ зеркальца».

Присутствуя при совершаемыхъ въ воскресные и праздничные дни молитвахъ, гиляки стали обращаться съ просьбами чтобы ихъ окрестили, что, конечно, охотно исполнялось. Обрядъ крещенія совершалъ докторъ Орловъ, а крестными отцами были Невельской или кто либо изъ офицеровъ; крестили ихъ въ чану съ водой или заливѣ, надѣвали крестъ и рубашку и дарили платокъ.

По поводу этого крещенія инородцевъ, Невельской приводитъ случай, какъ одинъ изъ гиляковъ, соблазняясь новой

рубашкой, пришелъ вторично креститься, разсчитывая, какъ онъ сознался, что его не узнаютъ. Его дѣйствительно окрестили, только *безъ рубашки и не водою*. Потомъ этотъ гилякъ называлъ себя «крѣпко крещенымъ».

Обнаруженное инородцами желаніе креститься, имѣло хорошія послѣдствія еще и въ томъ отношеніи, что наши команды перестали смотрѣть на нихъ какъ на собакъ, которыхъ можно бить, что конечно практиковалось, несмотря на требованія Невельского, чтобы съ инородцами обращались ласково, соблюдая ихъ обычаи.

Такое отношеніе Невельского къ инородцамъ, при строгомъ наказаніи и нашихъ людей, за причиненныя имъ обиды, постепенно расположило ихъ въ нашу пользу, а вмѣстѣ съ тѣмъ вооруженный видъ командъ, пушки и обычныя церемоніи при подъемѣ и спускѣ флага, поселили въ инородцахъ страхъ и уваженіе къ русскимъ, при убѣжденіи, что не боясь манджуровъ, русскіе пришли не порабощать ихъ, а защищать отъ насилій.

Точно также и по словамъ лейтенанта Бошняка, онъ держался правила, никогда не нарушать нравовъ и обычаевъ туземцевъ у нихъ въ домѣ, слѣдя въ этомъ отношеніи и за командой. Употребляя строгія мѣры только въ крайности, онъ не упускалъ случая указывать туземцамъ на дѣйствіе и силу имѣвшихся у него средствъ къ истребленію цѣлыхъ селеній, при малѣйшемъ съ ихъ стороны недоброжелательствѣ; въ случаяхъ же воровства, очень частыхъ у гиляковъ, виновныхъ наказывали розгами.

Устроившись въ Петровскомъ, Невельской приступилъ къ разрѣшенію двухъ занимавшихъ его вопросовъ — морского и пограничнаго—и съ этою цѣлью онъ снарядилъ рядъ экспедицій: на рѣку Амуръ, къ озеру Кизи, въ де-Кастри и на островъ Сахалинъ.

Руководствуясь полученными отъ инородцевъ свѣдѣніями о ближайшей мѣстности, Невельской прежде всего выяснилъ себѣ, какъ возможность выполненія такихъ задачъ, съ имѣ-

вшимися у него средствами, такъ и степень безопасности чиновъ, посылаемыхъ въ экспедицію; а затѣмъ, выработавъ для своихъ сотрудниковъ подробныя инструкціи, по возможности устранявшія эти затрудненія, онъ послалъ на рѣку Амуръ, на двухъ нартахъ съ гилякомъ, подпоручика Орлова, хорошо знавшаго тунгузскій языкъ, поручивъ ему разузнать, гдѣ именно въ этомъ краѣ находятся тѣ груды камней, которыя были усмотрѣны, въ 1845 году, академикомъ Миддендорфомъ, и имѣется ли за ними наблюденіе китайскаго правительства, какъ за пограничными знаками. Вмѣстѣ съ этимъ ему было приказано собрать свѣдѣнія о путяхъ, ведущихъ съ рѣки Амуръ къ Хингапскому хребту, о населяющихъ край инородцахъ, объ ихъ потребностяхъ и способахъ торговли.

Одновременно съ Орловымъ, былъ отправленъ къ озеру Кизи, также на двухъ нартахъ, мичманъ Чихачевъ съ приказчикомъ Березинымъ, казакомъ и гилякомъ, для полученія свѣдѣній о путяхъ, ведущихъ отъ праваго берега Амура въ болѣе или менѣе закрытыя бухты, по берегу Татарскаго пролива, о характерѣ этого побережья и о плавающихъ тамъ судахъ, причемъ Березинъ долженъ былъ входить въ торговыя сношенія съ инородцами.

Чихачевъ съ Березинымъ вернулись въ Петровское 20-го декабря, узнавъ отъ гиляковъ селенія Кизи, что отъ праваго берега Амура существуетъ нѣсколько путей къ морскому берегу, изъ которыхъ кратчайшій и наиболѣе удобный тотъ, гдѣ берегъ озера Кизи подходитъ близко къ заливу Нангмаръ (*) на морскомъ берегу, что кромѣ этого по берегу имѣется нѣсколько заливовъ и что ежегодно, ранней весной, туда приходятъ большія морскія суда.

23-го декабря вернулся и подпоручикъ Орловъ. Поднявшись вверхъ по Амуру до устья рѣки Амгунь, онъ прошелъ по этой рѣкѣ и ея притокамъ, по озерамъ и переваламъ съ одной рѣки на другую, въ общемъ болѣе 200 верстъ, посѣтивъ на своемъ пути нѣсколько большихъ селеній и урочищъ,

(*) де-Кастри.

встрѣчая вездѣ радушное отношеніе со стороны инородцевъ, выражавшихъ при этомъ полную готовность войти съ русскими въ торговыя сношенія.

Опредѣливъ по широтѣ нѣсколько пунктовъ на перевалахъ и собравъ свѣдѣнія о путяхъ ведущихъ къ Становому хребту, Орловъ въ одномъ изъ урочищъ видѣлъ и эти груды камней, сложенныя въ видѣ большихъ пирамидъ и при этомъ узналъ отъ инородцевъ, что подобныя же груды камней имѣются и въ другихъ мѣстахъ къ западу, на перевалахъ съ одной рѣки на другую, но что онѣ служатъ только для обозначенія мѣстъ ихъ торга; что никакихъ другихъ столбовъ, какъ пограничныхъ знаковъ, въ краѣ не существуетъ; что ни китайцы ни манджуры въ этихъ мѣстахъ никогда не бываютъ, что всѣ инородцы, обитающіе между Становымъ хребтомъ и моремъ, совершенно независимы, ясакъ никому не платятъ и зависимость отъ китайцевъ распространяется только на страны, лежащія къ западу отъ Хинганскаго хребта.

— ——— —

Получивъ эти свѣдѣнія, Невельской выработалъ планъ дальнѣйшихъ изслѣдованій края и приступилъ къ снаряженію новыхъ экспедицій. Около этого времени, на одномъ изъ гиляковъ прибывшихъ въ Петровское, съ острова Сахалина, обратила на себя вниманіе пуговица, сдѣланная изъ каменнаго угля, причемъ гиляки разсказали, что они сами дѣлаютъ себѣ такія пуговицы изъ мягкаго чернаго камня, котораго на Сахалинѣ, около рѣки Дуэ, цѣлыя горы.

Невельской сейчасъ же послалъ на Сахалинъ на собакахъ лейтенанта Н. К. Бошняка съ гилякомъ Позвейномъ и казакомъ Парфентьевымъ, говорившимъ по тунгузски и знавшимъ нарѣчіе жителей сѣверной части Сахалина, айновъ. Бошняку было приказано удостовѣриться на мѣстѣ о положеніи каменно-угольныхъ залежей, о состояніи страны, объ отношеніяхъ инородцевъ къ Китаю и Японіи, о наиболѣе населенныхъ пунктахъ на островѣ и о подходѣ къ берегамъ Сахалина иностранныхъ судовъ; а также удостовѣриться дѣйствительно ли на рѣкѣ Тыми жили русскіе, какъ объ этомъ сообщали гиляки.

Рабочіе журналы участниковъ Амурской экспедиціи конечно не сохранились, но и по приводимымъ адмираломъ выпискамъ изъ представленныхъ ему отчетовъ по каждой изъ командировокъ можно видѣть, какіе существенные результаты были достигнуты неутомимыми сотрудниками Геннадія Ивановича, при изслѣдованіи обширныхъ раіоновъ, въ совершенно неизвѣстномъ и мало населенномъ краѣ.

Наэлектризованные своимъ энергичнымъ начальникомъ, они тоже съ полной энергіей, не останавливаясь ни передъ какими препятствіями, стремились къ выясненію главныхъ задачъ экспедиціи. Старательно собирая отъ туземцевъ необходимыя свѣдѣнія и давая въ своихъ отчетахъ подробное описаніе путей ихъ слѣдованія, они, подражая своему начальнику и въ скромности, только немногими словами упоминали иногда о тѣхъ затрудненіяхъ и лишеніяхъ, съ которыми имъ приходилось бороться въ этихъ продолжительныхъ командировкахъ. Несмотря на несомнѣнно важныя географическія открытія, ими къ сожалѣнію и впослѣдствіи не было сдѣлано какихъ либо сообщеній въ журналахъ или въ ученыхъ обществахъ. Одинъ только лейтенантъ Н. К. Бошнякъ помѣстилъ въ «Морскомъ Сборникѣ» рядъ крайне интересныхъ статей, дающихъ нѣкоторое представленіе о тѣхъ условіяхъ, которыми сопровождались эти командировки, среди суровой сибирской зимы, при передвиженіяхъ на нартахъ или пѣшкомъ, съ ночлегами въ грязныхъ юртахъ, а то и просто въ снѣгу и при крайнихъ лишеніяхъ въ продовольствіи, въ то время, когда прежде всего надо было заботиться о кормѣ для ѣздовыхъ собакъ.

По неимѣнію другихъ матеріаловъ относительно амурской экспедиціи, въ настоящемъ очеркѣ приведены сокращенныя выдержки изъ этихъ статей лейтенанта Бошняка, въ дополненіе къ даннымъ, которыя имѣются въ запискахъ адмирала о его командировкахъ.

Описывая свою командировку на Сахалинъ (*) Н. К. Бошнякъ между прочимъ говоритъ: «мнѣ была дана нарта собакъ, на

(*) «Морской Сборникъ» 1885 г. № 12.

мѣсяцъ сухарей, чаю да сахару, а главное—крестъ Г. И. Невельского и ободреніе, что если есть сухарь, чтобы утолить голодъ и кружка воды напиться, то съ Божьей помощью работать еще возможно».

Съ такими средствами и наставленіемъ Бошнякъ 20 февраля отправился изъ Петровскаго зимовья по лиману къ мысу Лазарева, откуда, чрезъ самое узкое здѣсь мѣсто Татарскаго пролива, перевалилъ къ мысу Погоби на Сахалинѣ. Пройдя затѣмъ около 120 верстъ къ югу и все время встрѣчая на своемъ пути разбросанные по морскому берегу куски каменнаго угля, Бошнякъ достигъ главнаго его мѣсторожденія — залива Дуэ, гдѣ морской берегъ на протяженіи 20 верстъ составлялъ почти сплошную каменно-угольную формацію. Такимъ образомъ, благодаря трудамъ Амурской экспедиціи, здѣсь впервые были открыты богатыя залежи каменнаго угля.

Возвращаясь обратно тѣмъ же путемъ, Бошняку пришлось оставить въ селеніи Мгачъ заболѣвшаго гиляка и своихъ утомленныхъ собакъ и слѣдовать къ рѣкѣ Тыми съ казакомъ и проводникомъ уже на наемныхъ нартахъ. Проѣхавъ около 60 верстъ, онъ достигъ селенія, въ которомъ отъ туземцевъ узналъ, что здѣсь дѣйствительно жили русскіе, что послѣдній изъ нихъ умеръ еще недавно, и что двое имѣли дѣтей отъ своихъ туземныхъ женъ. За три аршина китайки Бошнякъ пріобрѣлъ отъ туземцевъ вырванныя изъ часовника четыре страницы, изъ которыхъ одна была заглавная и на ней, едва разборчивымъ почеркомъ, было написано: «Мы, Иванъ, Данила, Петръ, Сергѣй и Василій высажены въ айнскомъ селеніи Тамари-Анива Хвостовымъ 17 августа 1805 года, перешли на рѣку Тыми въ 1810 году въ то время, когда пришли въ Тамари Японцы». По отзыву айновъ русскіе были хорошіе люди; ходили вмѣстѣ съ ними на рыбный и звѣриный промыселъ, одѣвались такъ же какъ и айны, но волосы стригли. Бошняку показали и мѣсто гдѣ они жили въ трехъ избахъ, при которыхъ были и огороды.

Сдѣлавъ глазомѣрную съемку рѣки Тыми до самаго устья, съ подробнымъ описаніемъ всей пройденной мѣстности, Бошнякъ на своемъ пути опредѣлилъ широты наиболѣе при-

мѣтныхъ пунктовъ и собралъ свѣдѣнія о числѣ жителей на Сахалинѣ, причемъ убѣдился, что всѣ они считаютъ себя совершенно независимыми.

Относительно каменнаго угля Бошнякъ узналъ, что туземцы выдѣлываютъ изъ него себѣ вдоловъ, а также пуговицы, но на топливо не употребляютъ, хотя и знаютъ, что онъ горитъ. Прибрежные жители говорили Бошняку, что ранней весной къ берегу подходятъ большія морскія суда, команды которыхъ берутъ у нихъ рыбу насильно и дѣлаютъ разныя безчинства.

Достигнувъ устья Тыми, Бошнякъ тѣмъ же путемъ пошелъ обратно, и совершенно изнуренный отъ усталости и голода, имѣя раны на ногахъ, возвратился въ селеніе Мгачъ. Взявъ здѣсь свою нарту и Позвейна, Бошнякъ со своими спутниками, сдва живые, потерявъ собакъ отъ неимѣнія корма, уже на пасиныхъ нартахъ, дотащились до Николаевска, питаясь послѣднее время юколой и полусгнившимъ тюленьимъ мясомъ.

«Возвратясь съ Тыми въ Мгачъ,—говоритъ Бошнякъ,—и будучи не въ состояніи ходить отъ образовавшихся на ногѣ нарывовъ, весь ободранный, голодный, я расцѣловалъ Позвейна, у котораго хранилось нѣсколько сухарей, чая и сахара, что послѣ трехдневнаго поста на одной рыбѣ, показалось мнѣ царскимъ обѣдомъ.... Надо было вернуться въ Николаевскъ, а собаки рѣшительно не шли отъ худого корма.... Дней черезъ пять я добрался до селенія Тыкъ, это было въ самую Пасху. Сухарей у меня не было, разговѣться нечѣмъ, нога болитъ страшно. Я притаился въ уголкѣ юрты, выбившись рѣшительно изъ силъ, какъ вдругъ подъѣзжаетъ амурскій гилякъ. Кусокъ свѣжей осетрины, купленный за какія-то оставшіяся у меня вещи, послужили пасхою и куличемъ. На другой день, 3 апрѣля, я прибылъ благополучно въ Николаевскій постъ, земляныя юрты котораго показались мнѣ тогда дворцами. Баня, свѣжій хлѣбъ и русскій обѣдъ освѣжили меня, а бѣлье, которое я не снималъ 40 дней, я не скинулъ, а оно развалилось».

Употребивъ двѣ недѣли на составленіе отчета по своей командировкѣ на Сахалинъ и едва оправившись настолько, чтобы ходить безъ костылей, Бошнякъ 18 апрѣля отправился съ казакомъ Парфентьевымъ въ новую командировку къ устью р. Амгунь.

Одновременно Невельской снарядилъ еще три экспедиціи: подпоручика Орлова онъ послалъ въ Тугурскій край, осмотрѣть мѣстность между вершинами рѣкъ Уди и Амгуни, гдѣ на картахъ обозначалась граница наша съ Китаемъ; мичманъ Чихачевъ, съ тунгузомъ Аѳанасіемъ, отправился на рѣку Горинъ, и оттуда, черезъ озеро Кизи, въ заливъ Наигмаръ, для опредѣленія—не тотъ ли это заливъ, который Лаперузъ назвалъ заливомъ де-Кастри, а приказчикъ Березинъ съ топографомъ Поповымъ и тремя казаками были посланы вверхъ по Амуру для расторжки съ гиляками и для производства глазомѣрной съемки праваго берега Амура до селенія Кизи, гдѣ они должны были поступить въ распоряженіе мичмана Чихачева.

Возвратившись въ Петровское, Орловъ представилъ Невельскому подробный отчетъ о своемъ сорока-дневномъ путешествіи въ Тугурскій край. Полученные имъ результаты, въ общемъ сводятся къ слѣдующему: пройдя по рѣкѣ Амгунь и ея притокамъ, на собакахъ и оленяхъ, около 250 верстъ, останавливаясь во многихъ селеніяхъ и урочищахъ для полученія отъ инородцевъ необходимыхъ свѣдѣній, Орловъ достигъ истока рѣки Тугуръ, у подошвы Станового хребта, а затѣмъ, слѣдуя вдоль него, онъ поднялся на возвышенность въ томъ мѣстѣ, гдѣ на картахъ обозначалась тогда наша граница съ Китаемъ. На своемъ пути Орловъ прошелъ черезъ нѣсколько переваловъ, изъ коихъ наиболѣе удобные были обозначены пирамидальными грудами камней и гдѣ находились поселенія и стойбища инородцевъ. Опредѣливъ нѣкоторые изъ этихъ пунктовъ по широтѣ, Орловъ получилъ отъ инородцевъ подробныя свѣдѣнія о направленіи Станового хребта, удостовѣрившись, что это тотъ самый хребетъ, изъ котораго берутъ начало рѣки Амгунь, Тугуръ, Уди, Зея и Бурея.

На вопросы Орлова, не находится ли гдѣ либо на склонахъ этого хребта пограничныхъ столбовъ, поставленныхъ манджурами или китайцами, и которые они пріѣзжали бы осматривать, онъ вездѣ получалъ отвѣтъ, что они не только нигдѣ не видѣли такихъ столбовъ, но никогда и не слыхали, чтобы ихъ когда либо ставили, а что касается китайцевъ, то они никогда сюда и не являлись.

Такимъ образомъ, подпоручикъ Орловъ впервые опредѣлилъ дѣйствительное направленіе Станового хребта, между южнымъ истокомъ рѣки Уди и сѣвернымъ рѣки Амгунь, окончательно при этомъ выяснивъ, что въ Тугурскомъ и Удскомъ краѣ, а равно по склонамъ этого хребта, никакихъ пограничныхъ знаковъ не существуетъ и что слѣдовательно академикъ Миддендорфъ только по ошибкѣ принялъ за нихъ, находимыя имъ въ разныхъ мѣстахъ пирамидальныя кучи камней, установленныя на перевалахъ съ одной рѣки на другую для обозначенія мѣстъ торга инородцевъ.

Мичманъ Чихачевъ началъ свое изслѣдованіе отъ устья рѣки Амгунь и поднявшись по ней на 320 верстъ, достигъ того мѣста, гдѣ эта рѣка подходитъ на самое близкое разстояніе къ рѣкѣ Горинъ. Переваливъ здѣсь черезъ невысокіе отроги горъ, онъ спустился по этой рѣкѣ до впаденія ея въ Амуръ, все время опредѣляя широты наиболѣе населенныхъ пунктовъ, и слѣдя по компасу за общимъ направленіемъ своего пути.

Имѣя въ сопровождавшемъ его тунгусѣ Афанасіи хорошаго толмача, онъ свободно велъ разговоръ съ манджурами и, начиная съ вопроса объ ихъ торговыхъ сношеніяхъ, собралъ подробныя свѣдѣнія о всей этой странѣ, о путяхъ ихъ передвиженія, о водораздѣлахъ и объ истокахъ такихъ рѣкъ какъ Амгунь, Горинъ, Зея, Бурея, Уссури и Сунгари. Одновременно онъ имѣлъ возможность убѣдиться, что всѣ инородцы, обитающіе между Становымъ хребтомъ и моремъ, не признаютъ надъ собой никакой власти, ясакъ никому не платятъ и находятся въ совершенно дикомъ состояніи людей, для которыхъ рыба и собаки составляютъ всѣ насущныя потребности.

Отъ устья рѣки Горинъ, Чихачевъ спустился по Амуру къ озеру Кизи и пройдя затѣмъ вдоль подошвы горъ, окружающихъ съ юга это озеро, перевалилъ черезъ небольшую возвышенность и вышелъ въ заливъ Нангмаръ, сдѣлавъ въ общемъ болѣе 700 верстъ на собакахъ и оленяхъ. Весь путь былъ сопряженъ съ большими затрудненіями и лишеніями: собаки утомлялись, вслѣдствіе чего приходилось дѣлать переходы пѣшкомъ, съ котомкою на плечахъ, влача за собою нарту, часто по поясъ въ водѣ. Вся провизія вышла еще на Горинѣ и ему съ Афанасіемъ приходилось питаться юколою и нерпичьимъ жиромъ.

Когда мичманъ Чихачевъ, въ концѣ апрѣля, вышелъ на берегъ залива, то нашелъ его покрытымъ сплошнымъ льдомъ, но море къ югу было чисто, причемъ на горизонтѣ было видно лавировавшее къ сѣверу двухмачтовое судно, усмотрѣнное еще ранѣе Березинымъ и Поповымъ.

По очертанію берега и по опредѣленной широтѣ мѣста, Чихачевъ убѣдился, что это тотъ самый заливъ, который Лаперузъ назвалъ заливомъ де-Кастри. Между прочимъ, здѣсь на прибрежной скалѣ было высѣчено имя Лаперуза, а у одного изъ туземцевъ ближайшаго селенія сохранилось зеркальце, на которомъ было вырѣзано: «1787 г. Лаперузъ».

Отъ прибывшихъ сюда съ южнаго побережья туземцевъ Чихачевъ получилъ свѣдѣнія о существованіи, въ недалекомъ разстояніи по берегу Татарскаго пролива, закрытой бухты Хаджи. Тунгусы предлагали проводить его туда, но, по недостатку провизіи, не было возможности предпринять такой длинный путь, поэтому, сдѣлавъ глазомѣрную съемку залива Нангмаръ и оставивъ одному изъ смышленыхъ туземцевъ объявленіе на французскомъ языкѣ о принадлежности этихъ мѣстъ Россіи, съ тѣмъ чтобы онъ показывалъ эту бумагу могущимъ прибыть сюда иностраннымъ судамъ, Чихачевъ на пріобрѣтенной здѣсь лодкѣ, съ топографомъ и тунгузомъ, отправился вдоль берега къ лиману Амура. Путь ихъ сопровождался большими затрудненіями и лишеніями и всѣ они едва не погибли во льдахъ, при засвѣжѣвшемъ сѣверномъ вѣтрѣ. Несмотря на уменьшенную порцію, запасъ сухарей

истощился и они утоляли голодъ юколой и нерпой, сутками не имѣя и этого, и совершенно изнуренные и разбитые 21 іюня добрались до Петровска.

Около этого времени возвратились изъ своихъ командировокъ Бошнякъ, Березинъ и Поповъ.

Ограничиваясь краткимъ изложеніемъ результатовъ командировки лейтенанта Бошняка, приходится сказать только, что остановившись въ концѣ апрѣля у устья рѣки Амгунь весновать, онъ произвелъ здѣсь наблюденія надъ вскрытіемъ рѣки Амуръ, а затѣмъ, со спадомъ воды, поднялся по Амуру до селенія Кизи, опредѣливъ попутно широты нѣсколькихъ пунктовъ и сдѣлавъ опись лѣваго берега рѣки. Встрѣчая вездѣ расположеніе туземцевъ, Бошнякъ имѣлъ возможность собрать свѣдѣнія объ ихъ характерѣ, религіозныхъ и семейныхъ отношеніяхъ, обычаяхъ и повѣрьяхъ (*), церемоніяхъ при свадьбахъ и похоронахъ, при вскрытіи рѣки, при травлѣ медвѣдя и о другихъ обрядностяхъ, а одновременно онъ собралъ подробныя свѣдѣнія о способахъ и предметахъ торговли.

Между прочимъ Бошнякъ упоминаетъ, что онъ увидѣлъ и пріобрѣлъ у гиляка небольшой серебряный крестъ на которомъ была вырѣзана надпись: «souvenir de mission», причемъ гилякъ разсказалъ, что за два года передъ тѣмъ, въ 1849 году, здѣсь были убиты гиляками, съ цѣлью грабежа, два французскихъ миссіонера, въ числѣ конхъ, какъ впослѣдствіи Бошнякъ узналъ въ Гонъ-Конгѣ, былъ извѣстный Labrumière, о судьбѣ котораго въ католической миссіи ничего не было извѣстно, кромѣ того, что онъ направился къ устью Амура.

Въ то время, когда Бошнякъ производилъ опись лѣваго берега Амура, Поповъ описалъ правый берегъ, тоже до селенія Кизи, собравъ свѣдѣнія о расположенныхъ по берегамъ селе-

(*) Самымъ священнымъ обычаемъ у гиляковъ было, не выносить изъ юрты огня и не ложиться на нары головой къ стѣнкѣ, какъ это у насъ принято, а непремѣнно отъ стѣны. О крайней дикости этихъ инородцевъ звѣролововъ можно судить между прочимъ по совершенно непостижимому у нихъ повѣрью, что каждый копавшій землю и сажавшій въ нее что нибудь долженъ былъ сейчасъ умереть. Только послѣ того какъ они убѣдились, что наши люди ѣдятъ посаженный ими картофель и не умираютъ, между ними явились смѣльчаки, рѣшившіеся заняться огородничествомъ.

ніяхъ, въ которыхъ Березинъ попутно производилъ расторжку съ гиляками. Между прочимъ относительно Березина Невельской упоминаетъ, что несмотря на свою закаленную натуру онъ отъ изнурительнаго путешествія по водѣ и грязи захворалъ лихорадкой и съ больной ногой остался на нѣсколько дней въ селеніи Кизи. Онъ поселился въ гилякской юртѣ, причемъ всѣ жители оказывали ему полное радушіе; прикладывали къ его больной ногѣ какія то травы, заговаривали воду и давали ее пить, отказываясь отъ всякаго вознагражденія, вслѣдствіе ихъ повѣрія, что если кто возьметъ плату за помощь больному, то сейчасъ же умретъ.

Въ числѣ затрудненій, съ которыми приходилось считаться Невельскому и его сотрудникамъ, слѣдуетъ еще упомянуть, что при маломъ числѣ нижнихъ чиновъ въ экспедиціи, значительная ихъ часть была порочнаго поведенія. При долгосрочной тогда службѣ, какъ морскія, такъ и сухопутныя команды были несомнѣнно бравыя, легко переносившія тяжелыя работы и всевозможныя лишенія, но безъ надлежащаго строевого начальства, всего менѣе занятые военной службой, люди были очень распущены и, при большой склонности къ пьянству, расположены ко всякаго рода преступленіямъ, въ томъ числѣ и къ побѣгамъ. Такимъ образомъ, въ іюлѣ 1852 года, пять человѣкъ матросовъ бѣжало ночью на вельботѣ изъ Маріинскаго поста и несмотря на принятыя мѣры не были розысканы.

Какъ бы ни были велики затрудненія и лишенія, какія выпали на долю участниковъ амурской экспедиціи при изслѣдованіи ими дикихъ пустынь При-Амурскаго края, все же наибольшія препятствія и непріятности, съ которыми приходилось бороться начальнику этой экспедиціи исходили изъ петербургскихъ и иркутскихъ канцелярій, а также и отъ Правленія Россійско-Американской Компаніи.

О томъ, насколько велики были эти затрудненія и какой сильной личностью былъ Геннадій Ивановичъ Невельской, всего лучше судить по приводимымъ ниже краткимъ выдержкамъ изъ его служебной переписки.

Еще съ первой почтой, посланной въ ноябрѣ 1851 г. изъ Петровска черезъ Аянъ, Невельской доносилъ генералъ-губернатору, что данныя ему повелѣнія «не соотвѣтственны съ обстоятельствами на мѣстѣ», и что поэтому онъ находится вынужденнымъ отступить отъ нихъ; что средства опредѣленныя правительствомъ на экспедицію ничтожны и что ввѣренная ему команда переноситъ большіе труды и лишенія. Поэтому онъ просилъ генералъ-губернатора прислать въ экспедицію возможно скорѣе двухъ офицеровъ и 50 человѣкъ команды, по крайней мѣрѣ одно мелкосидящее паровое судно съ паровымъ барказомъ и необходимыми запасами, и, въ виду тяжелыхъ условій службы въ экспедиціи, даровать всѣмъ служащимъ нѣкоторыя льготы по службѣ.

При существовавшей организаціи почтоваго сообщенія, Невельской, конечно, не скоро могъ получить отвѣты на свои рапорты, но въ половинѣ февраля 1852 г. пришла первая зимняя почта, съ которой были получены изъ Иркутска и изъ Петербурга новыя подтвержденія «не распространять изслѣдованія далѣе земли гиляковъ, обитающихъ по Амурскому лиману и въ окрестностяхъ Николаевска, и стараться черезъ гиляковъ вступать въ торговыя сношенія со старшинами сопредѣльныхъ съ ними инородцевъ».

Въ отвѣтъ на это Невельской представлялъ генералъ-губернатору, что пограничный вопросъ уже разъясняется въ благопріятномъ смыслѣ; что китайцы, не имѣя никакого правительственнаго надзора въ При-Амурскомъ краѣ, очевидно не считаютъ его своимъ: что на основаніи свѣдѣній полученныхъ отъ инородцевъ представляется почти несомнѣннымъ, что на татарскомъ берегу находятся закрытыя бухты, связанныя внутренними путями съ рѣками Амуромъ и Уссури, и что озеро Кизи, заливъ Нангмаръ и рѣка Уссури представляютъ для насъ важные пункты въ морскомъ отношеніи.

Указывая затѣмъ на невозможность ограничиваться только тѣми наліативными мѣрами, которыя предлагались ему для руководства, Невельской просилъ чтобы ему было разрѣшено:

а) Занять селеніе Кизи и заливъ Нангмаръ, какъ ближайшіе къ Николаевску пункты, изъ которыхъ легко наблюдать за иностранными судами, плавающими въ сѣверной части Татарскаго пролива и откуда удобно произвести изслѣдованія морского берега къ югу до Корейской границы.

б) Разрѣшить послать особую экспедицію для изслѣдованія рѣки Уссури, оставивъ у ея устья офицера на зимовку для ознакомленія съ путями ведущими отъ этой рѣки къ морю.

в) Для увеличенія средствъ экспедиціи прислать по крайней мѣрѣ 50 человѣкъ людей хорошаго поведенія при двухъ офицерахъ и въ навигацію 1853 года прислать изъ Кронштадта въ распоряженіе Невельского паровую шкуну.

Донося обо всемъ этомъ генералъ-губернатору, Невельской въ частномъ письмѣ къ нему, между прочимъ, писалъ:

«Долгомъ моимъ считаю предварить Васъ, что сознавая тяжкую, лежащую на насъ, нравственную отвѣтственность за всякое съ моей стороны упущеніе, къ отстраненію могущей быть потери для Россіи этого края, я во всякомъ случаѣ рѣшился дѣйствовать сообразно обстоятельствамъ и тѣмъ свѣдѣніямъ, которыя я ожидаю получить отъ гг. Чихачева и Бошняка. Надѣюсь, что при патріотической преданности Вашего Превосходительства этому дѣлу, Государь Императоръ милостиво воззритъ на таковые мои поступки, происходящіе единственно отъ преданности моей и моихъ сотрудниковъ къ благу отечества».

Между тѣмъ, со слѣдующей зимней почтой, генералъ-губернаторъ извѣстилъ Невельского, что изъ Петербурга пришло новое подтвержденіе входить въ торговые договоры только съ властями инородцевъ, обитающихъ близъ устья рѣки Амура, но дальнѣйшихъ какихъ либо распоряженій далѣе земли гиляковъ или окрестностей рѣки Амуръ, ни подъ какимъ видомъ не дѣлать; что каменные столбы, найденные Миддендорфомъ на протяженіи отъ Охотскаго моря до истоковъ рѣки Уди и далѣе къ заливу, по южному склону Станового хребта, а также свѣдѣнія полученныя изъ Пекина до сихъ поръ служатъ убѣжденіемъ, что граница наша съ Китаемъ должна идти по этимъ знакамъ.

Въ отвѣтъ на это Невельской послалъ Н. Н. Муравьеву журналъ произведенныхъ Бошнякомъ изслѣдованій, записку Чихачева и донесеніе Березина. Указывая на важность достигнутыхъ уже результатовъ и на тѣ печальныя послѣдствія, какія могутъ произойти при появленіи судовъ съ юга, Невельской въ заключеніе писалъ:

«Изъ этого Ваше Превосходительство изволите видѣть, всю неосновательность и фальшивость убѣжденій въ С.-Петербургѣ о При-Амурскомъ и При-Уссурійскомъ краѣ и островѣ Сахалинѣ, которые, по изложеннымъ даннымъ, должны составлять не китайскую принадлежность, какъ то думаютъ и настаиваютъ въ С.-Петербургѣ, а русскую. Полная несостоятельность съ упомянутымъ обязательствомъ даннаго мнѣ повелѣнія, повторяемаго почти каждую почту, при ничтожныхъ средствахъ, которыми располагаетъ экспедиція, очевидна, а распоряженія главнаго правленія россійско-американской компаніи могутъ поставить насъ въ самое критическое положеніе, которое повлечетъ за собою уничтоженіе экспедиціи».

«Поставленный здѣсь въ такое положеніе, при которомъ вся нравственная отвѣтственность за недостатокъ самостоятельности пала бы на меня и соображаясь единственно съ упомянутыми обстоятельствами, несмотря на то, что они не согласны съ данною мнѣ инструкціею и влекутъ за собой строжайшую отвѣтственность, я рѣшился дѣйствовать внѣ повелѣній. Мнѣ предстояло и нынѣ предстоитъ одно изъ двухъ: или, дѣйствуя согласно инструкціямъ, потерять навсегда для Россіи столь важные края, какъ При-Амурскій и При-Уссурійскій, или же дѣйствовать самостоятельно, приноравливаясь къ мѣстнымъ обстоятельствамъ и несогласно съ данными мнѣ инструкціями. Я избралъ послѣднее».

«Послѣ этого я надѣюсь, что въ виду представляемыхъ мною фактовъ, наконецъ обратятъ серьезное вниманіе на этотъ край и, согласно предыдущему представленію моему Вашему Превосходительству, получу надлежащія средства для экспедиціи. Всѣ мои просвѣщенные и неутомимые сотрудники одушевлены важною государственною цѣлью экспедиціи и съ необыкновен-

пою отвагою, бодростью и твердостью духа переносять всѣ лишенія, трудности и опасности при изслѣдованіяхъ и дѣйствіяхъ, направленныхъ мною къ уясненію положенія края и къ отстраненію всякихъ внѣшнихъ на него покушеній, несмотря на то, что ничтожныя средства экспедиціи далеко этому не соотвѣтствуютъ».

Несмотря на всю поддержку, какую Н. Н. Муравьевъ постоянно встрѣчалъ въ лицѣ великаго князя Константина Николаевича, а также начальника главнаго морского штаба князя Меншикова и министра внутреннихъ дѣлъ Перовскаго, съ которымъ находился въ близкомъ родствѣ, ему все же трудно было поддерживать представленія Невельского и отстаивать амурскій вопросъ въ высшихъ правительственныхъ сферахъ, гдѣ онъ встрѣчался съ противодѣйствіемъ министра иностранныхъ дѣлъ графа Нессельроде, директора азіатскаго департамента Сенявина, министра финансовъ графа Вронченко и министра военнаго графа Чернышева.

Очень вѣроятно, что и главное правленіе рос. америк. кампаніи, какъ состоявшее изъ лицъ высокопоставленныхъ и вліятельныхъ, при близкихъ отношеніяхъ съ чинами высшаго правительства, было заражено тѣмъ же убѣжденіемъ, что рѣка Амуръ для Россійской Имперіи не нужна, что какой то тамъ Невельской занимается пустяками и слѣдовательно помогать ему въ этомъ нѣтъ надобности.

Обставленная большими привилегіями и учрежденная главнымъ образомъ въ видахъ государственной пользы рос. америк. кампанія, имѣвшая въ Ляпѣ собственную факторію, снабженную запасами и товарами, при достаточномъ числѣ морскихъ судовъ, казалось, была обязана идти на встрѣчу всѣмъ требованіямъ Амурской экспедиціи, а между тѣмъ Невельскому приходилось вести длинную и непріятную переписку съ агентами кампаніи, чтобы добиться присылки хотя бы малаго количества самыхъ необходимыхъ запасовъ и товаровъ. Дѣло дошло до того, что въ февралѣ 1852 г. начальникъ Ляпскаго порта и факторіи рос. америк. кампаніи Кашеваровъ увѣдомилъ Невельского, что главное правленіе предписало ему

смотрѣть на Амурскую экспедицію какъ на торговую, учрежденную лишь для расторжки съ гиляками, а состоявшихъ на службѣ кампаніи Орлова и Березина считать себѣ подчиненными; сообщая объ этомъ Кашеваровъ увѣдомлялъ Невельского, что онъ снабжаетъ ихъ надлежащими инструкціями и предписаніями.

Такое отношеніе къ Амурской экспедиціи аянской факторіи, откуда только и можно было получать поддержку матеріалами и товарами, ставило всю экспедицію въ совершенно критическое положеніе, не говоря уже о томъ, что было крайне дерзко по отношенію къ Невельскому. Онъ поэтому сейчасъ же послалъ съ нарочнымъ тунгусомъ предписаніе Кашеварову, требуя именемъ генералъ-губернатора не стѣсняться распоряженіями главнаго правленія компаніи, а благовременно снабжать экспедицію запасами на казенныхъ и на компанейскихъ судахъ, имѣя въ виду, что россійско-американская компанія ничто иное, какъ поставщикъ запасовъ, по его, Невельского, требованіямъ, какъ лица, дѣйствующаго по Высочайшему повелѣнію самостоятельно, для достиженія важной государственной цѣли; въ заключеніе онъ прибавилъ:

«Г. Орлову и Березину я не только приказалъ не исполнять вашихъ распоряженій, но и не отвѣчать даже вамъ на оныя, о чемъ вмѣстѣ съ симъ же доношу генералъ-губернатору и депешею увѣдомляю главное правленіе компаніи. Депешу эту посылаю вамъ открытою для прочтенія».

Въ этой депешѣ Невельской писалъ: «Получивъ нынѣ отъ г. Кашеварова увѣдомленіе о распоряженіяхъ, сдѣланныхъ ему главнымъ правленіемъ компаніи, я нахожу ихъ не только оскорбительными для лицъ, служащихъ въ этой экспедиціи, но и не соотвѣтствующими тѣмъ важнымъ государственнымъ цѣлямъ къ достиженію которыхъ стремится экспедиція. Распоряженія эти могутъ поставить насъ въ самое критическое положеніе, почему я вынужденъ былъ, какъ лицо отвѣтственное здѣсь за все, дать вмѣстѣ съ симъ же предложеніе Кашеварову, которое просилъ сообщить главному правленію...».

Оказалось однако, что обращаясь къ генералъ-губернатору съ жалобою на россійско-американскую компанію, Невельской

напрасно ожидалъ, что онъ его поддержитъ. Хотя въ одномъ изъ донесеній великому князю Константину Николаевичу Муравьевъ и упоминалъ что, «Невельской не безъ основанія жалуется, что американская компанія не доставляетъ ему всѣхъ необходимыхъ предметовъ, какъ для распространенія торговли между гиляками и манджурами, такъ и для дальнѣйшаго нашего тамъ устройства», но еще ранѣе онъ доносилъ великому князю, что изъ отчетовъ россійско-американской компаніи онъ заключилъ, что Амурская экспедиція, особенно послѣ крушенія барка «Шелеховъ» для компаніи обременительна и поэтому представлялъ о необходимости, вознаградивъ ее за понесенные убытки, освободить отъ всякихъ обязательствъ связанныхъ съ описью и заселеніемъ тамошнихъ мѣстъ. Въ отвѣтъ же на жалобы Невельского на россійско-американскую компанію, генералъ-губернаторъ послалъ ему формальный выговоръ, въ такихъ выраженіяхъ:

«Вслѣдствіе полученнаго мною секретнаго письма и сообщенія мнѣ различныхъ офиціальныхъ бумагъ вашихъ въ Главное Правленіе, я, къ сожалѣнію, долженъ замѣтить вашему Высокоблагородію, что выраженіе и самый смыслъ этихъ бумагъ выходитъ изъ границъ приличія, и по моему мнѣнію содержаніе оныхъ кромѣ вреда для общаго дѣла ничего принести не можетъ; въ заключеніи этого вы убѣдитесь сами, прочитавши прилагаемую при семъ въ подлинникѣ записку Главнаго Правленія Россійско-Американской компаніи, препровожденную къ вамъ и для руководства.—Неудовольствія ваши не должны были ни въ какомъ случаѣ давать вамъ право относиться неприлично въ Главное Правленіе, мѣсто, признаваемое правительствомъ наравнѣ съ высшими правительственными мѣстами. Не сомнѣваюсь, что вы сами, по благонамѣренности вашей, почувствуете неправильность вашихъ дѣйствій и впредь воздержитесь отъ всякой подобной переписки; но не могу не повторить съ сожалѣніемъ, что неумѣстныя бумаги ваши въ Главное Правленіе и неосновательныя требованія нарушили навсегда то довѣріе, которое бы Главное Правленіе для пользы службы должно было имѣть

къ власти, поставленной на устьяхъ Амура отъ правительства» (*).

Въ своихъ запискахъ Невельской совсѣмъ не упоминаетъ о полученіи имъ этого выговора, но можно представить себѣ, какое онъ доставилъ ему огорченіе на придачу ко всему тому, что ему приходилось переносить какъ начальнику Амурской экспедиціи, заброшенной буквально за тридевять земель, въ дикую пустыню, отрѣзанную въ теченіе длинныхъ и суровыхъ зимъ отъ всякой помощи изъ Аяна и Иркутска. Оказывалось теперь, что въ настоятельныхъ заботахъ Невельскаго о томъ, чтобы экспедиція по крайней мѣрѣ въ лѣтніе мѣсяцы снабжалась всѣмъ необходимымъ для своего существованія, генералъ-губернаторъ усмотрѣлъ прежде всего оскорбленіе Главнаго Правленія Рос.-Амер. Компаніи и что «неосновательныя требованія и неумѣстныя» бумаги Невельского, навсегда нарушили къ нему довѣріе этого высокаго правительственнаго учрежденія.

Такое отношеніе къ Невельскому генералъ-губернатора, одинаково заинтересованнаго въ успѣшной дѣятельности Амурской экспедиціи, тѣмъ непонятнѣе, что Муравьевъ и самъ нерѣдко имѣлъ поводы жаловаться, хотя бы и въ частной перепискѣ, на медлительность, невниманіе и недостатокъ къ нему довѣрія высшихъ правительственныхъ учрежденій. Онъ жаловался, что въ Петербургѣ ничего не понимаютъ и знать не хотятъ, что до Восточной Сибири относится; что «вездѣ, какъ будто нарочно тычки и подножки»: что по принятой привычкѣ не довѣрять мѣстнымъ начальникамъ, всѣ его предположенія отдавались въ совѣты и комитеты и что «какъ жиды и Христа распяли за безбожіе, такъ и его не удивятъ никакими гоненіями изъ Петербурга».

Между тѣмъ изъ офиціальной переписки Н. Н. Муравьева напротивъ видно, что почти всѣ его предположенія приводились въ исполненіе очень быстро, такъ что даже при докладѣ Государю министра внутреннихъ дѣлъ графа Перовскаго, Николай Павловичъ выразился: «Муравьевъ, кажется,

(*) П. В. Шумахеръ. Русск. Арх., 1878 г., кн. III.

не можетъ жаловаться, что я его представленія долго не разрѣшаю».

Необходимо еще упомянуть, что при своемъ назначеніи въ Восточную Сибирь Муравьевъ въ числѣ многихъ льготъ исходатайствовалъ себѣ еще и право писать непосредственно Государю Императору въ «собственныя руки».

Во всякомъ случаѣ, Муравьевъ имѣлъ легкую возможность письменныхъ сношеній изъ Иркутска, при помощи правильно организованной почты и неограниченнаго числа курьеровъ, а при этомъ надо еще принять во вниманіе, что Муравьевъ ежегодно, по нѣскольку мѣсяцевъ проводилъ въ Петербургѣ, гдѣ онъ пользовался особымъ расположеніемъ великихъ князей. великой княгини Елены Павловны и многихъ лицъ высшаго правительства.

При такихъ условіяхъ для Н. Н. Муравьева, казалось, не должно было бы существовать особыхъ поводовъ къ неудовольствіямъ, жалобамъ и раздражительности, а между тѣмъ, какъ видно изъ его переписки, «Петербургскія интриги убивали его и онъ нравственно болѣлъ».

Мысль о томъ, не лучше ли было бы для дѣла, если бы его замѣнили въ Восточной Сибири другимъ лицомъ, пользующимся большимъ довѣріемъ, не оставляла его. «Переживу или нѣтъ будущую зиму,—писалъ онъ въ 1852 году своему дядѣ, Муравьеву Карскому,—Богъ вѣдаетъ, а что гаснетъ священный огонь, то чувствую ежедневно; бываютъ еще вспышки, но рѣже и рѣже».... «Мнѣ награды не нужны, я служу по убѣжденію, съ сознаніемъ долга царю и отечеству; мнѣ нужны награды для поддержанія моего авторитета въ краѣ, какъ знакъ довѣрія ко мнѣ съ высоты престола, и если довѣрія не будетъ, то непремѣнно оставлю поприще, на которомъ я безъ полнаго довѣрія полезенъ быть не могу».

Отправляясь въ 1853 году изъ Иркутска въ Петербургъ, Муравьевъ прямо высказалъ, что едва ли вернется опять въ Восточную Сибирь, но очевидно, что при расположеніи къ нему Императора Николая Павловича, онъ не имѣлъ основаній на это разсчитывать, а для поправленія здоровья и для отдохновенія онъ получилъ 4-хъ мѣсячный заграничный отпускъ.

Что Муравьевъ находилъ поводы и для крайней раздражительности, видно между прочимъ изъ того, что графъ Перовскій писалъ ему: «Здѣсь распространяютъ слухи о вашей вспыльчивости, которая будто бы выходитъ изъ дозволенныхъ границъ; о поспѣшности, съ которой вы осуждаете людей, прежде чѣмъ имѣли время ихъ узнать или даже выслушать»... При особомъ расположеніи графа Перовскаго къ Н. Н. Муравьеву, онъ давалъ ему дружескіе совѣты «дѣйствовать сколь возможно осмотрительнѣе, хладнокровнѣе, безъ шума, отдаляя поводы къ нареканіямъ и жалобамъ».

Но какъ бы велики ни были препятствія и затрудненія, какія приходилось преодолѣвать Н. Н. Муравьеву по управленію Восточной Сибири, положеніе начальника амурской экспедиціи на Петровской кошкѣ представлялось несомнѣнно болѣе тяжелымъ и облегчалось развѣ только тѣмъ, что Геннадій Ивановичъ здоровья былъ крѣпкаго, нервами не страдалъ, его энергія не угасала, и во всякомъ случаѣ онъ не имѣлъ ни времени, ни возможности отправиться для отдохновенія въ отпускъ ни за границу, ни внутри Имперіи. Равнымъ образомъ не имѣя надобности въ какихъ либо мѣрахъ для поддерживанья своего авторитета у бравыхъ и неутомимыхъ его помощниковъ, онъ продолжалъ выполнять государево дѣло, несмотря на всѣ препятствія, непріятности и незаслуженные выговоры.

18-го іюня 1852 года, на Петровскій рейдъ пришелъ корветъ «Оливуца», командиръ котораго, лейтенантъ Лихачевъ. доставивъ Невельскому пакеты отъ генералъ-губернатора, отъ капитана 1-го ранга Завойко и отъ Кашеварова, сообщилъ. что ему строго приказано быть въ Петропавловскѣ никакъ не позже 1-го августа и что для экспедиціи онъ ничего не привезъ.

Отвѣчая на ноябрьскіе рапорты Невельского относительно средствъ экспедиціи, Н. Н. Муравьевъ увѣдомлялъ, что онъ предписалъ главному правленію снабдить экспедицію паровымъ баркасомъ, катеромъ, товарами и запасами, не стѣсняясь опредѣленною на экспедицію суммою: что по во-

просу о присылкѣ изъ Кронштадта парового судна онъ вошелъ въ сношеніе съ начальникомъ главнаго морского штаба, а Камчатскому губернатору приказалъ прислать въ экспедицію 50 человѣкъ людей хорошаго поведенія. Что же касается просимаго Невельскимъ разрѣшенія, командировать офицера для изслѣдованія рѣки Уссури, перехода съ этой рѣки къ заливу на морскомъ берегу и занятія селенія Кизи, генералъ-губернаторъ отвѣчалъ: «такъ какъ всѣ эти мѣста лежатъ за предѣлами земли гиляковъ, то я въ виду Высочайшаго повелѣнія. не имѣю права дать вамъ отъ себя подобнаго разрѣшенія: но, находя доводы, изложенные вами вполнѣ уважительными, я вхожу нынѣ съ представленіемъ объ этомъ начальнику главнаго морского штаба, князю Меньшикову для доклада Его Величеству».

Отвѣтъ главнаго правленія россійско-американской компаніи на ноябрьскую депешу Невельского былъ такого содержанія: «распространеніе круга дѣйствія экспедиціи за предѣлы Высочайшаго повелѣнія не сходствуетъ намѣреніямъ Главнаго Правленія, тѣмъ болѣе что включая убытки, понесенные уже компаніей, по случаю затонувшаго барка «Шелеховъ», простирающіеся до 36 000 рублей, вмѣстѣ съ отправленными въ 1851 году товарами, достигли уже 59 000 руб., т. е. суммы опредѣленной на экспедицію. Поэтому представленіе ваше объ увеличеніи средствъ экспедиціи товарами и жизненными запасами, Правленіе не признаетъ нынѣ своевременнымъ, впредь до полученія отъ торговли прибылей, могущихъ покрыть издержки компаніи. Но однако останавливаясь нынѣ исполненіемъ вашихъ требованій, Главное Правленіе представляетъ оное на благоусмотрѣніе генералъ-губернатора».

Затѣмъ отъ начальника аянскаго порта Кашеварова Невельской получилъ такой отвѣтъ: «Предписаніе ваше я препроводилъ генералъ-губернатору и въ главное правленіе компаніи. Впредь до распоряженія правленія, я, какъ начальникъ аянской факторіи, не имѣю права сдѣлать какихъ либо распоряженій по этому предписанію и не могу выходить изъ той нормы по снабженію экспедиціи запасами и товарами,

какая опредѣлена правленіемъ. Нынѣ же, по неприбытіи еще изъ колоніи въ Аянъ судна, ничего не могу вамъ отпустить съ корветомъ «Оливуца» и долгомъ своимъ считаю предуприредить, что въ нынѣшнемъ году едва-ли буду имѣть возможность снабдить экспедицію и тѣмъ даже количествомъ запасовъ и товаровъ, которое прежде было опредѣлено правительствомъ».

«Получивъ всѣ эти предписанія, увѣдомленія и донесенія,— говоритъ Невельской.—я окончательно убѣдился, что если не дѣйствовать энергично, то вся экспедиція можетъ умереть голодной смертью. Казеннаго продовольствія имѣлось только до 1-го октября, сахара и чая оставалось до 1-го августа, а бѣлой муки и совсѣмъ не было». Невельской поэтому предписалъ командиру корвета «Оливуца», оставивъ въ экспедиціи мичмановъ Разградскаго и Петрова и 10 человѣкъ команды, немедленно слѣдовать въ Аянъ и требовать отъ Каневарова исполненія слѣдующаго предписанія: «На корветѣ «Оливуца» немедленно отправить въ Петровское муки, крупы, соли, разныхъ запасовъ и товаровъ, какіе только найдутся въ Аянѣ, имѣя въ виду, что въ случаѣ нужды, Аянскій портъ можетъ быть снабженъ изъ Якутска. По приходѣ въ Аянъ компанейскаго судна, все остальное, по моему требованію, отправить на ономъ въ Петровское. Прилагаемое при этомъ донесеніе мое генералъ-губернатору немедленно отправить съ нарочнымъ».

Изложивъ въ своемъ донесеніи, о важности достигнутыхъ уже экспедиціей результатовъ, Невельской снова представлялъ генералъ-губернатору, въ какое критическое положеніе ставится экспедиція распоряженіями главнаго правленія компаніи, несмотря на ея торжественное увѣреніе, что «она готова помогать экспедиціи въ достиженіи важной государственной цѣли». Въ заключеніе Невельской писалъ:

«Послѣ всего этого остаюсь увѣреннымъ, что, при ходатайствѣ Вашего Превосходительства передъ Государемъ Императоромъ, экспедиція моя поставится въ самостоятельное и надлежащее положеніе и ей дадутся средства, о которыхъ я уже имѣлъ честь представлять Вашему Превосходительству.

Тогда только согласно упомянутому плану моему, я буду въ состояніи прочно водвориться въ этомъ краѣ и фактически заявить Китаю и иностранцамъ о принадлежности его къ Россіи».

Корветъ «Оливуца» возвратился изъ Аяна въ Петровское 28-го іюля лишь съ незначительнымъ количествомъ запасовъ и товаровъ, причемъ Кашеваровъ увѣдомлялъ Невельского, что до прибытія еще компанейскаго судна онъ больше прислать не могъ. Съ этимъ рейсомъ «Оливуцы» въ Петровское прибыли для службы въ экспедиціи мичмана Петровъ и Разградскій.

Отправляя корветъ обратно въ Аянъ, Невельской послалъ на немъ мичмана Чихачева, поручивъ ему объяснить Кашеварову о необходимости снабдить экспедицію запасами и товарами, а затѣмъ Чихачевъ долженъ былъ слѣдовать сухимъ путемъ въ Иркутскъ, чтобы представить генералъ-губернатору подробный отчетъ объ обстоятельствахъ, встрѣчаемыхъ на мѣстѣ и необходимости рѣшительныхъ дѣйствій.

Въ частномъ письмѣ Н. Н. Муравьеву Невельской между прочимъ писалъ: «Посланный къ Вамъ Н. М. Чихачевъ съ подробными объясненіями о необходимости представляемыхъ мною рѣшительныхъ здѣсь дѣйствій и состоятельства, изложенныя въ предшествовавшемъ и настоящемъ донесеніи моемъ, даетъ всѣмъ намъ надежду, что при ходатайствѣ Вашего Превосходительства, обратятъ наконецъ на этотъ край серьезное вниманіе, а равно и на насъ, горсть людей, какъ-бы забытую всѣми и брошенную въ жертву пустынѣ. Не теряю надежды, что мнѣ дадутъ надлежащія разрѣшенія, не къ паліативнымъ, вреднымъ и гибельнымъ для края дѣйствіямъ, а къ дѣйствіямъ рѣшительнымъ, вызываемымъ важными обстоятельствами, встрѣчаемыми на мѣстѣ, и сообразно съ этимъ дадутъ наконецъ средства для достиженія важной государственной цѣли, которую неуклонно преслѣдуетъ ввѣренная мнѣ экспедиція, не страшась ни тяжкой отвѣтственности, ни опасностей, ни лишеній. Только эта надежда одушевляетъ меня и моихъ неутомимыхъ благородныхъ сотрудниковъ, которые съ твердостью духа и уповая на Всевышняго Творца переносили всѣ трудности и опасности; но всему на свѣтѣ есть предѣлъ, переступать который не слѣдуетъ .

Въ концѣ сентября пришелъ наконецъ изъ Аяна компанейскій корабль, но на немъ было доставлено для экспедиціи лишь крайне ограниченное количество запасовъ; по заявленію Кашеварова онъ и это посылалъ на свой страхъ, такъ какъ самъ получилъ очень мало. При такихъ условіяхъ Невельской вынужденъ былъ все имѣвшееся у него количество провизіи раздѣлить по числу лицъ, находившихся въ экспедиціи, а между тѣмъ отъ плохого питанія, при исключительно тяжелыхъ работахъ, въ командѣ появились болѣзни и особенно скорбутныя, тогда какъ почти никакихъ медикаментовъ не было прислано. Наступившая холодная зима еще болѣе усиливала эти болѣзни, и къ 1-му декабря трое сдѣлались ея жертвою. Только къ исходу ноября команды могли перебраться въ Николаевскъ, гдѣ помѣщенія были хотя сырыя, но болѣе просторныя.

Не надѣясь получить въ навигацію 1852 года какія-либо средства для сообщенія по рѣкѣ и наблюденія за иностранными судами, Невельской въ половинѣ апрѣля заложилъ въ Петровскѣ, по составленнымъ имъ чертежамъ, палубный ботикъ длиною 30 футъ и шестивесельный баркасъ, которые и были спущены 22-го іюня.

Назначивъ мичмана Петрова начальникомъ Николаевскаго поста, Невельской всѣхъ остальныхъ членовъ экспедиціи послалъ въ новыя командировки: въ При-Амгуньскій край, на Амуръ къ устью Сунгари, на озеро Кизи, въ заливъ де-Кастри, въ Амурскій лиманъ и на островъ Сахалинъ.

Не вдаваясь въ изложеніе подробностей о путяхъ слѣдованія каждой изъ этихъ экспедицій, достаточно сказать, что онѣ сопровождались все тѣми-же тяжелыми условіями и имѣли главной цѣлью укрѣпить русскую власть въ Приамурскомъ краѣ. Во многихъ селеніяхъ по берегамъ Амура и въ заливѣ де-Кастри были назначены старшины изъ туземцевъ, причемъ было объявлено, что всѣхъ инородцевъ по берегу Амура до хинганскихъ горъ и по Уссури русское правительство беретъ подъ свою защиту, такъ какъ эта страна принадлежитъ Россіи.

Поднявшись по Амуру до устья Сунгари и встрѣчая вездѣ радушное отношеніе гольдовъ, мичманъ Разградскій собралъ свѣдѣнія о теченіи этой рѣки и о путяхъ, ведущихъ отъ нея къ морскому берегу. Одновременно лейтенантъ Бошнякъ обошелъ съ проводниками огромную область въ при-амгуньскомъ краѣ. Поднявшись до главнаго истока рѣки Амгуни и продолжая путь вдоль хинганскаго хребта въ южномъ направленіи, онъ достигъ истока рѣки Горинъ. Все время опредѣляя широты пунктовъ, онъ собралъ отъ инородцевъ точныя свѣдѣнія о направленіи хинганскаго хребта, которыя далеко не сходились съ тѣми данными, какія ранѣе обозначались на картахъ.

Путь между истоками Амгуни и Горина на протяженіи болѣе 180 верстъ, по словамъ Бошняка, «былъ ужасно затруднителенъ и утомителенъ: мы по всему этому пустынному и дикому пути, гдѣ до насъ не проходилъ ни одинъ европеецъ, или нѣкикомъ на лыжахъ, но колѣни въ рыхломъ снѣгу, и прокладывали дорогу тянувшимся за нами съ провизіей и кормомъ для собакъ нартамъ. Мы прошли его въ 10 сутокъ и въ продолженіи всего этого времени имѣли постель [illegible] подъ открытымъ небомъ, при морозѣ достигавшемъ болѣе 30 гр. по Реомюру».

Результатомъ экспедиціи на Сахалинъ подпор. Воронина было полученіе подробныхъ свѣдѣній о заливахъ Дуэ и Віахту, объ условіяхъ разработки каменнаго угля и о мѣстахъ, удобныхъ на островѣ для основанія русскихъ поселеній; понутно было опредѣлено нѣсколько новыхъ астрономическихъ пунктовъ.

Посланный для изслѣдованія Амурскаго лимана подпоручикъ Орловъ донесъ, что изъ нѣсколькихъ попытокъ, сдѣланныхъ имъ для опредѣленія лиманскихъ фарватеровъ, онъ убѣдился, что безъ надлежащихъ паровыхъ средствъ достигнуть этой цѣли невозможно.

Въ началѣ ноября съ почтою, отправленною въ Аянъ, Невельской доносилъ генералъ-губернатору о сдѣланныхъ уже изъ приготовленіяхъ, чтобы къ веснѣ 1853 года окончательно

занять постами заливъ де-Кастри и сосѣдственное съ нимъ селеніе Кизи на Амурѣ, какъ первоначальные и опорные пункты, изъ которыхъ, по мѣрѣ имѣющихся и ожидаемыхъ средствъ, начать изслѣдованія рѣкъ Амура и Уссури и прибрежій Татарскаго пролива до Корейской границы, а также о своемъ намѣреніи въ ту же навигацію занять военнымъ постомъ заливъ Уанды на Сахалинѣ. Вмѣстѣ съ этимъ Невельской докладывалъ о положительной невозможности, безъ присылки въ экспедицію надлежащаго судна съ паровымъ двигателемъ, опредѣлить лиманскіе фарватеры.

Между тѣмъ, 1-го декабря 1852 года, Невельской получилъ отъ генералъ-губернатора предписаніе, еще отъ 28 іюля, къ которому было приложено Высочайшее повелѣніе, объявленное Муравьеву въ письмѣ начальника главнаго морского штаба. Вотъ, что писалъ князь Меньшиковъ Н. Н. Муравьеву: «Содержаніе отношенія Вашего ко мнѣ, отъ 28 апрѣля, послѣдовавшаго вслѣдствіе донесенія Вамъ начальника амурской экспедиціи, капитана 1 ранга Невельского, я имѣлъ счастіе докладывать Государю Императору. Его Величество, вслѣдствіе объясненія канцлера графа Нессельроде, остается при желаніи соблюдать крайнюю осторожность и неспѣшность при установленіи мирныхъ и прочныхъ сношеній нашихъ съ гиляками и другими племенами, обитающими только лишь около устья Амура, о чемъ было уже сообщено Вамъ графомъ Нессельроде. Нынѣ и мнѣ поручено повторить Вамъ, чтобы неспѣшность и осторожность были на первомъ планѣ. Государь Императоръ поэтому не изволилъ утвердить занятіе селенія Кизи, лежащаго на правомъ берегу р. Амуръ и залива де-Кастри, а также отправленія экспедиціи для изслѣдованія Татарскаго прибрежья и рѣкъ Амуръ и Уссури».

Препровождая это Высочайшее повелѣніе къ точному и непремѣнному руководству, генералъ-губернаторъ со своей стороны напоминалъ Невельскому, что граница наша съ Китаемъ должна идти по лѣвому берегу Амура и что главный нашъ портъ на востокѣ долженъ быть Петропавловскъ.

По поводу этого предписанія Невельской въ своихъ запискахъ говоритъ: «Таковы были повелѣнія, данныя мнѣ въ то

время. Ясно, что въ Петербургѣ чего-то опасались, а въ Иркутскѣ придавали главное значеніе на отдаленномъ нашемъ востокѣ Петропавловску; важнѣйшіе же вопросы какъ пограничный и въ особенности вопросъ морской, обусловливавшій важное значеніе для Россіи этого края въ политическомъ отношеніи,—вопросы, къ разрѣшенію которыхъ напрягала всѣ усилія амурская экспедиція, были какъ въ С.-Петербургѣ, такъ равно и въ Иркутскѣ совершенно упущены изъ вида. На моей совѣсти лежало навести на нихъ высшее правительство, а чтобы достигнуть этого, надобно было дѣйствовать рѣшительно, т. е. несогласно съ инструкціями, которыя не соотвѣтствовали ни этой главной цѣли, ни мѣстнымъ, встрѣчаемымъ нами, обстоятельствамъ, ни положенію и состоянію края и его обитателей. Весьма естественно, что на подобныя распоряженія я не могъ ничего отвѣчать, кромѣ того, что *предписаніе получилъ и дѣйствую такъ-то*».

Въ отвѣтъ и на это предписаніе генералъ-губернатора Невельской, представляя копіи съ инструкцій, данныхъ имъ Бошняку и Разградскому, донесилъ Н. Н. Муравьеву о своемъ непремѣнномъ намѣреніи занять въ февралѣ 1853 года селеніе Кизи и заливъ де-Кастри и послать оттуда офицера изслѣдовать берегъ къ югу, въ видахъ отысканія на немъ удобной гавани, для наблюденія за приходящими съ ранней весной въ Татарскій проливъ иностранными судами.

Сообщая генералъ-губернатору о сдѣланномъ имъ объявленіи иностраннымъ судамъ относительно принадлежности этого края, до Китайской границы, Россіи, Невельской въ заключеніе писалъ: «Только этими рѣшительными мѣрами, при ничтожныхъ у насъ здѣсь средствахъ, представляется возможность отстранить могущія быть на этотъ край покушенія. Здѣсь нѣтъ и быть не можетъ какихъ-либо земель или владѣній гиляковъ и т. п. дикихъ народовъ въ томъ территоріальномъ и отечественномъ смыслѣ, какъ то понимается между образованными націями. Эти народы не имѣютъ ни малѣйшаго понятія о территоріальномъ разграниченіи».

«Я очень хорошо понималъ, — говоритъ Невельской, — что подобное распоряженіе съ моей стороны въ высшей степени

дерзко и отчаянно и что оно можетъ повлечь за собою величайшую отвѣтственность, но, въ виду того, что только рѣшительными мѣрами представляется возможность разъяснить правительству важное значеніе для Россіи При-Амурскаго и При-Уссурійскаго бассейновъ, рѣшился дѣйствовать энергично; личные расчеты и опасенія я считалъ не только неумѣстными, но даже преступными. Всѣ мои сотрудники, одушевленные моею рѣшительностью, готовы были на всѣ лишенія, трудности и опасности, которыя намъ готовилъ новый 1853 годъ».

По этому же поводу, Невельской, въ другомъ мѣстѣ своихъ записокъ, говоритъ: «При такомъ то положеніи намъ приходилось дѣйствовать и брать на себя всю отвѣтственность, каковую, какъ мы видѣли, не рѣшался взять на себя и генералъ-губернаторъ. Если бы еще при этомъ случилось намъ потерять часть команды или возбудить непріятныя столкновенія, чего можно было ожидать каждую минуту, то не трудно себѣ представить, какъ бы мы жестоко поплатились за смѣлые подвиги. Между тѣмъ мы не только не были обезпечены матеріально, но даже лишены единственной отрады для души—храма Божія; намъ отказали даже въ священникѣ. Въ 1852 году мы были какъ бы всѣми забыты и отданы въ жертву случайностямъ и голодной смерти. Поэтому всякій можетъ судить, каково было тогда наше положеніе. Особенно тяжело было бѣдной женѣ моей, раздѣлявшей наравнѣ со всѣми всѣ трудности, опасности и лишенія и имѣвшей больного ребенка. Мнѣ, какъ отцу и начальнику, на которомъ за всѣхъ и за все лежала полная отвѣтственность предъ Богомъ и отечествомъ, конечно, было тяжелѣе всѣхъ. Надежда на милость Всевышняго Творца и убѣжденіе, что дѣйствія наши клонятся къ благу отечества, единственно поддерживала въ насъ крѣпость духа, энергію и отвагу, столь необходимыя при такихъ обстоятельствахъ».

Несмотря на всѣ старанія доктора Орлова, скорбутныя болѣзни въ Николаевскомъ держались упорно; треть команды была больна, хотя значительной смертности не было, благодаря отчасти тому, что отъ туземцевъ получалась свѣжая рыба, иногда оленина, просо, водка и чай. Большую помощь

туземцы оказывали еще и тѣмъ, что ухаживали за больными, снабжали ихъ черемшей и другими кореньями, цѣлебными при этой болѣзни.

«Къ наступавшему новому 1853 году,—говоритъ Невельской,—подобно какъ и къ предшествовавшему, всѣ мои благородные сотрудники были въ сборѣ, чтобы встрѣтить этотъ годъ, какъ бы въ одной родной семьѣ». Между тѣмъ въ самомъ началѣ января, Невельской началъ снаряжать новыя экспедиціи. Первыми отправились мичмана Петровъ и Разградскій и приказчикъ Березинъ, съ главной цѣлью сдѣлать приготовленія къ занятію залива де-Кастри и селенія Кизи, а въ началѣ февраля въ заливъ де-Кастри былъ посланъ лейтенантъ Бошнякъ, съ тѣмъ, чтобы основать тамъ военный постъ и съ открытіемъ навигаціи пробраться въ заливъ Хаджи (*). Одновременно Невельской распорядился, чтобы со вскрытіемъ Амура, штурм. поднор. Воронинъ, вмѣстѣ съ мичманомъ Разградскимъ, на шести-весельномъ баркасѣ и четверкѣ, отправились въ лиманъ, чтобы сдѣлать послѣднюю попытку, съ этими ничтожными средствами, опредѣлить направленіе и состояніе амурскихъ фарватеровъ.

Съ зимней почтой изъ Ляпа Невельской получилъ отъ генералъ-губернатора увѣдомленіе о томъ, что Государь Императоръ повелѣлъ возмѣстить рос.-америк. компаніи всѣ убытки понесенныя ею при потопленіи барка «Шелеховъ», (36 000 р.) и назначить 100 000 руб. на вознагражденіе компаніи «за убытки, которые она можетъ понести по установленію правительствомъ сношеній съ гиляками и за дальнѣйшія дѣйствія въ землѣ гиляковъ». Вмѣстѣ съ этимъ управляющій морскимъ Министерствомъ, великій князь Константинъ Николаевичъ, извѣщалъ генералъ-губернатора, что въ случаѣ какихъ-либо особыхъ надобностей для экспедиціи расходы на нихъ относились на этотъ же капиталъ.

Другимъ предписаніемъ генералъ-губернаторъ увѣдомлялъ Невельскаго, что вслѣдствіе его представленія, онъ повто-

(*) Императорская гавань.

ряетъ Камчатскому губернатору и начальнику Аянскаго порта, чтобы впредь въ экспедицію назначали людей здоровыхъ и хорошаго поведенія, чтобы всѣ суда, назначаемыя къ плаванію между Петропавловскомъ и Аяномъ, совершали не одинъ, а два рейса, съ заходомъ каждый разъ въ Петровское, чтобы командиры судовъ всѣ требованія Невельского исполняли въ точности и безъ отговорокъ и чтобы всѣ предметы, необходимые для экспедиціи, доставлялись по требованіямъ Невельского на компанейскихъ судахъ своевременно.

Съ этою же почтою, главное правленіе россійско-американской компаніи увѣдомляло Невельского, что имъ сдѣлано распоряженіе о доставленіи въ экспедицію черезъ Аянъ 16-ти сильнаго парового катера, двухъ гребныхъ судовъ, двухъ рыболововъ съ надлежащими снастями, а также и всѣхъ запасовъ, согласно требованію Невельского.

«Эти бумаги,—говоритъ Невельской,—показывали уже, что правительство начало, наконецъ, обращать на экспедицію больше вниманія».

Въ концѣ февраля съ отходящей чрезъ Аянъ почтой Невельской послалъ генералъ-губернатору донесеніе, въ которомъ, сообщая о данныхъ имъ инструкціяхъ Бошняку, Петрову и Разградскому, указывалъ на цѣль этихъ командировокъ и на причины, побудившія его спѣшить занятіемъ залива де-Кастри и селенія Кизи, и въ заключеніе писалъ:

«Изъ этого Ваше Превосходительство изволите видѣть, что заливъ де-Кастри и селеніе Кизи нынѣ занимаются и что изъ залива, съ открытіемъ навигаціи, начнутся обслѣдованія берега къ югу, въ видахъ разрѣшенія морского вопроса, обусловливающаго важное значеніе для Россіи этого края. Вмѣстѣ съ тѣмъ примутся мѣры къ возможному отстраненію всякихъ иностранныхъ покушеній на край съ моря. За симъ, въ виду полученнаго нынѣ Высочайшаго повелѣнія, мнѣ остается надѣяться, что при ходатайствѣ Вашего Превосходительства высшее правительство утвердитъ упомянутыя распоряженія мои и дастъ экспедиціи надлежащія средства, согласно моимъ представленіямъ, для фактическаго заявленія,

что При-Амурскій и При-Уссурійскій край, съ островомъ Сахалинъ составляютъ принадлежность Россіи».

Вслѣдъ за отправленіемъ почты Невельской получилъ изъ де-Кастри отъ лейтенанта Бошняка донесеніе, что 4-го марта онъ созвалъ туземцевъ и, съ поднятіемъ военнаго флага, занялъ заливъ де-Кастри. Одновременно, приказчикъ Березинъ водворился въ селеніи Котово, на озерѣ Кизи и началъ тамъ расторжку съ гиляками.

Донесеніемъ своимъ Невельскому, отъ половины апрѣля, Бошнякъ сообщалъ: «12-го апрѣля мы перебрались во вновь выстроенную, покрытую хворостомъ избушку. Это помѣщеніе, послѣ бивуачной жизни то въ грязныхъ юртахъ туземцевъ, то на голомъ снѣгу, показалось для насъ раемъ. Въ сдѣланномъ нами въ этой избушкѣ изъ глины каминѣ мы поддерживаемъ огонь, дабы не заводилось сырости. Продовольствія при постѣ, съ полученіемъ отъ Березина и затѣмъ отъ Разградскаго муки, сухарей, сахару и чаю достаточно, я полагаю, на два мѣсяца. Сухари мы бережемъ для похода, а вмѣсто хлѣба и пирожнаго печемъ у камина (единственной у насъ печи) лепешки на рыбьемъ жирѣ съ рябчи[illegible] уху, а иногда и щи; обѣдаемъ и пьемъ чай всѣ вмѣстѣ. Для подкрѣпленія команды я каждый день даю ей по 2 чарки маньчжурской водки (очень скверной), доставляемой намъ Березинымъ изъ Кизи. Мы пріобрѣли отъ купцовъ лодку въ 20 футъ длины и 5 футъ ширины; теперь готовимъ ее къ походу: смолимъ, конопатимъ и возвышаемъ борта... Такова наша жизнь и занятія. Всей команды при постѣ въ настоящее время 3 казака и тунгусъ. Мы всѣ здоровы и, благодаря Бога, бодры».

Здѣсь будетъ интересно привести краткія выдержки изъ статьи лейтенанта Бошняка о томъ, какъ водворялись первые русскіе люди въ заливѣ де-Кастри (*):

«Съ начала февраля я началъ готовиться въ путь. Со мною отправились три парты, съ каюрами казаками Парфентьевымъ и Бѣлохвостовымъ и якутомъ Масѣевымъ, говорившимъ по-

(*) М. С. 1859 г. № 3.

манджурски и служившимъ мнѣ переводчикомъ. 15-го февраля я тронулся въ путь и 5-го марта прибылъ въ де-Кастри, гдѣ нашелъ шалашъ изъ корья полный снѣга. Снѣгъ выгребли, щели заткнули травой добытой изъ-подъ снѣга и обернувъ шалашъ палаткой, мы разостлали наши медвѣжины, развели огонь, и растопивъ въ чайникѣ ледъ, мы напились чаю и завернувшись въ шубы и дохи, крѣпко заснули въ первый разъ на берегу этого залива. Мѣсяцъ ровно этотъ убогій шалашъ, семи шаговъ въ окружности, служилъ помѣщеніемъ для меня и моихъ спутниковъ».

«На озерѣ Кизи я купилъ лодку, перетащилъ ее въ де-Кастри и принялся за постройку домика. Казаки рубили лѣсъ и строили изъ него срубы, а я самъ, какъ работникъ менѣе дюжій, носилъ съ деревьевъ бѣлый мохъ для прокладки пазовъ. Къ 5-му апрѣля домикъ, наконецъ, поспѣлъ. Разумѣется, въ немъ не было ни рамъ, ни стеколъ, даже ни одного гвоздя. Полъ и потолокъ бревенчатый: вмѣсто печи— якутскій чувалъ, съ особымъ устройствомъ для печенія хлѣба; маленькій столъ изъ обтесанныхъ плахъ, нары изъ бревешекъ и такія же полки, для товаровъ,—вотъ вся обстановка нашей хижины. Но вотъ наступила Святая недѣля. Въ русскомъ домикѣ нельзя же было встрѣтить ее безъ торжества;— начали придумывать и придумали. Въ сложенной каменкѣ казакъ Бѣлохвостовъ приготовилъ куличи и шарики изъ тѣста, на подобіе яицъ. Сварили кофе и чай; вмѣсто сыра явилось якутское масло, тоже что русское, предварительно вымытое. Лавки и нары покрылись фланелью; на каждое изъ отверстій, служившихъ намъ вмѣсто оконъ поставили по два стеариновыхъ огарка, а въ дверяхъ, на воткнутыхъ палкахъ зажгли двѣ сальныя свѣчи. Сдѣланный нами деревянный крестъ и мой образъ Сергія Чудотворца, составляли нашъ кіотъ. Пять восковыхъ свѣчей у куличей и столько же у кіота довершали освѣщеніе. Молитвенника у насъ не было, я написалъ на листѣ почтовой бумаги всѣ воскресныя молитвы, какія помнилъ наизусть, послѣ чего спокойно ожидали 12-го часа. Пробовали было спѣваться, но хоръ нашъ рѣшительно никуда не годился. Наконецъ, наступилъ ожидаемый

часъ. Я прочиталъ молитвы, послѣ чего съ пѣніемъ Христосъ Воскресе, со свѣчами въ рукахъ, обошли три раза кругомъ домика и похристосовались,—снова вышли на улицу и сдѣлали залпъ изъ ружей, страшно перепугавшій туземцевъ. Послѣ этой церемоніи принялись за импровизированное розговѣнье и такъ встрѣтили Пасху; купленная же мною у манджуровъ водка доставила два веселыхъ дня моимъ сотрудникамъ и товарищамъ».

«По прибытіи моемъ въ де-Кастри, я нашелъ заливъ покрытый льдомъ. 18-го марта во внѣшней части залива ледъ стало ломать, а къ 28-му апрѣля ледъ лежалъ только на отмеляхъ и заливъ былъ открытъ для плаванія. Пора было собираться въ путь въ заливъ Хаджи. Я принялся за исправленіе лодки; сдѣлали мачту, изъ двухъ монхъ простынь сшили парусъ, и 2-го мая, я съ двумя казаками и якутомъ вышелъ изъ залива де-Кастри».

Лейтенантъ Бошнякъ подробно описываетъ свое плаваніе на этой лодкѣ, вдоль совершенно неизвѣстнаго тогда Татарскаго пролива (*), но здѣсь приходится ограничиться лишь краткимъ упоминаніемъ, что на своемъ пути онъ обошелъ и описалъ глазомѣрно нѣсколько небольшихъ бухтъ, пользуясь каждымъ случаемъ, чтобы собрать свѣдѣнія о свойствѣ береговъ, о рѣкахъ, впадающихъ въ море, зимнихъ путяхъ туземцевъ и о характерѣ и образѣ жизни прибрежныхъ жителей, которые точно также оказались совершенно независимыми и не признающими надъ собой никакой власти. Отъ туземцевъ селенія Хаджи Бошнякъ получилъ первыя подробныя свѣдѣнія о рѣкѣ Суйфунъ и о существованіи большого числа незамерзающихъ заливовъ, при впаденіи этой рѣки въ море.

Окончательную цѣль своего плаванія, приходъ въ заливъ Хаджи, Бошнякъ описываетъ въ такихъ выраженіяхъ: «23-го мая мы благополучно вошли въ обширную совершенно закрытую бухту. Передъ нами тянулась широкая масса воды, совершенно тихой и гладкой какъ зеркало. Густой лѣсъ окаймлялъ эту прекрасную водяную ленту. Я скомандовалъ

(*) См. «Морск. Сборн.» 1859. № 3.

шапки долой и усердно перекрестился. И было отчего. Дурная погода слишкомъ замедлила наше плаваніе — и, находясь въ 180 миляхъ отъ залива де-Кастри, гдѣ осталась вся наша запасная провизія, мы имѣли въ сумѣ только сухарную пыль, немного чаю и сахару; больше ничего».

«Со слѣдующаго дня мы принялись за глазомѣрную опись залива, единственную, какую при маленькомъ ручномъ компасѣ и секстанѣ я могъ предпринять. Окончивъ опись мы водрузили на мысу той бухты, гдѣ сдѣлали привалъ, крестъ съ надписью на доскѣ: «Гавань Императора Николая, открыта и глазомѣрно описана лейтенантомъ Бошнякомъ 23 мая 1853 г. на туземной лодкѣ, со спутниками казаками Семеномъ Парфентьевымъ, Кирилломъ Бѣлохвостовымъ и амгинскимъ крестьяниномъ Иваномъ Масѣевымъ».

Собравъ на берегу всѣхъ туземцевъ (*) Бошнякъ объявилъ имъ, что такъ какъ вся страна до Корейской границы русская, то всѣ жители, въ ней обитающіе, поступаютъ подъ защиту и покровительство Россіи; при этомъ онъ передалъ имъ объявленіе Невельского на русскомъ, нѣмецкомъ и французскомъ языкахъ, съ приказаніемъ предъявлять его каждому судну, которое они встрѣтятъ, а тѣмъ болѣе которое придетъ въ гавань.

30-го мая Бошнякъ вышелъ изъ залива и направился въ обратный путь къ сѣверу. Такъ какъ провизіи оставалось мало, то шесть дней пришлось питаться рыбою и ягодами; 8-го іюня онъ прибылъ въ де-Кастри, а 14-го больной въ Николаевскъ.

«Результаты открытій и изслѣдованій К. И. Бошняка.— говоритъ Невельской были очень важны. Онъ былъ первый изъ европейцевъ, который далъ свѣту точное понятіе о сѣверномъ берегѣ Татарскаго залива и обнаружилъ невѣрность этой части берега на картѣ Крузенштерна; онъ открылъ на этомъ берегу одну изъ превосходнѣйшихъ и обширнѣйшихъ гаваней въ свѣтѣ и узналъ, что тамъ находится еще нѣсколько гава-

(*) Всѣхъ жителей на берегахъ залива Хаджи въ то время было въ десяти юртахъ до 50 человѣкъ, а по морскому берегу между этимъ заливомъ и де-Кастри около 150 челов. обоего пола.

ней, чѣмъ разрушилъ сложившееся до этого времени мнѣніе, выразившееся и на картѣ Крузенштерна, что будто-бы на всемъ пространствѣ этого берега, отъ залива де-Кастри до Корейской границы, нѣтъ не только ни одной гавани, но даже какой-либо бухты, сколько-нибудь удобной для якорной стоянки. Наконецъ, онъ разрѣшилъ окончательно весьма важный вопросъ, именно: что жители, обитающіе на этомъ берегу, никогда зависимы не были и китайской власти не признавали».

Что касается командировки подпор. Воронина и мичмана Разградскаго въ устье Амура, съ цѣлью найти по серединѣ лимана фарватеръ съ бо́льшей глубиной, нежели на открытомъ въ 1849 году прибрежномъ фарватерѣ, то, несмотря на всѣ старанія этихъ офицеровъ, они могли прослѣдить лишь очень малую часть канала, такъ какъ, при свѣжихъ южныхъ вѣтрахъ и сулоѣ, шлюпки заливало и приходилось съ большимъ трудомъ и опасностью спѣшить укрываться у берега. Поэтому оба они пришли къ убѣжденію, что безъ мореходнаго парового судна, съ необходимыми средствами, обслѣдованіе средней части Амурскаго лимана рѣшительно невозможно.

Предписаніемъ отъ половины мая 1853 года великій князь Константинъ Николаевичъ извѣщалъ Невельского, что правительство Сѣверо-Американскихъ штатовъ, снаряжая ученую экспедицію для обозрѣнія береговъ Тихаго океана до Берингова пролива, просило дружелюбнаго вниманія и содѣйствія этой экспедиціи въ случаѣ, если бы ихъ суда зашли въ предѣлы нашихъ владѣній на Азіатскомъ берегу. Поэтому начальствующимъ лицамъ въ нашихъ тамъ владѣніяхъ, по высочайшему повелѣнію, предписывалось, «оказывать экспедиціи дружественное вниманіе и привѣтливость, въ должныхъ границахъ благоразумія и осторожности».

Извѣщая Невельского объ этомъ Высочайшемъ повелѣніи, августѣйшій управляющій Морскимъ Министерствомъ подтверждалъ, чтобы, при сношеніяхъ съ начальниками и экипажами американскихъ судовъ, онъ оказывалъ имъ все вниманіе и привѣтливость дружественной націи, какія обыкновенно соблюдаются союзными державами, но постоянно имѣя въ виду

«честь русскаго флага, достоинство нашей Имперіи, мирно водворяемую нами въ краяхъ, гдѣ вы находитесь, власть и въ виду этого необходимую проницательность».

Около этого же времени Невельской получилъ отъ Бошняка записку такого содержанія: «Въ заливѣ Хой я нашелъ стоявшее на верфѣ китобойное судно, шкиперъ котораго (родомъ изъ Бремена) сообщилъ мнѣ, что на Сандвичевыхъ островахъ онъ слышалъ, что американцы нынѣшнимъ лѣтомъ будутъ въ Татарскомъ заливѣ и хотятъ занять бухту для пристанища своихъ китоловныхъ судовъ; насколько это справедливо, не знаю, но я во всякомъ случаѣ буду руководиться даннымъ мнѣ заявленіемъ о принадлежности этихъ мѣстъ до корейской границы, а равно и острова Сахалина, Россіи, что объявилъ и этому шкиперу».

Никакіе американцы къ нашимъ берегамъ не приходили, но полученіе по этому поводу предписанія великаго князя, одновременно со свѣдѣніями доставленными Бошнякомъ, послужили Невельскому основаніемъ къ тому, чтобы еще болѣе зорко слѣдить за приходящими къ нашимъ берегамъ иностранными судами. Онъ немедленно послалъ въ заливъ де-Кастри, только что вернувшагося изъ командировки въ Амурскій лиманъ, мичмана Разградскаго, снабдивъ его надлежащими инструкціями.

Въ концѣ мая 1853 года, Невельской могъ наконецъ убѣдиться, что его неотступныя ходатайства о томъ, чтобы правительство обратило вниманіе на Амурскую экспедицію, не остались гласомъ вопіющаго въ Ири-Амурской пустынѣ. Съ почтою отъ 2-го марта, Невельской получилъ Высочайшую награду, орденъ Св. Анны 2 ст. съ короною, при предписаніи генералъ-губернатора Муравьева, такого содержанія:

«Въ виду важности результатовъ Вашихъ дѣйствій, Государь Императоръ, по представленію моему, Высочайше удостоилъ Васъ наградить за оныя, и вмѣстѣ съ тѣмъ, утвердить штатъ ввѣренной Вамъ экспедиціи, составленной на основаніи донесеній Вашихъ» (*).

(*) По штату въ амурской экспедиціи полагалось:

Начальникъ экспедиціи, на правахъ губернатора или областного начальника.

Согласно этого штата, генералъ-губернаторъ предписывалъ Невельскому:

а. Всѣхъ чиновъ экспедиціи зачислить въ штатъ.

б. Время къ пенсіону офицерамъ считать съ 29 іюня 1850 года, т. е. со дня основанія Петровскаго зимовья.

в. Главнымъ пунктомъ экспедиціи назначить Николаевскъ.

г. Командиромъ морской роты и помощникомъ начальника экспедиціи назначить капитанъ-лейтенанта Бачманова.

Отвѣчая на эти предписанія, Невельской послалъ генералъ-губернатору отчеты объ изслѣдованіяхъ Бошняка, Разградскаго, Петрова и Воронина и при этомъ доносилъ о сдѣланныхъ имъ распоряженіяхъ и о тѣхъ, которыя онъ разсчитывалъ привести въ исполненіе по прибытіи въ Петровское перваго военнаго судна, и въ заключеніе писалъ:

«Немедленное занятіе Императорской Гавани, какъ гавани на прибрежьи Татарскаго залива, находящейся посрединѣ между лиманомъ и Корейской границей, весьма важно. Кромѣ того слѣдуетъ занять еще одну бухту на западномъ берегу острова Сахалина и выслать въ крейсерство въ Татарскомъ заливѣ военное судно. Все это крайне необходимо [illegible] въ виду ожидаемаго прибытія въ этотъ заливъ американской экспедиціи, а во вторыхъ, для подкрѣпленія постовъ въ де-Кастри и Кизи. Только этими дѣйствіями мы фактически можемъ заявить американцамъ и всѣмъ иностранцамъ о принадлежности этого края Россіи и тѣмъ отстранить всякія на него съ ихъ стороны покушенія».

«Изъ моего донесенія Ваше Превосходительство изволите усмотрѣть, что развитіе главнаго морского вопроса подвигается успѣшно; несмотря на ничтожество средствъ, мы принимаемъ мѣры къ огражденію этого края отъ всякихъ на

Рота флотскихъ нижнихъ чиновъ, откомандированная изъ камчатскаго экипажа, въ составѣ 240 человѣкъ, при одномъ штабъ-офицерѣ, командирѣ роты, и шести оберъ-офицерахъ. Сотня конныхъ казаковъ и взводъ горной артиллеріи при четырехъ офицерахъ. Священникъ, докторъ, правитель канцеляріи, съ двумя помощниками, три писаря и содержатель имущества.

Состоящимъ въ экспедиціи офицерамъ назначались пенсіи за пятилѣтнюю службу въ томъ размѣрѣ, который былъ опредѣленъ за 10 лѣтъ службы въ Охотскѣ и Камчаткѣ, а для нижнихъ чиновъ служба въ экспедиціи считалась годъ за два.

него покушеній съ моря. Такъ какъ Государь Императоръ по ходатайству Вашему уже обратилъ свое высокое вниманіе на наши работы, то мы надѣемся, что экспедиція наша получитъ, наконецъ, надлежащія средства. Несмотря на всѣ усилія и попытки наши, съ настоящими средствами мы не только не имѣли возможности произвести изслѣдованіе среднихъ лиманскихъ фарватеровъ, которые, по словамъ туземцевъ, болѣе глубоки извѣстныхъ намъ, открытыхъ въ 1849 году фарватеровъ,—мы не имѣли даже возможности съ точностью опредѣлить направленіе этихъ послѣднихъ и оградить ихъ надлежащими знаками, необходимыми для плаванія судовъ по лиману, который, какъ Вамъ извѣстно, имѣетъ сильныя неправильныя теченія и лабиринты банокъ и мелей, такъ что входъ въ рѣку судовъ, сидящихъ въ водѣ до 14-ти футъ, остается доселѣ, по неимѣнію въ экспедиціи средствъ, необезпеченнымъ. На изслѣдованіе лимана и на устройство на немъ мореходныхъ знаковъ, даже при томъ числѣ судовъ, о которомъ я нѣсколько разъ представлялъ Вашему Превосходительству, потребовалось бы болѣе двухъ лѣтъ, а между тѣмъ, въ штатѣ амурской экспедиціи, нынѣ мнѣ присланномъ, а равно и въ предписаніи Вашемъ не говорится, какое число и какія именно суда должны быть присланы въ экспедицію».

Въ заключеніи этого донесенія Невельской обращалъ вниманіе Н. Н. Муравьева на то, что однимъ только увеличеніемъ численности командъ болѣе чѣмъ въ пять разъ безъ увеличенія средствъ экспедиціи не только нѣтъ возможности достигнуть главной государственной цѣли, преслѣдуемой экспедиціей, но даже нельзя обезпечить самое продовольствіе этихъ командъ, размѣщенныхъ въ нѣсколькихъ постахъ, по прибрежьямъ края, на островѣ Сахалинѣ и по рѣкамъ Амуру и Уссури. Поэтому, и въ виду необходимости произвести изслѣдованіе среднихъ амурскихъ фарватеровъ и оградить ихъ знаками, Невельской еще разъ просилъ генералъ-губернатора исходатайствовать, чтобы въ экспедицію были высланы по крайней мѣрѣ два мореходныя судна, съ винтовымъ двигателемъ, съ осадкою отъ 9 до 13 футъ, съ паровыми баркасами и хотя одинъ большой рѣчной пароходъ.

Если Невельскому приходилось тратить столько времени, труда и энергіи на официальную переписку для доказательства, что опредѣленныя на Амурскую экспедицію средства крайне недостаточны и онъ постоянно встрѣчалъ противодѣйствіе при занятіи имъ каждаго новаго пункта въ низовьяхъ Амура, то съ другой стороны, рос.-америк. компанія, совсѣмъ уже легко, получила отъ правительства право утвердиться на всемъ островѣ Сахалинѣ, который такимъ образомъ былъ признанъ принадлежащимъ Россіи.

11-го іюля 1853 года на Петровскій рейдъ пришелъ транспортъ «Байкалъ», съ которымъ Невельскому было доставлено предписаніе генералъ-губернатора отъ 15-го и 23-го апрѣля съ извѣщеніемъ о состоявшемся относительно острова Сахалина Высочайшемъ повелѣніи, главныя основанія котораго заключались въ слѣдующемъ:

1. Рос.-америк. компаніи вмѣнялось въ обязанность занять островъ Сахалинъ и владѣть имъ на тѣхъ же условіяхъ, на которыхъ она владѣла другими землями, упомянутыми въ ея привилегіяхъ.

2. Для занятія острова и для защиты [illegible] компаніейскихъ учрежденій предписывалось безотлагательно назначить изъ Камчатки не менѣе 100 человѣкъ воинскихъ чиновъ, при офицерахъ, которые, числясь на службѣ компаніи, должны были находиться на полномъ ея иждивеніи.

3. Съ требованіями о назначеніи офицеровъ и нижнихъ чиновъ камчатское начальство должно было обращаться къ генералъ-губернатору, а сей послѣдній исполнять эти требованія безотлагательно.

4. Утверждаясь въ тѣхъ пунктахъ, которые по мѣстнымъ условіямъ оказались бы важнѣйшими, компанія обязывалась съ весны 1854 года имѣть на Сахалинѣ особаго управителя, который въ политическомъ отношеніи долженъ былъ состоять подъ начальствомъ генералъ-губернатора Восточной Сибири. Для первоначальнаго же занятія Сахалина генералъ-губернатору разрѣшалось направить туда людей и средства амурской экспедиціи.

5. Для огражденія береговъ острова и гаваней отъ вторженія инородцевъ, компанія обязывалась содержать доста-

точное число судовъ, но, въ случаѣ военнаго нападенія, войско для защиты требовать отъ правительства.

6. На издержки по этому предпріятію компаніи велѣно было отпустить безвозвратно и безъ всякаго впослѣдствіи расчета 50 000 руб.

Препровождая Невельскому это Высочайшее повелѣніе и предписывая привести его на мѣстѣ въ исполненіе, генералъ-губернаторъ писалъ:

«Согласно Высочайшей волѣ, по соглашенію моему съ главнымъ правленіемъ компаніи, всѣ основанныя Вами въ нынѣшнемъ году учрежденія и чины сахалинской экспедиціи во всѣхъ отношеніяхъ, до прибытія въ 1854 г. правителя на Сахалинъ, будутъ находиться въ Вашемъ вѣдѣніи. При исполненіи же сего важнаго возлагаемаго на Васъ Высочайшаго повелѣнія, нахожу нужнымъ указать Вамъ слѣдующія основанія къ успѣшному исполненію видовъ правительства:

«а) Занять на островѣ Сахалинѣ, два или три пункта на восточномъ или западномъ берегу онаго, но сколько возможно южнѣе.

«б) Находящихся на южной оконечности Сахалина японскихъ рыбаковъ не тревожить и оказывать имъ дружеское расположеніе, увѣряя ихъ, что мы занимаемъ островъ Сахалинъ въ огражденіе онаго отъ внѣшнихъ покушеній иностранцевъ и что подъ нашею защитою они могутъ безопасно продолжать тамъ свой промыселъ и торговлю.

«в) Для защиты острова Сахалина, назначено нынѣ изъ Камчатки 100 человѣкъ и два офицера при нихъ. Для выбора людей и доставленія оныхъ къ Вамъ, я командировалъ состоящаго при мнѣ маіора Буссе. Г-ну Кашеварову я предписалъ отправить въ Петровское приготовленные въ Аянѣ срубы для зимовки людей на Сахалинѣ и одно судно въ Ваше распоряженіе; оно должно оставаться тамъ на зимовку. Относительно команды я послалъ предписаніе г. Завойкѣ и считаю нужнымъ предупредить Васъ, что означенную команду съ двумя офицерами и со всѣми продовольственными запасами, вооруженіемъ и всѣмъ необходимымъ для построекъ, а равно и съ товарами, маіоръ Буссе долженъ доставить Вамъ въ исходѣ

іюля, но никакъ не позже 1-го или 4-го августа, въ Петровское.

«г) Въ случаѣ, если Вы признаете нужнымъ сейчасъ же по полученіи сего занять на Сахалинѣ какой либо пунктъ, до прибытія означенныхъ людей, то это предоставляется сдѣлать по Вашему усмотрѣнію, тѣми средствами, какія имѣются въ ввѣренной Вамъ экспедиціи.

«д) Въ началѣ іюля къ вамъ въ Петровское долженъ прибыть 16-ти сильный пароходъ, купленный компаніею въ Англіи; вѣроятно Вы получите его въ одно время съ настоящимъ предписаніемъ. Прошу употребить его въ дѣло при занятіи Сахалина; весьма было бы полезно, если бы Вы съ помощью этого парохода провели Амурскимъ лиманомъ въ Татарскій заливъ то судно, которое приведетъ къ Вамъ маіоръ Буссе. Это судно можете оставить зимовать на Сахалинѣ.

«е) Въ мѣстахъ, которыя займутся Вами на Сахалинѣ, необходимо поставить орудія и устроить ограды или укрѣпленія.

«ж) По доставленіи Вамъ г. Буссе всего изложеннаго, Вы имѣете отправить его немедленно ко мнѣ съ донесеніями».

Въ другомъ предписаніи Невельскому, генералъ-губернаторъ писалъ:

«Вслѣдствіе всеподданнѣйшаго доклада моего и на основаніи Высочайшаго о границѣ нашей съ Китаемъ указанія, предлагаю Вамъ по Высочайшему повелѣнію занять нынѣшнимъ же лѣтомъ заливъ де-Кастри и сосѣдственное съ нимъ селеніе Кизи и о послѣдующемъ мнѣ донести. Въ заливѣ де-Кастри имѣть караулъ, по крайней мѣрѣ изъ 10-ти человѣкъ, при офицерѣ. Въ Кизи поставить военный постъ, для подкрѣпленія и снабженія де-Кастри. При этомъ поставлю Вамъ на видъ, что согласно съ Высочайшими указаніями, по моему представленію о границѣ нашей съ Китаемъ, *далѣе де-Кастри идти не разрѣшено*, а главное вниманіе должно быть нами обращено на Сахалинъ».

Между тѣмъ отъ маіора Буссе Невельской получилъ изъ Аяна письмо, отъ 6-го іюля такого содержанія:

«Расчеты, сдѣланные въ Петербургѣ, оказались ошибочными: я съ 25-го іюня въ Аянѣ, но суда компаніи еще не приходили и когда будутъ—неизвѣстно; 5 дней тому назадъ пришли изъ Камчатки «Иртышъ» и «Байкалъ», но, вслѣдствіе данныхъ мнѣ инструкцій и наставленій, перевозить къ Вамъ десантъ непремѣнно на камчатскихъ судахъ, идти за десантомъ въ Камчатку на «Иртышѣ» или «Байкалѣ» я не могу; между тѣмъ, время до такой степени упущено, что если бы, какъ объясняетъ А. Ф. Кашеваровъ, и сейчасъ пришло Камчатское судно, то и тогда десантъ, назначенный на Сахалинъ изъ Камчатки, врядъ ли можно доставить въ Петровское ранѣе 1-го сентября. Никакихъ срубовъ, о которыхъ мнѣ говорили въ Петербургѣ, здѣсь нѣтъ и не дѣлается; между тѣмъ, мнѣ велѣно и срубы эти взять и доставить къ Вамъ въ Петровское, вмѣстѣ съ десантомъ изъ Камчатки со всѣмъ продовольствіемъ, снабженіемъ и вооруженіемъ, никакъ не позже 1-го августа. Поставленный теперь въ невозможность исполнить это приказаніе и не имѣя права перевозить десантъ на казенныхъ судахъ, ибо за это подвергся бы отвѣтственности, спѣшу донести Вамъ объ этомъ на Ваше усмотрѣніе, и вмѣстѣ съ тѣмъ необходимымъ считаю сообщить, что, по словамъ Кашеварова, назначенный компаніею бригъ «Константинъ», для перевозки десанта изъ Петровскаго на Сахалинъ, во первыхъ не можетъ помѣстить этого десанта съ тяжестями, во вторыхъ, онъ весьма ненадеженъ, и въ третьихъ, если онъ и придетъ въ Аянъ, что невѣроятно, то развѣ самою позднею осенью. На основаніи Вашихъ предписаній г. Кашеварову, посылаю Вамъ транспортъ «Байкалъ» и 17 человѣкъ людей, съ различными запасами, какіе могли набрать въ Аянѣ, самъ же съ часу на часъ ожидаю камчатскаго судна, чтобы отправиться за десантомъ въ Петропавловскъ».

Исполненіе полученнаго Невельскимъ приказанія занять островъ Сахалинъ и укрѣпиться на немъ представляло задачу не легкую, даже съ тѣми средствами, о которыхъ упоминалось въ предписаніяхъ, а между тѣмъ «расчеты, сдѣланные въ Петербургѣ, оказались ошибочными», причемъ на мѣстѣ затруд-

ненія увеличивались еще и требованіемъ правленія россійско-американской компаніи, чтобы доставка десанта на Сахалинъ была произведена на отсутствовавшемъ и для этой цѣли не пригодномъ бригѣ «Константинъ».

Если бы при такихъ условіяхъ начальникомъ Амурской экспедиціи былъ человѣкъ только добросовѣстно исполнительный по службѣ, то очень вѣроятно, что подобно г-ну Буссе онъ тоже почелъ бы своимъ долгомъ поспѣшить донести отъ себя уже Его Высокопревосходительству г-ну генералъ-губернатору,—что съ одной стороны, онъ поставленъ въ невозможность исполнить полученное приказаніе, а съ другой, что онъ ничего не имѣетъ права сдѣлать, не подвергая себя отвѣтственности. Результатомъ такого точнаго исполненія служебнаго долга явилось бы то, что Сахалинъ не былъ бы занятъ, по крайней мѣрѣ въ ту навигацію, но за то требованія Россійско-Американской компаніи были бы строго выполнены.

Къ счастью начальникомъ амурской экспедиціи былъ капитанъ 1 ранга Геннадій Невельской, который иначе понималъ свою отвѣтственность передъ царемъ и отечествомъ, и, не отличаясь исполнительностью по службѣ до потери сознанія, на затрудненія и препятствія смотрѣлъ только какъ на необходимость ихъ преодолѣвать. Его поэтому озабочивала не трудность занять островъ Сахалинъ, не подвергая себя отвѣтственности за нарушеніе получаемыхъ имъ изъ Петербурга указаній, а напротивъ его удручало сознаніе, что высшее правительство все еще ограничивалось занятіемъ на нашемъ Дальнемъ Востокѣ одного только острова Сахалина и продолжая признавать, что главнымъ нашимъ портомъ на Восточномъ океанѣ долженъ быть Петропавловскъ, запрещало ему идти на побережья Амурскаго края далѣе залива де-Кастри.

Невельской поэтому, сейчасъ же по полученіи предписанія генералъ-губернатора, донесъ ему, что заливъ де-Кастри и селеніе Кизи имъ уже заняты и что остается занять Императорскую гавань, представляющую какъ бы центральный пунктъ всего побережья, отъ лимана до Корейской границы. «Занявъ ее—доносилъ Невельской,—мы становимся хозяевами

всего побережья, а крейсирующее около этихъ береговъ наше военное судно, еще болѣе удостовѣритъ ожидаемыхъ гостей въ томъ, что эти берега не нуждаются въ другихъ хозяевахъ».

Что касается собственно занятія острова Сахалина, то, извѣщая генералъ-губернатора о невѣрности сдѣланныхъ въ Петербургѣ расчетовъ и о нерѣшительности дѣйствій маіора Буссе, Невельской, руководствуясь тѣмъ, что въ силу Высочайшаго повелѣнія, островъ Сахалинъ признанъ принадлежностью Россіи на всемъ его пространствѣ, указывалъ на необходимость занять прежде всего главный его пунктъ, Тамари-Ашива. «Занятіе всякаго другого пункта, на восточномъ или западномъ берегу острова», — пояснялъ Невельской, — «безъ утвержденія нашего въ главномъ его пунктѣ, Тамари-Ашива, было бы несоотвѣтственнымъ ни Высочайшей волѣ, ни достоинству Россіи, потому, что обнаружило бы только робкое и какое то нерѣшительное съ нашей стороны дѣйствіе и неминуемо повлекло бы къ непріятнымъ столкновеніямъ. Наконецъ, я рѣшилъ занять Тамари-Ашива въ виду ожидаемой сюда американской военной эскадры, которой мы должны фактически указать, что Сахалинъ составляетъ русское владѣніе».

Въ заключеніе Невельской высказалъ: «Не на Сахалинъ, а на матерый берегъ Татарскаго залива должно обратить главное наше вниманіе, потому что онъ, по неоспоримымъ фактамъ, представленнымъ нынѣ экспедиціею, составляетъ неотъемлемую принадлежность Россіи. Только закрытая гавань на этомъ прибрежьи, непосредственно связанная внутреннимъ путемъ съ рѣкою Уссури, обусловливаетъ важность значенія для Россіи этого края въ политическомъ отношеніи; рѣка же Амуръ представляетъ ничто иное, какъ базисъ для нашихъ здѣсь дѣйствій, въ виду обезпеченія и подкрѣпленія этой гавани, какъ важнѣйшаго пункта всего края. Граница наша съ Китаемъ поэтому никакъ не можетъ быть положена по лѣвому берегу рѣки Амуръ, какъ то видно изъ предписанія Вашего отъ 23 апрѣля. Петропавловскъ никогда не можетъ быть главнымъ и опорнымъ нашимъ пунктомъ на Восточномъ океанѣ, ибо при первыхъ непріязненныхъ столкновеніяхъ съ морскими державами, мы вынужденными найдемся

снять этотъ портъ, какъ совершенно изолированный. Непріятель одной блокадою можетъ уморить тамъ всѣхъ съ голоду».

Выше было упомянуто, что эти распоряженія были получены въ Петровскомъ 11-го іюля, а уже 14-го Невельской, назначивъ вмѣсто себя въ Петровскѣ единственнаго оставшагося тамъ офицера, доктора Орлова, самъ съ штурманомъ подпоручикомъ Орловымъ, отправился на транспортѣ «Байкалъ», для осмотра береговъ Сахалина. Такимъ образомъ, трехъ сутокъ Невельскому было достаточно, чтобы обсудить полученныя имъ серьезныя предписанія и, согласно принятымъ рѣшеніямъ, собственноручно написать свои донесенія. Не имѣя ни штабовъ, ни конторъ, ни просто канцелярій, ему конечно не для кого было класть резолюцію—«доложить»: рѣшать и отвѣчать на предписанія приходилось самолично, все въ единственной каморкѣ, гдѣ онъ помѣщался съ семьей, на Петровской Кошкѣ, имѣя для разъѣздовъ по дѣламъ службы—байдарку.

Слѣдуя на «Байкалѣ» вдоль восточнаго берега Сахалина, при неблагопріятныхъ условіяхъ погоды, Невельской только 30 іюля подошелъ къ заливу Анива, не найдя на всемъ этомъ пространствѣ, ни одной сколько нибудь закрытой бухты. Противные вѣтры помѣшали Невельскому обслѣдовать западный берегъ Сахалина, поэтому онъ отъ южной оконечности острова прошелъ въ Императорскую гавань, гдѣ 6 августа, основалъ Константиновскій постъ, изъ восьми человѣкъ команды при урядникѣ. Приказавъ старшинѣ заготовлять лѣсъ для зимнихъ помѣщеній и наблюдать за движеніемъ судовъ, могущихъ показаться въ морѣ вблизи гавани, Невельской 9-го былъ въ де-Кастри, и оставивъ здѣсь транспортъ, приказалъ командиру его, подпоручику Семенову, слѣдовать къ западному берегу Сахалина, гдѣ, въ бухтѣ, около 50° сѣверной широты высадить подпоручика Орлова, съ пятью человѣками команды.

Орлову было приказано основать въ этой мѣстности постъ, назвавъ его Ильинскимъ, а затѣмъ пройти вдоль западнаго берега Сахалина, къ его южной оконечности чтобы убѣдиться нѣтъ ли на этомъ берегу бухты удобной для зимовки судовъ, послѣ чего стараться къ 20-му сентября быть въ заливѣ

Анива. Высадивъ Орлова, командиръ транспорта подпоручикъ Семеновъ долженъ былъ вступить въ крейсерство въ Татарскомъ заливѣ съ цѣлью наблюденія за ожидавшейся американской эскадрой и къ 5-му сентября возвратиться въ Петровское.

Сдѣлавъ эти распоряженія, Невельской изъ де-Кастри прошелъ пѣшкомъ на озеро Кизи; оттуда на байдаркѣ прибылъ въ селеніе Котово, основалъ тамъ Маріинскій постъ, а затѣмъ на той же байдаркѣ спустился въ Николаевскъ и 17 августа возвратился въ Петровское.

Въ отсутствіе Невельскаго, въ Петровское приходилъ компанейскій корабль съ различными запасами и товарами и съ которымъ былъ доставленъ въ экспедицію небольшой винтовой пароходикъ, въ десять силъ, а также десяти-весельный катеръ. На этомъ же кораблѣ прибыли: назначенный помощникомъ Невельского, капитанъ-лейтенантъ Бачмановъ, и священникъ отецъ Гавріилъ, оба со своими женами. Одновременно Невельской получилъ депеши изъ Петербурга отъ главнаго правленія россійско-американской компаніи и изъ Аяна, отъ начальника порта Кашеварова.

Правленіе компаніи просило Невельскаго, впредь до прибытія на Сахалинъ назначеннаго правителемъ острова капитанъ-лейтенанта Фуругельма, принять сахалинскую экспедицію въ свое вѣдѣніе и при этомъ выражало желаніе, чтобы для перевозки на Сахалинъ десанта никакихъ компанейскихъ судовъ, кромѣ брига «Константинъ» не занимать.

Со своей стороны и начальникъ Аянскаго порта Кашеваровъ, извѣщая Невельского, что маіоръ Буссе отправился 2 августа на кораблѣ «Николай» въ Петропавловскъ за десантомъ, подтвердилъ о непремѣнномъ требованіи правленія, чтобы кромѣ брига «Константинъ», никакое компанейское судно на Сахалинъ не посылать, «а между тѣмъ,—писалъ Кашеваровъ—бригъ «Константинъ», если и будетъ нынче въ Аянѣ, то это послѣдуетъ самою позднею осенью, что это судно неблагонадежно и по своему малому размѣру не мо-

жетъ принять десантъ съ тяжестями, тогда какъ никакихъ другихъ судовъ въ Аянъ ожидать болѣе нельзя».

Что касается присланнаго для экспедиціи безпалубнаго парохода, или вѣрнѣе парового катера, названнаго «Надежда», то по своимъ мореходнымъ качествамъ онъ оказался совершенно непригоднымъ для плаванія по лиману. При первомъ же рейсѣ изъ Петровска въ Николаевскъ его начало заливать: половина дымогарныхъ трубокъ лопнула, такъ что пришлось вернуть его на буксирѣ въ Петровское. Запасныхъ трубокъ не было, а также пригоднаго для нихъ желѣза, да и присланный съ пароходомъ машинистъ не имѣлъ понятія о слесарномъ мастерствѣ. Такимъ образомъ пароходъ въ эту навигацію не принесъ экспедиціи никакой пользы, а между тѣмъ Невельскому предписывали пользоваться этимъ пароходомъ для проводки судна съ десантомъ изъ Охотскаго моря въ Татарскій проливъ.

26-го августа на прибывшемъ изъ Петропавловска кораблѣ «Николай», маіоръ Буссе доставилъ въ Петровское назначенный для занятія Сахалина десантъ, при чемъ донесъ Невельскому, что команда въ числѣ 90 человѣкъ, вполнѣ обезпечена всѣмъ необходимымъ для зимовки на Сахалинѣ, но что онъ взялъ только одного офицера, лейтенанта Рудановскаго, такъ какъ, согласно данной ему инструкціи, офицеры при десантѣ на Сахалинъ должны быть командированы изъ амурской экспедиціи. Кромѣ этого маіоръ Буссе сообщилъ, что въ Петербургѣ по политическимъ соображеніемъ было рѣшено, чтобы десантъ былъ высаженъ на западномъ или на восточномъ берегу Сахалина и ни въ какомъ случаѣ не въ Тамари-Анива.

Доставивъ десантъ на Петровскій рейдъ, маіоръ Буссе видимо находился въ той увѣренности, что онъ исполнилъ возложенное на него генералъ-губернаторомъ порученіе, что Невельской сейчасъ же свезетъ людей и грузъ съ корабля на берегъ и будетъ терпѣливо ожидать прихода брига «Константинъ», чтобы перевезти на немъ десантъ на Сахалинъ, такъ что ему оставалось только вернуться на «Николаѣ» въ Аянъ и отправиться оттуда въ Иркутскъ, для доклада обо всемъ

генералъ-губернатору. Но оказалось, что онъ немного ошибся въ расчетѣ.

Прежде всего Невельской указалъ ему, что хотя люди и были обезпечены всѣмъ необходимымъ для зимовки на Сахалинѣ, но что нѣкоторыхъ предметовъ было недостаточно и главнымъ образомъ медицинскихъ средствъ, что не имѣлось товаровъ, для промѣна ихъ туземцамъ на свѣжую провизію, что не было достаточнаго количества инструментовъ для построекъ и первоначальнаго водворенія, что при такихъ условіяхъ безопасная зимовка людей на Сахалинѣ не могла считаться обезпеченной и что, слѣдовательно, возложенное на него порученіе не исполнено. Затѣмъ Невельской указалъ маіору Буссе, что при ничтожности перевозочныхъ средствъ, имѣющихся при экспедиціи и на кораблѣ «Николай», высадка десанта съ тяжестями на открытомъ Петровскомъ рейдѣ крайне затруднительна, а нагрузка снова, для отправки на Сахалинъ, при неблагопріятныхъ осенніхъ погодахъ, потребовала бы много времени, что бригъ «Константинъ», если и придетъ, то самой поздней осенью и во всякомъ случаѣ не можетъ принять весь десантъ съ тяжестями, и что офицеровъ въ экспедиціи свободныхъ нѣтъ, о чемъ неоднократно доносилось въ Петербургъ, а между тѣмъ послать десантъ съ однимъ офицеромъ,—невозможно.

«Изъ всего этого вы видите,—пояснялъ Невельской,—что если буквально слѣдовать предписаніямъ, то надобно или оставить всѣхъ людей въ Петровскомъ, гдѣ также нѣтъ помѣщенія, или выбросить ихъ въ пустынѣ, на явную смерть. Какъ въ томъ, такъ и въ другомъ случаѣ, я бы окончательно не исполнилъ Высочайшей воли, т. е. не утвердился бы на Сахалинѣ въ настоящую навигацію. Между тѣмъ съ утвержденіемъ нашимъ на островѣ и съ занятіемъ Императорской гавани, мы отстранимъ весьма важное обстоятельство—всякое покушеніе иностранцевъ на прибрежье Татарскаго пролива, а такихъ покушеній, особенно при настоящихъ обстоятельствахъ мы должны ожидать ежеминутно. Поэтому теперь надобно дѣйствовать рѣшительно, не стѣсняясь никакими петербургскими соображеніями и приказаніями, тѣмъ болѣе,

что по Высочайшей волѣ Сахалинъ признанъ неотъемлемою принадлежностью Россіи. Всякія комбинаціи занятія пункта на восточной или западной сторонѣ острова, безъ утвержденія нашего въ главномъ его пунктѣ, не только неумѣстны, но и вредны и не соотвѣтствуютъ достоинству Россіи, ибо могутъ обнаружить только нашу робость и нерѣшительность. а я ни того, ни другого не могу допустить. Вся отвѣтственность предъ отечествомъ, за могущую быть при такихъ обстоятельствахъ потерю для Россіи этого важнаго края, падетъ единственно на меня на томъ основаніи, что начальникъ, поставленный въ такой неизвѣстный и отдаленный край. долженъ располагать свои дѣйствія не по предписаніямъ и приказаніямъ, а по тѣмъ обстоятельствамъ, какія встрѣчаются на мѣстѣ, имѣя въ виду только лишь достиженіе одной главной цѣли, клонящейся къ интересамъ и благу отечества. Главный пунктъ на островѣ — Тамари - Анива, тамъ имѣются и средства для первоначальнаго помѣщенія нашихъ людей, и средства по перевозкѣ десанта и выгрузки тяжестей. Тамъ то мы напервѣе и должны утвердиться, несмотря на то, что это противно даннымъ предписаніямъ».

«И такъ, по всѣмъ этимъ причинамъ, становится необходимымъ, чтобы, во-первыхъ, по непмѣнію въ экспедиціи офицеровъ, отправились съ десантомъ на Сахалинъ вы. Во-вторыхъ, чтобы для пополненія необходимыхъ запасовъ, я пошелъ съ вами на кораблѣ «Николай» въ Аянъ и оттуда, на немъ же, въ заливъ Анива. Мы утвердимся на Тамари - Анива и вы останетесь зимовать тамъ. Въ-третьихъ, если по изслѣдованію Орлова или по нашей рекогносцировкѣ окажется возможнымъ судну зимовать около залива Анива, или въ самомъ заливѣ, то въ случаѣ прихода компанейскаго брига «Константинъ», онъ останется на зимовку, а въ противномъ случаѣ — одинъ изъ нашихъ казенныхъ транспортовъ «Иртышъ» или «Байкалъ».

«Оставаясь при неизмѣнномъ рѣшеніи прошу васъ: 1, осмотрѣть хорошенько команду съ моимъ докторомъ и оказавшихся ненадежными оставить въ Петровскомъ; 2, сообразить хорошенько, сколько надобно указанныхъ мною запасовъ, чтобы

команды на Сахалинѣ были вполнѣ обезпечены, и 3, быть готовымъ 28 августа къ отправленію со мною въ Аянъ и оттуда на Сахалинъ».

Само собою разумѣется, что такія распоряженія Невельского, совершенно разстраивали всѣ расчеты г. Буссе. Вмѣсто того, чтобы, какъ онъ надѣялся, сейчасъ же по выгрузкѣ десанта въ Петровскомъ, пойти на «Николаѣ» въ Аянъ и затѣмъ спокойно провести зиму въ Иркутскѣ, ему предстояло лично отправиться съ десантомъ, занимать южную оконечность острова Сахалина и оставаться тамъ на зимовку.

Корабль «Николай» пришелъ въ Петровское 26-го августа, а уже 28-го Невельской, съ десантомъ и съ маіоромъ Буссе, вышелъ на немъ въ Аянъ, чтобы запастись тѣми предметами, которые не были приняты въ Петропавловскѣ.

По приходѣ въ Аянъ, Невельской сейчасъ же послалъ Буссе, какъ будущаго правителя острова Сахалина, къ Кашеварову, съ предложеніемъ снабдить десантъ всѣмъ недостававшимъ; но Буссе скоро вернулся съ отвѣтомъ, что Кашеваровъ, въ виду строжайшаго предписанія, даннаго ему главнымъ правленіемъ, не можетъ исполнить приказанія Невельского и что корабль «Николай» долженъ немедленно идти въ колонію, о чемъ онъ и дѣлаетъ распоряженіе командиру корабля. Тогда Невельской лично поѣхалъ къ Кашевареву, взявъ съ собою и маіора Буссе, и, послѣ долгихъ переговоровъ, объявилъ ему, что всю отвѣтственность онъ принимаетъ на себя, завѣривъ, что если бы кампанія потерпѣла какіе либо убытки, то правительство ихъ возмѣститъ. Заручившись такимъ заявленіемъ, Кашеваровъ рѣшился исполнить требованія Невельского и даже—какъ упоминаетъ Невельской, — приложилъ много энергіи для изготовленія и погрузки на корабль всѣхъ запасовъ и товаровъ, такъ что 3-го сентября «Николай» могъ отправиться на Сахалинъ, несмотря на «строжайшія предписанія» главнаго правленія компаніи, чтобы для доставки десанта на Сахалинъ никакихъ компанейскихъ судовъ, кромѣ брига «Константинъ», не занимать.

На пути изъ Аяна, Невельской зашелъ въ Петровское, чтобы отдать необходимыя приказанія какъ на берегу своему

помощнику Бачманову, такъ и командирамъ прибывшихъ туда транспортовъ «Иртышъ» и «Байкалъ»; затѣмъ, взявъ съ собой лейтенанта Бошняка, онъ 7 сентября пошелъ къ южной оконечности острова Сахалина, а 20 вечеромъ корабль «Николай» отдалъ якорь противъ селенія Тамари-Анива.

Это плаваніе корабля «Николай», въ связи съ занятіемъ острова Сахалина, подробно описано какъ въ запискахъ Невельского, такъ и въ запискахъ Н. В. Буссе и Н. К. Бошняка (*). но, по невозможности дѣлать длинныя изъ нихъ выдержки, приходится ограничиться лишь краткимъ описаніемъ этого событія.

---

22 сентября утромъ корабль «Николай» подошелъ на возможно близкое разстояніе къ берегу, имѣя на всякій случай орудія заряженныя картечью; на баркасъ, вооруженный фалконетомъ, были посажены 25 человѣкъ десанта съ ружьями, при лейтенантѣ Рудановскомъ, а Невельской съ Буссе, Бошнякомъ и тунгусомъ, знавшимъ айнскій языкъ, помѣстились на шестеркѣ, также вооруженной орудіемъ; послѣ чего гребныя суда направились къ селенію Тамари-Анива.

Приходъ большого русскаго судна, а затѣмъ высадка вооруженныхъ людей произвели на берегу большой переполохъ и, по приближеніи судовъ къ отмели, они были встрѣчены толпой айновъ подъ предводительствомъ четырехъ японцевъ, вооруженныхъ саблями, видимо желавшихъ препятствовать высадкѣ, но, когда Невельской чрезъ переводчика объявилъ имъ, что русскіе пришли съ рѣки Амуръ поселиться у нихъ въ Анивѣ для того, чтобы защищать ихъ отъ иностранныхъ судовъ, японцы и айны успокоились, начали кланяться и даже указывали мѣсто, гдѣ шлюпкамъ удобнѣе было пристать къ берегу; когда же наша команда начала выгружать на берегъ орудія, то айны усердно имъ въ этомъ помогали.

По установкѣ на берегу орудій и флагштока для подъема флага, команда, — по словамъ Невельского, — «выстроилась во фронтъ и я скомандовалъ на молитву. Помолясь съ колѣно-

(*) М. С. 1859 г. № 10. Бошнякъ и островъ Сахалинъ. Н. В. Буссъ.

преклоненіемъ Господу Богу, причемъ японцы и аины инстинктивно сняли шляпы, я вмѣстѣ съ Н. В. Буссе, при крикахъ ура и залпѣ изъ орудій и ружей поднялъ русскій военный флагъ; въ то же время команда корабля, при крикахъ ура, разбѣжалась по вантамъ и реямъ и корабль началъ салютовать флагу. Этимъ было возвѣщено въ Тамари-Анива окончательное водвореніе наше на островѣ Сахалинѣ; ясная и тихая погода совершенно гармонировала мирному занятію главнаго пункта острова».

«Когда мы осмотрѣлись, то увидѣли на западной возвышенности, между кучами земли, деревянные чурбаны, выкрашенные черною краскою; издали они казались батареями. Японцы держали ихъ какъ пугало, для всякаго пришедшаго судна и вполнѣ были увѣрены, что имъ удастся этимъ средствомъ оградить неприкосновенность Тамари».

По окончаніи церемоніи, Невельской съ Буссе и Бошняком[illegible] пошли въ селеніе къ ожидавшимъ его японскимъ старшинамъ, «дабы,—по его выраженію—растолковать имъ мирную цѣль нашего водворенія».

Войдя въ домъ и «дружески привѣтствуя японцевъ», Невельской сѣлъ рядомъ со старшимъ японцемъ, а Буссе и Бошняка посадилъ рядомъ съ ассистентами и затѣмъ чрезъ переводчика объявилъ имъ, что цѣль водворенія русскихъ, на исконно принадлежащемъ Россіи островѣ Сахалинѣ вполнѣ миролюбивая. Но такъ какъ въ послѣднее время около этихъ береговъ плаваетъ много иностранныхъ судовъ и команды ихъ дѣлаютъ разныя безчинства, притѣсняютъ жителей и даже, повидимому, намѣреваются захватить нѣкоторыя изъ беззащитныхъ мѣстъ, то Государь Императоръ повелѣлъ ему поставить въ главныхъ пунктахъ острова Сахалина и на противоположномъ берегу вооруженные посты для защиты обитателей и пріѣзжающихъ сюда японцевъ отъ иностраннаго насилія. Для исполненія всего этого начальникомъ острова назначенъ маіоръ Буссе, къ которому во всѣхъ случаяхъ и слѣдуетъ обращаться. Въ заключеніе Невельской подтвердилъ: «Итакъ прошу васъ быть совершенно спокойными и продолжать ваши занятія подъ нашею бдительною защитою. Вашихъ

обычаевъ, а тѣмъ болѣе религіи, мы отнюдь не позволимъ себѣ касаться. Живите какъ жили, и вѣруйте какъ вѣровали. Все это объявляю вамъ отъ имени всемилостивѣйшаго Государя моего Императора, слово котораго есть неизмѣнный законъ».

Японцы приняли это заявленіе совершенно спокойно, но аины начали шумѣть и выражать неудовольствіе; они, какъ выяснилось потомъ, расчитывали на то, что имъ разрѣшатъ грабить и убивать японцевъ, подобно тому, какъ это было при Хвостовѣ и Давыдовѣ. Тогда Невельской велѣлъ имъ замолчать и объявилъ, что первый, кто окажетъ какое либо сопротивленіе японцамъ или произведетъ безпорядокъ, немедленно будетъ повѣшенъ, а другіе строго наказаны.

Назвавъ постъ Муравьевскимъ, Невельской оставилъ при немъ команду съ лейтенантомъ Рудановскимъ, а затѣмъ, пригласивъ съ собой трехъ японцевъ и двухъ аиновъ, поѣхалъ на корабль обѣдать. «Японцы и аины, — говоритъ Невельской, — остались довольны дружескимъ нашимъ пріемомъ на кораблѣ. За обѣдомъ мы пили за здоровье нашего Императора и японскаго и за тѣсную дружбу Японіи и Россіи, причемъ во время тоста былъ произведенъ салютъ съ корабля и съ Муравьевскаго поста. Послѣ обѣда команда пѣла пѣсни и плясала, всѣ были довольны и веселы. Эта церемонія и обстановка видимо расположили къ намъ японцевъ и аиновъ и, какъ можно было замѣтить, внушили въ нихъ уваженіе къ намъ».

Исполняя просьбу японцевъ Геннадій Ивановичъ выдалъ имъ декларацію на русскомъ и французскомъ языкахъ, въ которой повторивъ все то, что имъ было сказано, закончилъ свое заявленіе въ такихъ выраженіяхъ: «Во исполненіе Высочайшей воли, я нижеподписавшійся, начальникъ этого края, 22 сентября 1853 года, въ главномъ пунктѣ острова Сахалина Тамари-Анива, поставилъ Россійскій Муравьевскій постъ. Завѣдывать этимъ постомъ и островомъ назначенъ мною Его Императорскаго Величества маіоръ Н. В. Буссе, а потому къ нему, какъ къ ближайшей здѣсь власти, при всякихъ недоумѣніяхъ и тому подобныхъ случаяхъ, слѣдуетъ обра-

щаться. Объявлено 1853 года, сентября 22 дня. Муравьевскій Россійскій постъ, Тамари-Анива, на островѣ Сахалинѣ».

На другой день къ «Николаю» подошли двѣ большія лодки съ аинами и начали свозить грузъ въ Муравьевскій постъ, а одновременно были поставлены на мѣсто всѣ восемь орудій. Между тѣмъ въ ночь на 23 сентября аины, пользуясь темнотою, собрались грабить магазины и имущество японцевъ, воображая, что этимъ они угодятъ русскимъ, вслѣдствіе чего всѣ японцы бѣжали изъ селенія.

По полученіи объ этомъ извѣстія, Геннадій Ивановичъ сейчасъ же прибылъ въ постъ и при собраніи толпы наказалъ пять человѣкъ зачинщиковъ, а затѣмъ, собравъ всѣхъ аиновъ, велѣлъ показать имъ дѣйствіе орудій и объявилъ, что если они еще учинятъ подобное безчинство, то угрозу приведетъ въ исполненіе.

Окончивъ «расправу», Невельской послалъ двухъ казаковъ за японцами, но явились только двое. Тогда онъ послалъ ихъ объявить остальнымъ, чтобы всѣ вернулись и жили спокойно, такъ какъ при охранѣ русскихъ личность и имущество ихъ всегда будутъ обезпечены и аины будутъ исполнять всѣ ихъ требованія, согласно тѣхъ условій, какія были установлены раньше. Убѣдившись въ добромъ намѣреніи русскихъ жить дружно съ японцами, они вскорѣ вернулись въ селеніе, а аины стали мирными и вполнѣ покорными ихъ работниками.

Къ вечеру 25 сентября, при содѣйствіи японцевъ и аиновъ, весь десантъ съ грузомъ былъ свезенъ съ корабля на берегъ и размѣщенъ въ посту. Батарея, изъ пяти 12-ти фунт. каронадъ и трехъ фалкопетовъ, была поставлена такимъ образомъ, что все селеніе, магазины и полоса берега противъ поста находилась подъ ея выстрѣлами. Команда была размѣщена просторно въ сухомъ зданіи, а въ японскихъ магазинахъ имѣлось большое количество риса, сухой зелени, водки, соли и рыбы. По словамъ Невельского: «Ни одинъ постъ въ При-Амурскомъ краѣ, не былъ поставленъ въ такое безопасное и вполнѣ обезпеченное положеніе, въ какомъ я оставилъ постъ Муравьевскій, подъ начальствомъ Н. В. Буссе. Я былъ

совершенно спокоенъ относительно его: вся команда была весела и здорова».

Ничего не зная о настоящей цѣли прихода американскихъ судовъ въ Татарскій проливъ, Геннадій Ивановичъ признавалъ необходимымъ, чтобы хотя одно наше судно находилось въ крейсерствѣ у южной оконечности острова Сахалина. По этому онъ приказалъ командиру транспорта «Иртышъ», сейчасъ же по сдачѣ груза въ Петровскомъ, идти въ Аниву, имѣя въ виду возможность остаться тамъ зимовать. Между тѣмъ транспортъ не приходилъ и такъ какъ Невельской не могъ оставаться долѣе у Сахалина, изъ опасенія не поспѣть до заморозковъ въ Петровское, то онъ 26 сентября вышелъ на «Николаѣ» изъ Анивы, причемъ корабль обмѣнялся салютомъ съ Муравьевскимъ постомъ. Слѣдуя вдоль Татарскаго берега и зайдя на сутки въ Императорскую гавань, Невельской 2 октября высадился въ де-Кастри, приказавъ командиру корабля «Николай» слѣдовать, согласно имѣвшей у него отъ Каневарова инструкціи въ Петропавловскъ, съ тѣмъ, чтобы по пути онъ зашелъ въ Императорскую гавань.

Въ де-Кастри Невельской узналъ, что туда только что приходила шкуна «Востокъ», подъ командой капитанъ-лейтенанта В. А. Римскаго-Корсакова, посланная изъ Нагасаки адмираломъ Путятинымъ, для полученія свѣдѣній о состояніи нашихъ средствъ въ устьѣ Амура. Шкуна вошла въ лиманъ южнымъ фарватеромъ и встала на якорь у мыса Пронге, откуда командиръ ходилъ на шлюпкѣ въ Петровское для свиданія съ Геннадіемъ Ивановичемъ, но не заставъ его тамъ, Корсаковъ пошелъ со шкуной къ острову Сахалину грузиться углемъ. Такимъ образомъ шкуна «Востокъ» была первымъ морскимъ судномъ, притомъ паровымъ, которое вошло въ устье Амура изъ Татарскаго пролива въ то время, когда въ Петербургѣ все еще не вѣрили заявленіямъ Невельского, относительно доступности устья Амура для прохода морскихъ судовъ съ юга.

Изъ разговора съ Римскимъ-Корсаковымъ мичманъ Разградскій между прочимъ узналъ, что находящемуся въ Япо-

ніи для заключенія трактата адмиралу Путятину ничего не было извѣстно о распоряженіи правительства занять островъ Сахалинъ, поэтому Невельской, не имѣя возможности ожидать возвращенія шкуны, оставилъ командиру для передачи адмиралу, письменное увѣдомленіе обо всѣхъ полученныхъ имъ предписаніяхъ и сдѣланныхъ распоряженіяхъ. Вмѣстѣ съ этимъ Геннадій Ивановичъ просилъ Римскаго-Корсакова, чтобы на пути въ Японію онъ зашелъ въ Императорскую гавань и, въ случаѣ надобности, оказалъ помощь лейтенанту Бошняку снабженіемъ Константиновскаго поста необходимыми предметами. Затѣмъ 6-го октября Невельской на оленяхъ переправился на озеро Кизи, откуда на гилякской лодкѣ спустился по Амуру и уже со льдомъ 15 октября прибылъ въ Петровское.

Въ Петровскомъ и Николаевскомъ Невельской нашелъ всю команду здоровою и вполнѣ обезпеченною продовольствіемъ и теплою одеждою. Въ ожиданіи увеличенія численности командъ, тамъ заготовлялся лѣсъ для будущихъ построекъ. Офицерскій флигель былъ уже готовъ и 1 ноября въ немъ поселились семьи Бачманова и отца Гавріила; одновременно въ Петровскомъ спѣшили окончаніемъ постройки часовни.

«Къ Рождеству Христову,—говоритъ Невельской,—маленькая церковь въ Петровскомъ была готова, и въ этотъ великій праздникъ мы въ отдаленныхъ и негостепріимныхъ пустыняхъ нашего сѣверо-востока впервые молились въ храмѣ Божіемъ. Почти всѣ мои сотрудники были въ отсутствіи; въ Петровскомъ находились только Бачмановъ и докторъ Орловъ».

Въ половинѣ февраля въ Петровское прибылъ изъ Анивы приказчикъ русско-американской компаніи Самаринъ, доставивъ Невельскому донесеніе маіора Буссе и лейтенанта Рудановскаго.

Рапортуя о благополучіи Муравьевскаго поста и команды, Буссе сообщалъ, что ушедшіе впачалѣ изъ Тамари японцы возвратились и мирно живутъ на своихъ мѣстахъ; что сношенія его съ ними, а равно и съ айнами вполнѣ дружествен-

ныя и миролюбивыя, но что онъ призналъ нужнымъ оградить постъ заборомъ съ башнями и редутомъ.

Отъ лейтенанта Рудановскаго Невельской получилъ журналъ произведенной имъ описи рѣки Сосуя и сѣверо-восточнаго и западнаго береговъ залива Анива, до Косуная. Передвигаясь пѣшкомъ и въ лодкахъ, греблей, шестами и бичевой, переваливая черезъ горныя возвышенности по трудно проходимымъ тропамъ при всѣхъ состояніяхъ погоды, какія могли случиться за это время года, съ 6-го октября по 6-е января, Рудановскій сдѣлалъ въ общемъ болѣе 300 верстъ самыхъ обстоятельныхъ изслѣдованій, опредѣливъ по широтѣ пятнадцать пунктовъ въ такихъ мѣстностяхъ острова Сахалина, гдѣ никогда еще не ступала нога европейца. Не вдаваясь въ подробности его пути слѣдованія, достаточно сказать, что приведенный въ запискахъ Невельского журналъ работъ Рудановскаго занимаетъ двадцать страницъ, заключающихъ въ себѣ однѣ только цѣнныя географическія свѣдѣнія, изложенныя такъ обстоятельно, какъ если бы это былъ обработанный отчетъ хорошо обставленной экспедиціи.

Такимъ образомъ и лейтенантъ Рудановскій оказался прекраснымъ помощникомъ Г. И. Невельского въ Амурской экспедиціи, по изслѣдованію острова Сахалина, въ особенности если принять во вниманіе, что въ Петропавловскѣ не могло быть большого выбора для назначенія морского офицера съ десантомъ на о. Сахалинъ.

Нельзя, конечно, приписывать одной только счастливой случайности, что всѣ сподвижники Геннадія Ивановича оказывались такими выдающимися тружениками, а результаты ихъ работъ столь плодотворными. Въ значительной степени, а можетъ быть и главнымъ образомъ это слѣдуетъ приписать тому, что самъ начальникъ амурской экспедиціи заражая подчиненныхъ ему сотрудниковъ своей безграничной энергіей, при простомъ человѣческомъ къ нимъ отношеніи, снабжалъ ихъ такими инструкціями, совѣтами и практическими наставленіями, которыя, ободряя ихъ въ трудныя минуты, облегчали тяжелый трудъ изслѣдованій въ дикихъ пустыняхъ, при исключительно неблагопріятныхъ условіяхъ.

Что это дѣйствительно такъ, можно убѣдиться изъ словъ самого Невельского, который въ своихъ запискахъ по этому поводу говоритъ:

«Всякая въ то время командировка офицера для изслѣдованія края была совершаема внѣ повелѣнія, и лежала единственно на моей отвѣтственности, почему при каждой такой командировкѣ посланный офицеръ долженъ былъ быть проникнутъ чувствомъ необходимости и полезности оной для блага отечества. Я долженъ былъ одушевлять моихъ сотрудниковъ и постоянно повторять имъ, что только при отчаянныхъ и преисполненныхъ опасностей и трудностей дѣйствіяхъ нашихъ, мы можемъ не только отстранить потерю края, но и привести правительство къ тому, чтобы онъ навсегда былъ утвержденъ за Россіею. Вотъ что насъ связывало тогда всѣхъ какъ бы въ одну родную семью».

Прибывшій изъ Муравьевскаго поста приказчикъ россійско-американской компаніи Самаринъ точно также представилъ Невельскому подробный отчетъ о своей командировкѣ вдоль всего Сахалина, гдѣ онъ въ теченіе 40 дней, съ 10-го января по 18-е февраля, собралъ много географическихъ свѣдѣній, очень цѣнныхъ для Невельского.

Что касается командировки на Сахалинъ подпор. Орлова, то изъ представленнаго имъ очень обстоятельнаго отчета видно, что транспортъ «Иртышъ» высадилъ его 18 августа, на западной сторонѣ острова Сахалина въ широтѣ 48° 51′; но, такъ какъ это мѣсто не представляло удобствъ для основанія здѣсь поста, то Орловъ съ командой, уже на лодкѣ, пошелъ вдоль берега къ югу. Свѣжіе противные вѣтры и буруны много задерживали его въ пути, такъ что онъ только 30 августа достигъ селенія Косунай, гдѣ при собраніи жителей основалъ Ильинскій постъ.

Вслѣдствіе недостатка въ продовольствіи, Орловъ не рѣшился оставить здѣсь людей на зиму и 25 сентября со всей командой Ильинскаго поста направился на восточный берегъ Сахалина. Слѣдуя, сначала въ лодкахъ по рѣкѣ Косунай и ея притокамъ, а затѣмъ пѣшкомъ черезъ горныя возвы-

шенности, высотою до 500 футъ, партія достигла верховьевъ рѣки Мануе, вдоль которой прошла до ея устья, сдѣлавъ отъ Ильинскаго поста переходъ въ 45 верстъ по этому кратчайшему здѣсь разстоянію между западнымъ и восточнымъ берегомъ Сахалина. Пробираясь далѣе къ югу, гдѣ въ лодкахъ, гдѣ пѣшкомъ, Орловъ съ командою достигъ залива Мордвинова, въ широтѣ 42° 32′, а затѣмъ кратчайшимъ путемъ черезъ горныя возвышенности 2 октября прибылъ въ Тамари-Анива, пройдя такимъ образомъ около 200 верстъ отъ Ильинскаго поста.

Помимо большого числа опредѣленій астрономическихъ пунктовъ, Орловъ представилъ Невельскому краткій орографическій очеркъ всей пройденной имъ мѣстности, упомянувъ о свойствахъ почвы, строевыхъ лѣсахъ, озерахъ, пройденныхъ рѣкахъ, съ указаніемъ ихъ ширины и глубины, быстроты теченія, глубины на барѣ, сообщилъ о характерѣ морского берега, окружающихъ его рифахъ и посѣщенныхъ бухтахъ. Кромѣ этого онъ собралъ свѣдѣнія о населяющихъ островъ племенахъ, объ ихъ жилищахъ, образѣ жизни, промыслахъ и т. п. Все это Орловъ нашелъ возможнымъ сдѣлать, передвигаясь съ командой, при всевозможныхъ лишеніяхъ, въ малонаселенной и чуждой странѣ и при неблагопріятныхъ условіяхъ погоды, не только не имѣя при себѣ какого либо помощника, но вѣроятно и ни одного грамотнаго среди своихъ пяти постовыхъ казаковъ и матросовъ; а между тѣмъ слѣдуетъ еще принять во вниманіе, что этому подпоручику корпуса флотскихъ штурмановъ было 50 лѣтъ отъ роду (*).

Когда Орловъ прибылъ въ Муравьевскій постъ, тамъ стоялъ на рейдѣ транспортъ «Иртышъ», на которомъ маіоръ Буссе сейчасъ же отправилъ его въ Императорскую гавань. Транспортъ прибылъ туда 10 октября, но, вслѣдствіе наступив-

(*) Такой большой возрастъ для подпоручика флотскихъ штурмановъ объясняется тѣмъ, что нѣсколько лѣтъ передъ этимъ Орловъ былъ по суду разжалованъ и сосланъ въ Сибирь на поселеніе, но вскорѣ получилъ классный чинъ, такъ какъ,—по словамъ представленія,—«взведенное на него обвиненіе по общимъ отзывамъ не подтвердилось». Въ 1849 г. Орловъ былъ переименованъ въ прапорщики корпуса штурмановъ, а затѣмъ за отличіе по службѣ произведенъ въ подпоручики.

шихъ морозовъ при безснѣжіи, Орловъ только 28 ноября могъ тронуться къ Маріинску. Пробираясь мѣстами въ глубокомъ снѣгу и встрѣчая на пути не вполнѣ замерзшія рѣки и высокіе горные хребты, Орловъ только черезъ 30 дней, 28 декабря, добрался до Маріинска, откуда, уже сравнительно благополучно, доѣхалъ до Петровска.

Съ Орловымъ Невельской получилъ донесенія изъ Императорской гавани, отъ лейтенанта Бошняка, отъ командира корабля «Николай» Клинковстрема, отъ командира транспорта «Иртышъ» лейтенанта Гаврилова, и отъ маіора Буссе изъ Анивы.

Командиръ транспорта «Иртышъ» доносилъ, что на пути изъ Петровска въ Аниву, онъ былъ задержанъ свѣжими противными вѣтрами, причемъ на транспортѣ открылась значительная течь и былъ поврежденъ руль. При такихъ условіяхъ и имѣя въ командѣ большое число больныхъ, командиръ транспорта не рѣшился идти въ Петропавловскъ въ такое позднее время года, а такъ какъ въ заливѣ Анива и около него негдѣ было остаться на зимовку, то Буссе и послалъ транспортъ въ Императорскую гавань.

Передъ уходомъ изъ Анивы командиръ транспорта просилъ начальника Муравьевскаго поста замѣнить больныхъ людей здоровыми и снабдить команду всѣмъ необходимымъ для предстоящей зимовки въ Императорской гавани. но Буссе отправилъ его безъ всякаго снабженія и людей не перемѣнилъ, отозвавшись, что и у него люди должны быть не больные а здоровые. Съ приходомъ транспорта въ Императорскую гавань, въ командѣ обнаружилась скорбутная болѣзнь; въ половинѣ ноября треть команды была больна и одного похоронили.

Одновременно командиръ корабля «Николай» доносилъ, что вслѣдствіе малаго комплекта команды и внезапно наступившихъ морозовъ, онъ также вынужденъ былъ остаться на зимовку въ Императорской гавани, но его команда была снабжена всѣмъ въ изобиліи и больныхъ не было.

Начальникъ Константиновскаго поста, лейтенантъ Бошнякъ, донесъ Невельскому, что внезапное скопленіе болѣе 70 чело-

вѣкъ въ совершенно пустынной мѣстности, гдѣ предполагалась зимовка восьми человѣкъ, въ только что отстроенной, конечно сырой избѣ, ставило его въ самое критическое положеніе. Между тѣмъ наступили морозы до 25° съ мятелями, что лишало возможности достать что либо отъ туземцевъ. «При такомъ положеніи вещей,—доносилъ Бошнякъ,—надобно ожидать весьма печальнаго исхода этой зимовки, особенно относительно команды «Иртыша», которую маіоръ Буссе не позаботился снабдить всѣмъ нужнымъ и не перемѣнилъ даже больныхъ людей».

Командиръ заходившей въ гавань шкуны «Востокъ», Римскій-Корсаковъ удѣлилъ Бошняку небольшое количество сахара, чая и консервовъ, но всего этого едва было достаточно на короткое время для однихъ только больныхъ транспорта «Иртышъ».

Обращаясь къ Невельскому съ просьбою оказать помощь присылкою оленей, медикаментовъ и пр., Бошнякъ при этомъ выражалъ сомнѣніе относительно возможности получить что либо своевременно, вслѣдствіе непроходимости въ это время года путей, черезъ горные хребты, заваленные снѣгомъ и по неимѣнію на этихъ путяхъ корма для собакъ. При всемъ его стараніи нанять туземныя нарты, никто изъ туземцевъ не взялся поѣхать не только съ грузомъ, но и на легкихъ нартахъ.

Когда Бошнякъ прибылъ въ Императорскую гавань на кораблѣ «Николай», тамъ на берегу стоялъ только амбаръ и маленькій домикъ, крытый желобникомъ, въ которомъ помѣщалась команда Константиновскаго поста, въ числѣ 10 казаковъ при унт. оф. Хорошихъ. «Смотрѣли они довольно весело и бодро»,—говоритъ Бошнякъ (*),—«и не чуяло тогда мое сердце, что черезъ пять мѣсяцевъ мысъ, выдающійся за этимъ маленькимъ селеніемъ, покроется крестами надъ могилами».

«Съ приходомъ корабля «Николай», а затѣмъ транспорта «Иртышъ», вмѣсто этихъ 10 казаковъ въ Императорской гавани собралось 90 человѣкъ морскихъ командъ, изъ коихъ восемь офицерскихъ чиновъ. «Пришлось намъ думать думу

(*) Морск. Сборн., № 10, 1859 г., стр. 402—413.

крѣпкую. Раздѣляло насъ отъ прочихъ товарищей пространство въ 500 верстъ, пустынное и мрачное, безъ малѣйшаго почти признака жизни; слѣдовательно помощи намъ было ждать не отъ кого. Надобно было обходиться собственными средствами, которыя были не велики... Такъ у насъ не осталось, на остальное количество людей сверхъ 10, ни чарки вина. Камчатскіе же запасы судовъ, по обыкновенію, были не только что ограниченные, но скудные до высшей бѣдности и видимо расчитаны по день обратнаго прихода въ Петропавловскій портъ. Оставалось, слѣдовательно, расчитывать на запасы, завезенные на «Николаѣ». Правду сказать, они были достаточны для не роскошнаго существованія и состояли изъ муки, крупы, масла, гамбургской и аянской солонины, чая, сахара, рисовой крупы и небольшого количества бѣлыхъ сухарей. Корабль «Николай» имѣлъ передъ нами больше преимуществъ и, какъ торговое судно, былъ снабженъ для своей команды большимъ запасомъ вина, которымъ онъ для насъ, по неопредѣленности дальнѣйшаго его назначенія, очень скупился».

«Какъ скоро суда разоружились, транспортъ «Иртышъ», присоединилъ свою команду къ береговой и вмѣстѣ принялись готовить помѣщеніе. Стукъ топоровъ загремѣлъ въ непроходимой чащѣ лиственнаго и еловаго лѣса и вслѣдъ затѣмъ показались окладники первыхъ зданій гавани».

«Работа кипѣла: обходя вечеромъ 20 октября разведенныя партіи, я вдругъ услышалъ громко зовущій меня голосъ казака: «ваше благородіе, пароходъ идетъ съ моря».—Какъ электрическая искра, эта новость пробѣжала по жиламъ всей команды а тѣмъ болѣе моимъ. Я догадался, что это должна быть паровая шкуна «Востокъ». Это былъ первый гость рождающагося населенія въ этихъ угрюмыхъ мѣстахъ и еще не простой а винтовой, который для всѣхъ насъ былъ тогда новинкою. Я бросился къ берегу. Шкуна подъ парами тихимъ ходомъ входила въ ту минуту въ узкость Константиновской бухты. О! какъ она мнѣ показалась тогда хороша. Звукъ цѣпи отдаваго якоря какъ то сжалъ у меня сердце. Мысль о болѣе счастливомъ и удобномъ положеніи, о службѣ, къ

которой я приготовленъ былъ воспитаніемъ, повизна посѣщаемыхъ судами эскадры адмирала Путятина краевъ, прибавя къ этому мои 23 года, все это какъ то разрывало сердце. Мною овладѣла какая то тихая, но глубокая грусть».

«Я провелъ на шкунѣ весь вечеръ и остался на ней ночевать. Пошли спросы и переспросы за ужиномъ, изготовленнымъ изъ мяса убитаго сивуча, надъ гастрономическимъ вкусомъ котораго Корсаковъ много смѣялся и время прошло незамѣтно. Никогда кажется не забуду я этого вечера. Милая и образованная простота въ обращеніи между собою офицеровъ, подъ руководствомъ отлично образованнаго и благороднаго характернаго Римскаго-Корсакова, соединяла между собою способныхъ молодыхъ офицеровъ, и, сказать по правдѣ, возбуждала во мнѣ грустную зависть».

Шкуна простояла въ Императорской гавани трое сутокъ; узнавъ отъ Бошняка, что въ посту недостатокъ въ стеклахъ, командиръ шкуны приказалъ вынуть изъ люковъ всѣ стекла, какія только возможно и удѣлить изъ своихъ запасовъ шесть ведеръ вина». Многихъ, можетъ быть, это вино—говоритъ Бошнякъ,—спасло отъ немилуемой могилы».

«23 октября раздался грустный для меня свистокъ; пары запумѣли, якорь поднялся и шкуна плавно вышла изъ гавани. Грустное прости и прости надолго тяжело отдалось въ моей душѣ. Я былъ на вельботѣ съ Гавриловымъ. Крѣпкимъ восточнымъ вѣтромъ накапунѣ ледъ вынесло изъ бухты и мы, продержавшись подъ веслами, пока шкуна не скрылась за мысомъ, возвратились на «Иртышъ», гдѣ была наша общая квартира».

«Октябрь прошелъ благополучно, больныхъ было немного. Казармы поспѣли подъ крышу, печи сложены изъ камня, ломаемаго отъ утесовъ гавани и все шло порядочно. Тогда я еще не имѣлъ понятія о силѣ этой убійственной болѣзни. Число рабочихъ рукъ стало быстро уменьшаться».

«Мы продолжали жить на «Иртышѣ». Цѣлый день въ капитанской каютѣ топился каминъ, а ночью, когда огонь не поддерживался, вода въ графинѣ замерзала. Несмотря на то, что мы кутались въ шубы, все же надобно было по-

думать, чтобы по крайней мѣрѣ было тепло; но долго пришлось ждать. Въ началѣ декабря моя команда перебралась во вновь выстроенныя казармы, а захворавшій офицеръ съ транспорта, подпоручикъ Чудиновъ,—въ домикъ построенный казаками. Начали строить было и офицерскій флигель; но тутъ цынга стала развиваться съ такою необыкновенной быстротой, что болѣе половины команды уже была въ постеляхъ. На работу выходило едва двадцать человѣкъ. Къ концу декабря число больныхъ увеличилось въ такой степени, что на работу едва выходило уже пять человѣкъ. Кое-какъ я отдѣлалъ къ 1 января 1854 года маленькую комнату въ $1^1/_2$ сажени шириною и въ $2^1/_2$ длиною, куда немедленно и перебрался. Въ ней мы встрѣтили новый годъ. Я, не бравши никогда картъ въ руки, сѣлъ на этотъ разъ играть въ преферансъ. 7 января перебрался ко мнѣ Гавриловъ и кондукторъ Баскаковъ и тутъ мы нѣсколько отогрѣлись. Между тѣмъ на «Николаѣ» устроились иначе: верхнюю палубу завалили ельникомъ и толстымъ слоемъ снѣга, въ каютахъ вездѣ поставили камины и свезли больныхъ на берегъ. Крѣпкое и новое судно съ двойной палубой надъ каютами, достаточно сопротивлялось суровой зимѣ и 30° мороза были для его обитателей менѣе чувствительны, нежели на «Иртышѣ».

«Такъ какъ свѣжаго у насъ ничего не было, то для поддержанія здоровья Гавриловъ предложилъ, по неимѣнію дичи, стрѣлять воронъ. За ворону была положена плата 20 коп. Люди принялись за дѣло, и теперь, когда все это черное время миновало, я не могу вспомнить безъ смѣха всѣ гастрономическія наставленія Гаврилова повару объ искусствѣ жаренья вороны. Попробовали,—на безрыбьи и ракъ рыба. Несмотря на все это, съ половины января начали умирать. Первою жертвою этой убійственной болѣзни былъ несчастный Чудиновъ, который умеръ почти скоропостижно. Самая ужасная смертность была съ 15 января по 15 февраля; рѣдкій день проходилъ безъ покойника, за то иногда по три сряду. На бѣду, болѣзнь повалила моихъ сожителей, Кликовстрема и двухъ его старшихъ штурмановъ, оставались здоровыми я, да Петракевичъ. Безъ доктора и безъ лѣкарствъ, съ однимъ

полубольнымъ фельдшеромъ, положеніе наше было просто ужасное. Уныніе на команду напало страшное. Ни бани, ни катальныя горы, ни устраиваемые вечера, ничто не могло ободрить духъ. Все смолкло, и тихія завѣщанія умирающихъ только и слышались въ казармѣ».

«Съ Крещенія уже здоровыхъ никого не было изъ всей военной команды. Работъ, по этому случаю, разумѣется, никакихъ. Нашихъ людей, несмотря на состояніе по спискамъ 60 человѣкъ, недоставало, чтобы рыть могилы и хоронить. Это все дѣлалось съ трудомъ и общими силами. Съ 15 февраля смертность начала постоянно ослабѣвать, но до 15 марта была все еще довольно сильна, съ 18 же апрѣля совершенно прекратилась».

Въ продолженіе зимы, Бошнякъ нѣсколько разъ посылалъ съ тунгузами почту въ Петровское, прося Невельского о возможно скорѣйшей присылкѣ оленей, причемъ въ послѣдніе разы ему уже приходилось доносить: «Константиновскій постъ и команда обстоятъ благополучно, здоровыхъ не имѣется».

Со своей стороны Невельской при первомъ извѣстіи о бѣдственномъ положеніи Бошняка, сдѣлалъ все возможное, чтобы облегчить участь людей, неожиданно собравшихся въ Императорской гавани. Онъ розыскалъ близъ Петровска тунгузовъ съ 8 оленями и сейчасъ же послалъ ихъ въ Маріинскъ, приказавъ начальнику поста Петрову возможно скорѣе отправить ихъ вмѣстѣ съ необходимыми запасами въ Константиновскій постъ по тому пути, по которому пришелъ оттуда Орловъ. По прибытіи въ Императорскую гавань, тунгузы должны были состоять въ распоряженіи Бошняка, охотиться за сохатыми и доставлять ихъ мясо въ Константиновскій постъ.

Кромѣ этого Невельской 15 января послалъ на двухъ партахъ, мичмана Разградскаго вверхъ по Амуру, въ селеніе Хунгари, гдѣ онъ долженъ былъ подрядить туземцевъ, которые согласились бы доставить въ Константиновскій постъ всѣ необходимые запасы.

Прибывъ къ устью Хунгари бравый и распорядительный мичманъ Разградскій прежде нежели отправить тунгузовъ въ Константиновскій постъ, послалъ вверхъ по Хунгари свою нарту съ кормомъ для собакъ нанятыхъ имъ нартъ, а затѣмъ, 27 января, самъ отправился вмѣстѣ съ тунгузами до того пункта, который считался на половинѣ пути въ Императорскую гавань.

Онъ проѣхалъ съ ними вверхъ по рѣкѣ Хунгари и ея притоку около 300 верстъ, въ теченіе четырехъ сутокъ, останавливаясь на ночлегъ въ одинокихъ юртахъ. Догнавъ здѣсь свою нарту, Разградскій далъ собакамъ суточный отдыхъ и затѣмъ отправилъ три нагруженныя запасами нарты съ двумя тунгузами и казакомъ въ Константиновскій постъ. Отъ этого пункта до Императорской гавани оставалось не болѣе 200 верстъ, и тунгузы расчитывали черезъ пять дней, т. е. 4 или 5 февраля явиться къ Бошняку. 1 февраля Разградскій тѣмъ же путемъ поѣхалъ обратно и 23 прибылъ въ Петровское.

Въ этотъ же день Невельской получилъ отъ Бошняка крайне грустное донесеніе, отъ 30 января, въ которомъ онъ сообщалъ, что запасовъ нѣтъ, цынга свирѣпствуетъ и люди умираютъ. «Этого и надо было ожидать»,—писалъ Бошнякъ,—«такъ какъ команда «Иртыша», буквально безъ ничего. Надежда на Бога и на скорую отъ Васъ помощь насъ всѣхъ еще одушевляетъ и поддерживаетъ».

Получивъ это донесеніе, Невельской сейчасъ же, 24 февраля, послалъ на двухъ партахъ, въ Императорскую гавань подп. Орлова, какъ знакомаго уже съ этимъ путемъ, снабдивъ его всѣми необходимыми запасами и медикаментами и поручивъ закупать по пути у туземцевъ водку, сухую черемшу и чеснокъ.

Благодаря тому, что начальникъ Маріинскаго поста, мичманъ Петровъ, распорядился заблаговременно заготовить въ двухъ мѣстахъ на этомъ пути кормъ для собакъ, Орловъ благополучно добрался до Императорской гавани, но помощь

пришла уже только къ началу марта, когда по словамъ Бошняка, «цынга добирала у насъ свои послѣднія жертвы, но и за то мы были благодарны, другихъ сохранили. Когда время болѣзни прошло, изъ 90 человѣкъ мы не досчитались 26. а выдавшійся мысокъ покрылся крестами. Кому изъ сослуживцевъ придется побывать въ этомъ мѣстѣ тяжелыхъ испытаній моей молодости,—того прошу не забыть тихимъ поклономъ и крестомъ за меня почтить память моихъ несчастныхъ товарищей-страдальцевъ. Графъ Путятинъ хотѣлъ поставить въ этомъ мѣстѣ церковь въ 1854 году; обстоятельства не позволили этого исполнить; надѣюсь, не забудутъ этого скромнаго и привѣтливаго желанія тѣ, которыхъ судьба назначитъ возводить въ тѣхъ мѣстахъ что нибудь».

Можно представить себѣ радость лейтенанта Бошняка, когда послѣ такой ужасной зимы въ совершенной пустынѣ, 17 апрѣля, уже поздно вечеромъ, къ нему вбѣжалъ казакъ Парфентьевъ съ докладомъ, что пріѣхалъ на вельботѣ командиръ корвета «Оливуца», капитанъ лейтенантъ Н. Н. Назимовъ. и прошелъ на «Иртышъ». Оказалось, что корветъ возвращался изъ отряда адмирала Путятина, но за льдомъ не могъ войти въ Императорскую гавань, поэтому Назимовъ на вельботѣ пробрался въ бухту, чтобы получить свѣдѣнія о дѣйствіяхъ Амурской экспедиціи.

Помимо большого нравственнаго вліянія на команду Константиновскаго поста, приходъ корвета сразу совершенно измѣнилъ матеріальное положеніе уцѣлѣвшихъ нижнихъ чиновъ. Какъ только корветъ на другой день вошелъ въ бухту, Назимовъ сейчасъ же прислалъ своего доктора и фельдшера, (постовой фельдшеръ былъ въ цынгѣ и едва держался на ногахъ), съ медикаментами и провизіей. Двѣ чарки вина каждый день, чай съ ромомъ, консервы, затѣмъ весенній воздухъ и показавшаяся дичь, а главное безпрерывныя сношенія со свѣжей бодрой корветской командой замѣтно укрѣпили людей и съ тѣхъ поръ не было ни одного смертнаго случая.

Въ день прихода «Оливуцы» въ Императорскую гавань состояніе Константиновскаго поста было такое: командиръ транспорта «Иртышъ», лейтенантъ Гавриловъ лежалъ при смерти; старшій его офицеръ въ могилѣ; кондукторъ также при смерти, здоровой команды 13 человѣкъ, 10 человѣкъ больныхъ и 13 въ могилѣ. На «Николаѣ», командиръ и два старшихъ помощника—больные, оставался одинъ младшій съ 18 человѣками команды; изъ постовой команды 4 здоровыхъ, 8 больныхъ и 13 въ могилѣ. Суда, послѣ такой страшной зимовки были въ самомъ безпорядочномъ видѣ.

Такъ какъ транспортъ «Иртышъ» оказался совсѣмъ безъ офицеровъ, то Назимовъ назначилъ командиромъ его капитанъ лейтенанта Чихачева, теперь уже старшаго офицера корвета «Оливуца», а всѣхъ больныхъ перевелъ къ себѣ на корветъ, послѣ чего транспортъ ушелъ въ Аниву. Одновременно въ Императорскую гавань пришелъ баркъ рос.-америк. компаніи «Меншиковъ», состоявшій въ отрядѣ адмирала Путятина, подъ командой лейтенанта Фуругельма, а вскорѣ пришли фрегатъ «Паллада» подъ вице-адмиральскимъ флагомъ и шкуна «Востокъ». Такимъ образомъ въ этой глухой мѣстности Императорской гавани одновременно сосредоточились: фрегатъ «Паллада», подъ вице-адмиральскимъ флагомъ, корветъ «Оливуца», шкуна «Востокъ» и транспорты «Двина», «Иртышъ», «Меншиковъ» и «Николай».

Адмиралъ Путятинъ привезъ извѣстіе о начавшейся войнѣ съ Турціей и о возможности разрыва съ западными державами. Онъ сейчасъ же послалъ шкуну «Востокъ» въ заливъ де-Кастри, извѣстить Невельского и генералъ-губернатора Муравьева о своемъ прибытіи и о намѣреніи укрѣпиться въ Императорской гавани, причемъ требовалъ присылки обмундированія, матеріяловъ и продовольственныхъ запасовъ.

Чтобы не подвергать Муравьевскій постъ на Сахалинѣ нападенію непріятельскихъ крейсеровъ, адмиралъ послалъ транспорты «Меншиковъ» и «Николай» въ Анину, съ приказаніемъ маіору Буссе снять постъ и доставить все въ Импе-

раторскую гавань, что вскорѣ и было исполнено. Шкуна «Востокъ» вернулась изъ де-Кастри съ генералъ-губернаторомъ Муравьевымъ 14 іюня, и, по словамъ Бошняка, «громъ орудій фрегата въ первый разъ огласилъ дикія и угрюмыя окрестности гавани».

Тяжелое положеніе, выпавшее на долю лейтенанта Н. К. Бошняка въ Императорской гавани и его дѣятельность въ амурской экспедиціи, обязываетъ привести еще нѣсколько словъ изъ его статьи, относящихся лично до него: «Страшное дѣло»—говоритъ Бошнякъ,—«всю зиму, и тяжелую зиму я былъ здоровъ, а къ веснѣ, когда все стало поправляться, показались признаки той же болѣзни и у меня. Вѣрно нравственная пытка тяжелѣе физической».

Къ великой радости Бошняка генералъ-губернаторъ разрѣшилъ ему отправиться въ продолжительный отпускъ для поправленія совершенно истощенныхъ силъ. Онъ на другой день, вмѣстѣ съ Муравьевымъ, отправился на шкунѣ «Востокъ» въ де-Кастри и оттуда въ Петровское, гдѣ «едва не сдѣлался жертвой скудости средствъ зимовья и неудобства окружающей мѣстности. Два казака—Парфентьевъ и Бѣлохвостовъ, бывшіе со мною на байдаркѣ, потонули, а я выплылъ и прибрежными бурунами былъ выброшенъ на берегъ».

«Черезъ два дня шкуна была готова къ отходу въ Аянъ и я, имѣя въ карманѣ отпускной билетъ, съ радостнымъ трепетомъ перешелъ на шкуну; 7 іюля мы пришли въ Аянъ, а 9, верхомъ, съ тремя вьючными лошадьми, я уже катилъ по «московскому тракту». Быстро миновалъ я Якутскъ, роскошную Лену, Иркутскъ, останавливаясь только для того, чтобы перевести духъ и черезъ 53 дня со дня выѣзда изъ Аяна, 3 сентября, завидѣлъ куполы церквей города Костромы. Вотъ въѣхалъ въ заставу на почтовую станцію, беру лошадей и въ полночь ямщикъ заворотилъ въ деревянныя ворота роднаго дома. Кто былъ въ подобномъ положеніи, особенно послѣ таковой жизни, какова была моя, тотъ пойметъ мою радость при видѣ роднаго уголка, гдѣ прошли первые дни молодости,

гдѣ сердце и душа вдали отъ холодныхъ столичныхъ привѣтовъ были такъ чисты и теплы. Но довольно, далѣе слѣдовали горькія семейныя обстоятельства; еще не суждено мнѣ было отдохнуть вполнѣ».

Тяжкія бѣдствія, перенесенныя лейтенантомъ Бошнякомъ въ Императорской гавани, а затѣмъ гибель Парфентьева и Бѣлохвостова въ Императорской гавани, несомнѣнно очень сильно повліяли на его здоровье и онъ окончилъ жизнь, въ сравнительно еще молодые годы, въ сумасшедшемъ домѣ на чужбинѣ въ Миланѣ.

Въ настоящее время, когда въ Николаевскѣ на Амурѣ готовится къ постановкѣ памятникъ Начальнику Амурской Экспедиціи Геннадію Ивановичу Невельскому, можетъ быть, было бы своевременно вспомнить о трогательномъ завѣщаніи Начальника Константиновскаго поста Н. К. Бошняка и соорудить на этомъ выдающемся мысѣ въ Императорской гавани, вмѣсто деревянныхъ крестовъ болѣе прочный памятникъ или часовню. Слѣдовало бы здѣсь же поставить особый крестъ въ память самаго Бошняка, увѣковѣчивъ и ту надпись, которая была имъ оставлена 23 мая 1853 года, при открытіи Императорской гавани. Точно также слѣдовало бы почтить память и этихъ бравыхъ казаковъ Семена Парфентьева и Кирилла Бѣлохвостова, бывшихъ почти постоянными сотрудниками лейтенанта Бошняка и такъ трагически погибшимъ въ заливѣ Счастія въ Іюнѣ 1854 года.

Ничего еще не зная о бѣдственномъ положеніи, въ какомъ оказались наши команды въ Императорской гавани, Невельской допослалъ генералъ-губернатору о сдѣланныхъ имъ предписаніяхъ Бошняку, чтобы онъ, съ открытіемъ навигаціи, пошелъ на кораблѣ «Николай» вдоль Татарскаго берега къ широтѣ 46° 30′. Высадившись тамъ на берегъ со шлюпкою и байдаркою и отославъ корабль «Николай» въ Аниву въ распоряженіе маіора Буссе, онъ долженъ былъ производить изслѣдованіе морского берега далѣе къ югу съ такимъ разсчетомъ, чтобы къ 5 іюня вернуться къ мѣсту высадки. Къ этому времени Невельской разсчитывалъ быть тамъ на

транспортѣ «Байкалъ», чтобы основать военные посты въ тѣхъ бухтахъ, которыя по произведеннымъ изслѣдованіямъ, окажутся болѣе закрытыми и имѣющими удобное внутреннее сообщеніе съ Уссури и Амуромъ.

Въ томъ же донесеніи Невельской просилъ распоряженія генералъ-губернатора, чтобы изъ числа людей, назначенных по новому штату въ составъ амурской экспедиціи было отдѣлено 30 человѣкъ для основанія поста на устьѣ р. Уссури какъ центральномъ пунктѣ Нижне-Амурскаго и Уссурійска бассейновъ и ближайшемъ къ южному прибрежью Уссурійскаго края и гдѣ было бы всего удобнѣе сосредоточить главное управленіе краемъ; другими словами, Невельской указывалъ именно на тотъ пунктъ, гдѣ теперь Хабаровскъ съ памятникомъ графу Муравьеву-Амурскому.

Указывая на необходимость поставить постъ изъ десяти человѣкъ на устьѣ рѣки Хунгари для удобства сообщенія между Маріинскомъ, устьемъ Уссури и Императорской гаванью Невельской просилъ распоряженія генералъ-губернатора, чтоб команды, назначенныя въ экспедицію, снабжались инструментами, матеріалами и теплою одеждою, такъ какъ дѣятельность въ этомъ краѣ, по обширному и пустынному его положенію, надолго еще сохранитъ такой характеръ, что топоръ и заступъ должны имѣть первенствующее мѣсто.

Заканчивая это донесеніе, Невельской повторялъ свои доводы относительно необходимости имѣть военные посты, разбросанные по побережью Уссурійскаго края и на островѣ Сахалинѣ, особенно въ виду ожидаемой возможности разрыва съ западными державами; онъ надѣялся, что этимъ можно будетъ привлечь непріятельскій флотъ къ блокадѣ нашихъ береговъ и тѣмъ заставить фактически признать весь этотъ край принадлежностью Россіи. При такихъ условіяхъ команды на постахъ ничѣмъ не рисковали, такъ какъ въ случаѣ высадки, онѣ всегда имѣли бы время отступить по пути непзвѣстному непріятелю, въ дикой, горпстой и бездорожной мѣстности; для этого пришлось бы только озаботиться, чтобы, при отступленіи, всѣ посты, какъ на морскомъ побережьи такъ и на Сахалинѣ, своевременно снабжались продовольствіемъ.

По этимъ соображеніямъ Невельской доказывалъ, что въ случаѣ разрыва съ западными державами, намъ надлежало *не сосредоточиваться*, а напротивъ *разсредоточиваться* малыми отрядами изъ 8 или 10 человѣкъ и, заранѣе обезпечивъ сообщенія въ краѣ съ его прибрежьемъ, нисколько не опасаться блокады нашихъ береговъ непріятелемъ. Что касается вторженія непріятеля съ моря во внутрь страны, то Невельской еще разъ повторялъ, что «этого намъ нечего опасаться, ибо банки лимана, опасное, трудное и неизвѣстное для непріятеля плаваніе по оному, пустынныя, лѣсныя, гористыя и бездорожныя прибрежья, удаленіе края отъ цивилизованныхъ портовъ и наконецъ неизвѣстность для непріятеля нашей силы и средствъ въ оном составляютъ непреоборимыя, можно сказать, преграды для подобныхъ вторженій съ моря».

Единственно, что безпокоило Невельского это то, что экспедиція все еще не имѣла средствъ изслѣдовать лиманъ, въ видахъ отысканія въ немъ болѣе глубокихъ фарватеровъ, поэтому онъ повторялъ свое ходатайство о скорѣйшей присылкѣ въ экспедицію винтового судна, крайне необходимаго и для другихъ цѣлей.

Несмотря на громадное разстояніе, отдѣлявшее его отъ властей, при неустройствѣ почтоваго сообщенія, Невельской продолжалъ съ каждой отходящей почтой доносить генералъ-губернатору о необходимости расширить дѣятельность Амурской экспедиціи. Теперь онъ съ удвоенной энергіей представлялъ Н. Н. Муравьеву всѣ доводы въ пользу настоятельной необходимости отыскать на морскомъ побережьи такую гавань, въ которую наши суда могли бы входить возможно позднѣе и выходить какъ можно раньше. Императорская гавань, несмотря на превосходное очертаніе ея береговъ, не могла удовлетворить этой цѣли, равно какъ и заливъ де-Кастри, пригодные лишь какъ станціи для нашихъ военныхъ судовъ.

Первое извѣстіе объ объявленіи войны съ Турціей и о возможности разрыва съ Англіей и Франціей Невельской получилъ отъ генералъ-губернатора 17 февраля 1854 г. Вмѣстѣ съ этимъ Муравьевъ сообщалъ, что въ Забайкальѣ на рѣкѣ

Шилкѣ строится для рѣки Амуръ пароходъ «Аргунь» и что экспедиція полковника Ахте, направленная имъ въ Удской край, по тщательномъ изслѣдованіи Яблоноваго хребта около верховьевъ рѣки Уди, подтвердила донесеніе Невельского о томъ, что только верхнюю часть Амура можно считать принадлежностью Китая, а вся страна къ востоку несомнѣнно принадлежитъ Россіи.

Такимъ образомъ эти груды кампей, усмотрѣнныя академикомъ Миддендорфомъ въ разныхъ мѣстахъ вдоль Яблоноваго хребта и причинявшія такое безпокойство въ Петербургѣ, окончательно разсыпались. Съ другой стороны всѣ распоряженія Невельского и достигнутые имъ результаты, какъ можно видѣть, постоянно получали Высочайшее одобреніе, несмотря на то, что они дѣлались въ противность категорическихъ предписаній изъ Петербурга и часто вопреки прямымъ приказаніямъ и подтвержденіямъ изъ Иркутска.

Относительно этой экспедиціи полковника Ахте слѣдуетъ упомянуть, что еще въ 1848 году, послѣ того, какъ недоступность устья Амура для морскихъ судовъ была окончательно установлена Гавриловымъ, правительство приняло рѣшеніе опредѣлить болѣе точно сухопутную границу съ Китаемъ и тѣмъ прекратить часто повторявшуюся непріятную переписку объ этомъ предметѣ съ Китайскимъ правительствомъ.

При заключеніи Головинымъ Нерчинскаго трактата всѣ земли къ востоку отъ Станового хребта не были извѣстны ни намъ, ни китайцамъ, почему и остались неразграниченными, а наша восточная граница съ Китаемъ отъ устья рѣки Горбицы, впадающей въ Шилку къ Тугурской губѣ, въ Охотскомъ морѣ считалась приблизительною. Вотъ это обстоятельство и послужило для Геннадія Ивановича фундаментомъ, на которомъ онъ основалъ всѣ свои дѣйствія при рѣшеніи пограничнаго вопроса.

Въ то время въ генеральномъ штабѣ не имѣлось никакихъ положительныхъ топографическихъ данныхъ относительно всей мѣстности вдоль нашей восточной границы съ Китаемъ и все

показанное на картахъ въ этомъ районѣ не заслуживало никакого довѣрія. Въ генеральномъ штабѣ имѣлись лишь неопредѣленныя свѣдѣнія о томъ, что посланный для изслѣдованія Восточной Сибири академикъ Миддендорфъ видѣлъ въ Удскомъ Краѣ поставленные китайцами каменные столбы, которые онъ призналъ за пограничные. Поэтому для болѣе точнаго опредѣленія нашей границы съ Китаемъ и было рѣшено снарядить особую секретную экспедицію изъ офицеровъ корпуса горныхъ инженеровъ, путей сообщенія и топографовъ.

Составленный по этому предмету докладъ былъ по Высочайшему повелѣнію переданъ на заключеніе министра иностранныхъ дѣлъ графа Нессельроде, который донесъ Государю Императору, что «осмотръ пространства между Горбицею и Удью, по отдаленности отъ обитаемыхъ мѣстъ Китая можетъ быть допущенъ безъ особенныхъ неудобствъ въ политическомъ отношеніи, но съ однимъ условіемъ, чтобы осмотръ этотъ былъ сдѣланъ съ осторожностью, и чтобы начальнику экспедиціи поставлено было въ непремѣнную обязанность не приближаться къ рѣкѣ Амуру и избѣгать всякихъ столкновеній съ китайцами; отъ дѣйствій же по изслѣдованію рѣки Амуръ, какъ могущихъ встревожить китайцевъ, должно воздерживаться до благопріятныхъ обстоятельствъ».

Чтобы снаряженіе этой экспедиціи не могло подать повода къ толкамъ, ей велѣно было именоваться «Экспедиціей для изслѣдованія Забайкальскаго Края», причемъ работы въ пограничной части графъ Нессельроде предлагалъ производить лучше на сѣверной покатости горъ, т. е. въ мѣстахъ неоспоримо принадлежащихъ Россіи. Что же касается земель южной покатости, то положительно воспрещалось приближаться къ Амуру и къ населеннымъ мѣстамъ Китая. Въ случаѣ встрѣчи съ Китайцами, на вопросы ихъ приказано было отвѣчать, что «люди зашли съ промышленною цѣлью для отысканія звѣриныхъ промысловъ. Срокъ дѣйствія экспедиціи опредѣлялся на три года, причемъ усмотрѣнные Миддендорфомъ пограничные столбы поручено было осмотрѣть лишь въ третій годъ и то въ такомъ случаѣ, если начальникъ экспедиціи

успѣетъ собрать достовѣрныя свѣдѣнія, что совершить это можно съ успѣхомъ, не возбуждая подозрѣнія китайцевъ.

8-го февраля 1849 года состоялось Высочайшее повелѣніе отправить сухопутную экспедицію въ Восточную Сибирь подъ начальствомъ полковника Генеральнаго Штаба Ахте, въ составъ которой вошли астрономъ Шварцъ, горные инженеры Меглицкій и Кованько и нѣсколько топографовъ съ особою командою для развѣдокъ. Въ данной начальнику экспедиціи инструкціи было подтверждено, что «осторожность въ дѣйствіяхъ должна быть первымъ и непремѣннымъ ея правиломъ» (*).

Вообще посылка этой экспедиціи была обставлена большой тайной до такой степени, что снаряженіе ея производилось даже безъ предварительныхъ сношеній съ генералъ-губернаторомъ Муравьевымъ. Онъ узналъ о ея снаряженіи только въ Якутскѣ на своемъ пути въ Камчатку. Опасаясь, что дѣйствія экспедиціи могутъ повредить его планамъ относительно устья Амура, Муравьевъ сейчасъ же сдѣлалъ распоряженіе остановить ее въ Иркутскѣ, о чемъ изъ Якутска донесъ Государю Императору, въ собственныя руки. Представляя свои соображенія о несвоевременности подобной экспедиціи пока мы не укрѣпимся въ устьѣ Амура генералъ-губернаторъ просилъ разрѣшенія Государя повременить отправленіемъ экспедиціи и по важности вопроса сдѣлать по этому предмету личный докладъ.

Этотъ докладъ состоялся 22 апрѣля 1853 года, въ присутствіи Наслѣдника престола, великаго князя Константина Николаевича и военнаго министра, причемъ былъ потребованъ къ докладу и полковникъ Ахте.

Выслушавъ доводы генералъ-губернатора относительно важности для Россіи обладанія Амуромъ, Государь, указывая на картѣ на устье Амура замѣтилъ: «*Все это хорошо, но я вѣдь долженъ посылать защищать это изъ Кронштадта;*» на что Муравьевъ отвѣтилъ: «*Кажется нѣтъ надобности, Государь, такъ издалека*» и, указавъ на Забайкалье, прибавилъ: «*можно*

(*) П. В. Шумахеръ. Рус. Арх. 1878 г. кн. III, стр. 266—274.

и ближе подкрѣпить». Тогда Государь, положивъ руку на его голову, сказалъ: «*Эхъ, Муравьевъ ты право когда нибудь сойдешь съ ума отъ Амура*». Когда же Муравьевъ отвѣтилъ: «*Сами обстоятельства указываютъ этотъ путь*», то Государь сказалъ: «*Ну, такъ пусть же обстоятельства къ этому и приведутъ, подождемъ*». Говоря это, Государь Императоръ, конечно, далекъ былъ отъ мысли, что не пройдетъ и года, какъ обстоятельства вынудятъ его дать согласіе на сплавъ войскъ изъ Забайкалья къ устью Амура.

Изъ оффиціальной переписки генералъ-губернатора Муравьева видно, что, въ своихъ представленіяхъ въ Петербургъ, онъ неоднократно указывалъ на ту опасность, какая угрожала Сибири, если бы англичане основали свои колоніи въ низовьяхъ Амура и на островѣ Сахалинѣ. Муравьевъ доказывалъ, что для полнаго обладанія торговлей Китая англичанамъ нужно устье Амура, «а между тѣмъ—писалъ Муравьевъ,—кто будетъ владѣть устьемъ Амура тотъ будетъ владѣть Сибирью и владѣть прочно, по крайней мѣрѣ до Байкала. Со всею вѣроятностью можно сказать, что лишь только мы оставимъ Амуръ, то или англичане или американцы немедленно завладѣютъ имъ и уже не будутъ такъ вѣжливы съ сосѣдями«.

Еще въ 1849 году Н. Н. Муравьевъ сообщалъ министру внутреннихъ дѣлъ, что англичане, путешествующіе по Сибири, собираютъ свѣдѣнія о Камчаткѣ, объ Амурѣ и о сообщеніи этихъ мѣстъ съ Восточной Сибирью. Что подъ видомъ туристовъ или невинныхъ ревнителей науки и какъ бы изъ любезности давая уроки англійскаго языка, они втираются во всѣ слои общества и съ кажущимся простодушіемъ тайно слѣдятъ за всѣмъ, что касается вопроса о рѣкѣ Амуръ.

Между прочимъ Муравьевъ упоминаетъ объ одномъ англичанинѣ Остенѣ, который, прибывъ въ Иркутскъ въ его отсутствіе, сейчасъ же переправился черезъ Байкалъ и проѣхалъ почтовымъ трактомъ въ Нерчинскъ. Тамъ онъ приступилъ къ постройкѣ плота, на которомъ предполагалъ спуститься внизъ по Шилкѣ и Амуру къ морскому берегу, въ надеждѣ найти тамъ китоловное судно и добраться на немъ до материка Америки. Муравьевъ узналъ объ этомъ въ Верхнеудинскѣ

и сейчасъ же послалъ въ догонку топографа Воганова, съ приказаніемъ возвратить англичанина живого или мертваго въ Иркутскъ; черезъ десять дней Вогановъ вернулся вмѣстѣ съ Остеномъ.

«Да сброситъ съ себя Россія,—писалъ Муравьевъ М. С. Корсакову,—иго этихъ островитянъ, которые тяготѣютъ надъ нами 53-й годъ и препятствуютъ ей, матушкѣ, развиться. Ни турокъ, ни черкесъ, ни французъ, ни нѣмецъ, ни демократъ, ни демагогъ—главные враги Россіи и великаго ея Государя: они болтаютъ, но смиряются, — одни англичане повелѣваютъ».

Графъ Нессельроде, какъ всегда, возставалъ, насколько могъ, противъ всѣхъ представленій генералъ-губернатора. Онъ признавалъ крайне неудобнымъ приступать къ рѣшительнымъ дѣйствіямъ, не имѣя къ тому никакихъ законныхъ поводовъ, а основываясь лишь на гадательныхъ и во всякомъ случаѣ не могущихъ быстро совершиться предположеніяхъ, что англичане завладѣютъ политикою Китая, тогда какъ это могло повлечь за собою самыя непріятныя для насъ послѣдствія, разстройство нашихъ дружественныхъ и торговыхъ связей съ китайцами и даже вмѣшательство другихъ державъ въ это дѣло.

При такомъ отношеніи министра иностранныхъ дѣлъ къ вопросу о присоединеніи рѣки Амуръ къ Россійскимъ владѣніямъ, онъ вѣроятно не скоро еще получилъ бы благопріятное разрѣшеніе, еслибы не возгорѣвшаяся тогда Крымская война, вызвавшая необходимость позаботиться о подкрѣпленіи Петропавловска войсками и продовольствіемъ.

Ожидавшійся разрывъ съ западными державами и одобренные Государемъ Императоромъ результаты, достигнутые Амурской экспедиціей, давали Н. Н. Муравьеву надежду, что въ концѣ концовъ будетъ разрѣшено плаваніе по Амуру; поэтому онъ поручилъ состоявшему при немъ для особыхъ порученій капитану 2 ранга П. В. Казакевичу сдѣлать промѣръ рѣки Шилки и наблюдать за строившимся на Шилкинскомъ заводѣ корабельнымъ инженеромъ Шарубинымъ 60-ти сильнымъ пароходомъ «Аргунь».

Съ почтою, пришедшей въ Петровское 12 апрѣля 1854 г., Невельской получилъ Высочайшую награду: Владиміра 3 ст., причемъ генералъ-губернаторъ увѣдомлялъ его, что Государь Императоръ остался весьма доволенъ его рѣшительными дѣйствіями по занятію главнаго пункта на Сахалинѣ, Тамари-Анива. Одновременно Муравьевъ сообщалъ, что команды, назначенныя для укомплектованія по штату экспедиціи, вѣроятно спустятся по Амуру изъ Срѣтенска.

Усматривая изъ этого, что его ходатайство объ оставленіи 40 человѣкъ людей на Уссури и Хунгари придетъ уже послѣ выступленія людей изъ Срѣтенска, а между тѣмъ рѣка Амуръ противъ устьевъ этихъ рѣкъ очень широка и наполнена лабиринтомъ острововъ и протоковъ, вслѣдствіе чего спускъ здѣсь баржъ не только затруднителенъ, но и опасенъ, Невельской сейчасъ же командировалъ вверхъ по Амуру, къ устью Уссури, мичмана Разградскаго, приказавъ ему принять всѣ мѣры къ тому, чтобы туземцы провожали здѣсь наши суда при слѣдованіи ихъ внизъ по Амуру. Вмѣстѣ съ этимъ Невельской послалъ предписаніе начальнику отряда этихъ судовъ, оставить 30 человѣкъ въ устьѣ Уссури и 10 у Хунгари со всѣмъ тѣмъ довольствіемъ, запасами и матеріалами, съ какими эти люди сплавляются.

Между тѣмъ 4 мая Невельской получилъ увѣдомленіе генералъ-губернатора, что онъ самъ спускается съ командами для укомплектованія экспедиціи и для подкрѣпленія Петропавловскаго порта; что онъ предписалъ адмиралу Завойко прислать къ 15 мая за этими людьми суда въ заливъ де-Кастри и что онъ разсчитываетъ быть съ командами въ Маріинскѣ къ 20 мая, почему предписываетъ Невельскому быть къ этому времени тамъ. Хотя Муравьевъ ничего не сообщалъ Невельскому о разрывѣ съ западными державами, но личное его прибытіе и необходимость въ подкрѣпленіи Петропавловска давали Невельскому основаніе предполагать, что разрывъ уже послѣдовалъ.

Въ это время въ При-Амурскомъ краѣ находилось: въ Петровскомъ 25 человѣкъ, при кремневыхъ дрянныхъ ружьяхъ, выбранныхъ изъ оставшихся въ Охотскѣ. Въ Нико-

лаевскомъ 30 человѣкъ при 30-ти такихъ же ружьяхъ и двухъ 3 фунт. пушкахъ, изъ которыхъ изъ одной только можно было стрѣлять. Въ Маріинскомъ постѣ 8 человѣкъ и въ де-Кастри 10 человѣкъ, съ такими же ружьми при одной 3 фунт. пушкѣ. Пороху во всей экспедиціи было $1^1/_2$ пуда и снарядовъ по 25 на орудіе.

Несмотря на такую «боевую готовность» Амурской экспедиціи, Невельской нисколько не смущался возможностью вражескаго нападенія. Онъ былъ увѣренъ, что непріятельскому флоту здѣсь нечего больше дѣлать, какъ блокировать пустынные берега, а этого, какъ выше объяснено, онъ больше всего желалъ. Что же касается нашихъ судовъ, бывшихъ въ это время при экспедиціи, то онъ расчитывалъ на возможность ввести ихъ въ устье Амура, ранѣе прихода непріятеля, и въ этихъ видахъ сдѣлалъ всѣ предварительныя распоряженія: «Но всѣ они—говоритъ Невельской,—были противоположны мнѣнію, сложившемуся тогда у людей, которые шли туда располагать нашими дѣйствіями».

Предписаніе генералъ-губернатора было получено въ Петровскомъ въ самую ужасную распутицу, когда заливъ Счастья былъ еще покрытъ льдомъ, тѣмъ не менѣе Невельской поспѣшилъ выбраться изъ Петровска и 8 мая, съ большимъ трудомъ, черезъ горы, по снѣгу и водѣ, верхомъ на оленяхъ и пѣшкомъ добрался до Николаевска, а оттуда на байдаркѣ съ двумя казаками поѣхалъ на встрѣчу генералъ-губернатору. Проходя Маріинскъ, онъ взялъ съ собою мичмана Разградскаго и на той же байдаркѣ поднялся на 500 верстъ вверхъ по Амуру, приготовляя по пути проводниковъ для безопаснаго плаванія спускавшихся съ генералъ-губернаторомъ судовъ.

5-го іюня, Невельского нагналъ нарочный изъ Маріинска, съ увѣдомленіемъ, что въ заливъ де-Кастри пришли изъ Петропавловска два транспорта, и изъ Импер. гавани винтовая шкуна «Востокъ», посланная адмираломъ Путятинымъ съ извѣстіемъ о состоявшемся разрывѣ съ западными державами. Оставивъ Разградскаго ожидать прибытія Муравьева, Невельской 6 іюня на байдаркѣ отправился обратно въ Маріинскъ и, прибывъ 11 въ де-Кастри, засталъ на рейдѣ транспорты

«Двина», «Иртышъ» и «Байкалъ» и паровую шкуну «Востокъ», командиръ которой, кап. лейт. Римскій-Корсаковъ, сообщилъ, что вице-адм. Путятинъ получилъ въ Японіи Высочайшее повелѣніе отправиться съ судами своей эскадры къ берегамъ Амура, вслѣдствіе чего адмиралъ послалъ корветъ «Оливуца» на подкрѣпленіе Петропавловска, а самъ на фрегатѣ «Паллада» прибылъ 20 мая въ Императорскую гавань. Заставъ тамъ транспортъ «Иртышъ» и корабль рос.-америк. компаніи «Кн. Меншиковъ», онъ послалъ ихъ въ заливъ Анива снять Муравьевскій постъ, а людей съ маіоромъ Буссе доставить въ Императорскую гавань.

Едва только Невельской прибылъ въ де-Кастри, какъ получилъ увѣдомленіе о приходѣ въ Маріинскъ парохода «Аргунь», и что вслѣдъ за нимъ спускается по Амуру генералъ-губернаторъ со своей флотиліей. Невельской сейчасъ же поспѣшилъ навстрѣчу Муравьеву; онъ встрѣтилъ его въ семи верстахъ выше Маріинска утромъ 14 мая, а въ полдень почти вся флотилія собралась у Маріинскаго поста, состоявшаго тогда изъ 8 человѣкъ матросовъ, подъ начальствомъ мичмана Разградскаго.

Принявъ здѣсь поздравленіе съ благополучнымъ прибытіемъ перваго сплава русскихъ людей по Амуру, Н. Н. Муравьевъ, передавая Невельскому Высочайшую благодарность, выразилъ и свою личную признательность за всѣ его дѣйствія и распоряженія, а также передалъ признательность князя Меншикова и министра внутреннихъ дѣлъ Л. А. Перовскаго, бывшаго постояннымъ его заступникомъ передъ Государемъ Императоромъ. Перовскій поручилъ также Н. Н. Муравьеву передать Е. И. Невельской браслетъ, съ просьбою принять этотъ подарокъ, въ знакъ его глубокаго къ ней уваженія, какъ раздѣлявшей всѣ лишенія и опасности, выпавшія на долю амурской экспедиціи.

По словамъ Г. И. Невельского внезапная рѣшимость высшаго правительства дозволить генералъ-губернатору сплавить людей внизъ по рѣкѣ Амуру, считавшейся въ то время китайскою, послѣдовала при такихъ обстоятельствахъ:

Вслѣдствіе ожидавшагося весной 1853 года разрыва съ западными державами, генералъ-губернаторъ лично отправился въ Петербургъ, для обсужденія мѣропріятій по защитѣ ввѣреннаго ему края. Представляясь Государю Императору, Н. Н. Муравьевъ между прочимъ докладывалъ, что результаты произведенныхъ экспедиціей подполковника Ахте изслѣдованій въ Удскомъ краѣ вполнѣ подтвердили выводы, полученные Амурской экспедиціей о направленіи Хинганскаго хребта и главныхъ притоковъ Амура, и что такимъ образомъ, по точному смыслу Нерчинскаго трактата, рѣка Амуръ должна принадлежать Россіи. Руководствуясь этими соображеніями и въ виду невозможности доставить въ Петропавловскъ войска, оружіе и продовольствіе берегомъ, генералъ-губернаторъ просилъ разрѣшенія Государя сплавить войска по Амуру.

Вопросъ этотъ былъ переданъ на обсужденіе особаго комитета, гдѣ, послѣ долгихъ преній было рѣшено: «Плыть по рѣкѣ Амуръ». Утверждая это рѣшеніе, Государь однако сказалъ Муравьеву: *«чтобы при этомъ не пахло пороховымъ дымомъ»*.

Въ февралѣ 1854 года, Муравьевъ выѣхалъ изъ Петербурга въ Иркутскъ и уже въ началѣ мая былъ на Шилкинскомъ заводѣ, гдѣ его ожидали 75 грузовыхъ баржъ и никогда невиданный въ Забайкальѣ пароходъ «Аргунь».

По словамъ сопровождавшаго генералъ-губернатора, дипломатическаго чиновника Свербеева «вся флотилія 14 мая, послѣ напутственнаго молебна, передъ древней иконой Божіей Матери, вынесенной изъ Албазина, и при салютѣ изъ албазинской пушки, начала спускаться внизъ по Шилкѣ, причемъ впереди всѣхъ плылъ на своей лодкѣ генералъ-губернаторъ. 18 мая флотилія вступила въ воды Амура; трубачи играли «Боже Царя Храни», всѣ встали на лодкахъ, сняли шапки и осѣнились крестнымъ знаменіемъ; генералъ-губернаторъ, зачерпнувъ въ стаканъ амурской воды, поздравилъ всѣхъ съ открытіемъ плаванія по рѣкѣ; раздалось восторженное ура и суда понеслись по гладкой поверхности Амура».

«20 мая флотилія проходила мимо того мѣста, гдѣ 165 лѣтъ назадъ существовалъ Албазинскій острогъ, слѣды котораго еще

были видны. Когда суда пристали къ этому пустынному холму, священному по преданіямъ, музыка на флотиліи играла «Коль славенъ нашъ Господь въ Сіонѣ»; на всѣхъ судахъ скомандовали на молитву, всѣ встали и сняли шапки. Въ этомъ молитвенномъ приближеніи къ мѣсту древняго обиталища нашихъ соотечественниковъ, уже давно почившихъ, слышалось благоговѣйное почтеніе потомковъ къ историческому пепелищу, гдѣ жили русскіе люди, гдѣ они такъ долго и такъ храбро отстаивали права своего владѣнія».

28 мая флотилія подошла къ китайскому городу Айгуну; здѣсь Н. Н. Муравьевъ имѣлъ свиданіе съ губернаторомъ, причемъ перепуганные китайцы просили только объ одномъ, чтобы наша флотилія возможно скорѣе миновала городъ.

За неимѣніемъ карты Амура, о пройденномъ разстояніи приходилось соображать по простой географической картѣ, поэтому можно себѣ представить, каково было разочарованіе Муравьева и его спутниковъ, когда 5 іюня, считая, что флотилія уже подходитъ къ Маріинску, онъ узналъ отъ встрѣтившаго его Разградскаго, что до Маріинска остается еще около 500 верстъ. Съ другой стороны, начиная отъ этого пункта, флотилія, благодаря распорядительности Невельского, встрѣчала на своемъ пути проводниковъ и получала рыбу и другую провизію, чего не было раньше, а затѣмъ, по прибытіи въ Маріинскъ и Николаевскъ, Муравьевъ и его спутники не могли не оцѣнить по достоинству тѣ важные результаты, какіе были достигнуты Амурской экспедиціей въ столь короткое время и съ такими ничтожными средствами.

Въ первомъ же своемъ донесеніи въ Петербургъ о дѣятельности Амурской экспедиціи Н. Н. Муравьевъ писалъ:

«Не доходя около 900 верстъ до устья Амура, флотилія вступила въ край, какъ бы давно принадлежащій Россіи. Отважныя и рѣшительныя дѣйствія начальника Амурской экспедиціи и всѣхъ его сотрудниковъ заслуживаютъ полной признательности. Несмотря на лишенія, трудности, опасности и ничтожество средствъ, при которыхъ дѣйствовала экспедиція, она въ столь короткое время успѣла подчинить своему вліянію не только дикія племена, здѣсь обитающія, но даже и ман-

джуровъ, пріѣзжающихъ сюда для торговли. Она фактически указала намъ на важное значеніе этого края для Россіи и разсѣяла всѣ заблужденія, какія до сихъ поръ объ этомъ краѣ имѣлись».

Между тѣмъ Невельской, посреди столькихъ заботъ и крайне напряженной дѣятельности, вызванной прибытіемъ генералъ-губернатора съ военными командами и одновременно эскадры адмирала Путятина съ извѣстіемъ объ объявленіи войны, имѣлъ несчастіе, по возвращеніи изъ де-Кастри въ Маріинскъ, получить печальную вѣсть о смерти старшей дочери Екатерины и о тяжкой болѣзни жены. Онъ сейчасъ же поспѣшилъ въ Петровское, гдѣ засталъ Екатерину Ивановну едва оправившейся отъ тяжкой потери и болѣзни. «Тяжело было намъ, родителямъ,—пишетъ Геннадій Ивановичъ,—видѣть могилу нашей малютки на пустынной Петровской косѣ. Тяжело было испытаніе это намъ, и безъ того отрѣзаннымъ пустынней отъ всего свѣта, но что дѣлать,—эта жертва, тяжкая для насъ родителей, была данью исполненія долга, направленнаго ко благу отечества».

Послѣ двухдневнаго отдыха командъ, по распоряженію генералъ-губернатора, 350 человѣкъ, подъ начальствомъ кап. 2 ранга Арбузова, были отправлены въ де-Кастри, а оттуда на транспортахъ «Двина» и «Иртышъ» въ Петропавловскъ. Сотня конныхъ казаковъ и горная батарея, въ четыре орудія оставлены въ Маріинскѣ, а остальные 150 человѣкъ отправились сплавомъ въ Николаевскъ. Суда отряда адмирала Путятина, фрегатъ «Паллада» и шкуна «Востокъ», должны были войти въ Амуръ, а команды этихъ судовъ и команда Константиновскаго поста остаться на зимовку въ Николаевскѣ; людей же, снятыхъ съ Муравьевскаго поста, надлежало на коммерческихъ судахъ отправить въ Ситху. Такимъ образомъ въ Маріинскѣ и Николаевскѣ должны были размѣститься 900 человѣкъ, а между тѣмъ въ то время въ Маріинскѣ существовало только двѣ избы, по три сажени длины и ширины каждая, въ Николаевскѣ же имѣлись три домика, казарма на 25 человѣкъ, пакгаузъ и домикъ для офицера. Поэтому

сейчасъ же было сдѣлано распоряженіе о постройкѣ необходимыхъ помѣщеній въ Маріинскѣ и Николаевскѣ.

Сдѣлавъ эти распоряженія, генералъ-губернаторъ, какъ уже было упомянуто, ходилъ на шкунѣ «Востокъ» въ Императорскую гавань для свиданія съ адмираломъ Путятинымъ, тѣ чего пошелъ въ лиманъ, разсчитывая, при помощи паро-о судна, найти болѣе глубокій каналъ ближе къ Сахаскому берегу; но и это изслѣдованіе лимана успѣха не ѣло.

По прибытіи Муравьева въ Петровское, онъ послалъ шкуну «Востокъ» съ частью своего штаба въ Аянъ, а самъ съ Невельскимъ отправился берегомъ верхомъ на оленяхъ въ Николаевское, гдѣ въ это время среди дремучаго лѣса раздавался стукъ топоровъ прибывшихъ сверху людей, работавшихъ подъ наблюденіемъ лейтенанта А. И. Петрова надъ постройкой трехъ флигелей и двухъ большихъ казармъ, для змѣщенія всѣхъ прибывшихъ командъ съ офицерами.

Тѣмъ временемъ адмиралъ Путятинъ, отославъ корветъ «Оливуца» въ Петропавловскъ, 16 іюня съ фрегатомъ «Паллада» пришелъ къ мысу Лазарева, гдѣ и было приступлено къ устройству пристани и приспособленій къ разгрузкѣ фрегата. Вскорѣ къ нему присоединился фрегатъ «Діана», подъ командой кап. 2 ранга С. С. Лесовскаго, присланный изъ Кронштадта на смѣну «Паллады», и такимъ образомъ, 20 іюля у мыса Лазарева, соединились оба фрегата, причемъ «Діана» все время находилась въ полной готовности отражать нападеніе непріятеля.

26 іюля адмиралъ Путятинъ прибылъ на вельботѣ въ Николаевскій постъ для совѣщанія съ Муравьевымъ, причемъ было рѣшено, по изготовленіи необходимаго количества провизіи и главнымъ образомъ сухарей, которыхъ почти не было, Путятину слѣдовать на «Діанѣ» въ Японію, для окончанія переговоровъ съ японцами, а затѣмъ ранней весной возвратиться въ лиманъ къ мысу Лазарева.

Пробывъ въ Николаевскѣ два дня, адмиралъ Путятинъ возвратился къ фрегату, движеніе котораго по лиману, вслѣдствіе штормовыхъ погодъ и частыхъ поломокъ машины паро-

хода «Аргунь», встрѣчало большія препятствія. Разсчитывать перейти баръ можно было лишь въ сизигійную воду, 24 августа, и только при содѣйствіи паровой шкуны «Востокъ», но такъ какъ генералъ-губернатору необходимо было спѣшить возвращеніемъ въ Иркутскъ, то, сдѣлавъ распоряженіе по установкѣ батарей на мысахъ Куегда, Мео и Чныррахъ, онъ 10 августа съ чинами своего штаба пошелъ въ Аянъ на шкунѣ «Востокъ», съ расчетомъ сейчасъ же возвратить ее въ лиманъ къ фрегату «Паллада». Между тѣмъ, по приходѣ генералъ-губернатора въ Аянъ, встрѣтилась надобность послать шкуну съ экстренными депешами въ Петропавловскъ, вслѣдствіе чего она не могла вернуться въ лиманъ.

Напрасно прождавъ шкуну въ Петровскомъ до 26 августа, Невельской съ женой и новорожденной дочерью Ольгой, на катерѣ и вельботѣ со всѣмъ имуществомъ отправился по заливу и лиману въ Николаевское, причемъ 28 августа внезапно засвѣжѣвшимъ до степени шторма сѣвернымъ вѣтромъ катеръ выбросило на берегъ; проведя двое сутокъ въ гиляцкой юртѣ, они только 1 сентября добрались до Николаевскаго поста.

Утромъ, 2 сентября, Невельской, на пароходѣ «Аргунь» отправился къ фрегату «Паллада», не теряя надежды перевести его черезъ баръ въ слѣдующую полную воду, но наступившія штормовыя погоды, при которыхъ фрегатъ едва отстаивался на якоряхъ и потерялъ баркасъ и катеръ, вынудили отказаться отъ этой мысли. Такимъ образомъ, несмотря на всю энергію командира фрегата кап. 1 ранга Унковскаго и неутомимую работу бравой и опытной палладской команды, фрегатъ, значительно уже подвинувшійся впередъ по Сахалинскому каналу, вынужденъ былъ, подъ фальшивымъ вооруженіемъ, вернуться къ мысу Лазарева.

Въ это время на Петровскій рейдъ пришелъ изъ Аяна корабль россійско-американской компаніи съ различными запасами и товарами. На этомъ суднѣ на обратномъ пути въ Аянъ, согласно распоряженія генералъ-губернатора, были отправлены въ Россію командиръ и офицеры фрегата «Паллады», причемъ при командѣ были оставлены: капитанъ-лейтенантъ

И. И. Бутаковъ, лейтенанты М. А. Бирилевъ и С. П. Шварцъ, мичманъ Ивановъ, поручикъ Поповъ, прапорщикъ Кузнецовъ и артил. поручикъ Антипенко. Поступившій на службу въ Амурскую экспедицію лейтенантъ Я. И. Купріяновъ былъ въ это время назначенъ начальникомъ Александровскаго поста.

22 сентября палладская команда со всѣмъ имуществомъ была доставлена въ Николаевскъ, а разоруженный фрегатъ на буксирѣ «Діаны» былъ отправленъ въ Императорскую гавань, гдѣ адмиралъ оставилъ его на зимовку съ тѣмъ, чтобы ранпею весной 1855 года снова привести его къ мысу Лазарева и съ полной водою ввести въ Амуръ. При «Палладѣ» были оставлены боцманъ и десять человѣкъ команды; въ трюмѣ находилось большое количество пороху и къ нему былъ проведенъ стапинъ, причемъ боцману было приказано, въ случаѣ появленія непріятеля, немедленно взорвать фрегатъ, а людямъ укрыться въ лѣсу. Затѣмъ, несмотря на присутствіе въ водахъ Тихаго океана непріятельскихъ военныхъ судовъ, фрегатъ «Діана» съ адмираломъ Путятинымъ ушелъ въ Японію.

Здѣсь слѣдуетъ упомянуть, что когда Н. Н. Муравьевъ 13 августа прибылъ на шкунѣ «Востокъ» въ Аянъ, то онъ послалъ корабль россійско-американской компаніи «Ситха» съ почтою и пассажирами въ Большерѣцкъ, но, по несчастію, корабль у Камчатскихъ береговъ былъ открытъ и взятъ непріятелемъ.

Кромѣ корабля «Ситха» добычей непріятеля сдѣлался еще и корабль «Аянъ». Выйда изъ Аяна въ Ситху, онъ именно во избѣжаніе встрѣчи съ непріятелемъ спустился въ лиманъ, но въ это время былъ замѣченъ англійскимъ фрегатомъ, который за нимъ и погнался. Корабль, войдя уже въ лиманъ, заштилѣлъ; тогда командиръ, не имѣя никакихъ средствъ защищаться противъ высланныхъ непріятелемъ гребныхъ судовъ, зажегъ корабль, а самъ съ 12 человѣками команды, на своихъ шлюпкахъ, спасся въ лиманѣ.

Большому риску встрѣтиться со всѣмъ непріятельскимъ флотомъ подвергалась шкуна «Востокъ». Какъ уже было упомянуто, Муравьевъ, по приходѣ въ Аянъ, послалъ ее съ

важными депешами въ Петропавловскъ, не зная, что тамъ уже находилась непріятельская эскадра. Къ счастью передъ самымъ входомъ въ Авачинскую губу, 26 августа, шкуна встрѣтила ботъ № 1 подъ командой боцмана Новограбленнаго, который и предупредилъ Римскаго-Корсакова о присутствіи въ Авачинской губѣ непріятеля. Шкуна сейчасъ же пошла обратно первымъ Курильскимъ проливомъ, но, вслѣдствіе открывшейся течи въ дейдвудѣ и поврежденія въ машинѣ, зашла для исправленій на островъ Парамуширъ. Встрѣтивъ въ Курильскихъ островахъ транспортъ «Байкалъ», направлявшійся изъ Ляна въ Большерѣцкъ, командиръ шкуны передалъ на транспортъ всѣ посланныя генералъ-губернаторомъ бумаги, съ приказаніемъ немедленно отправить ихъ изъ Большерѣцка берегомъ въ Петропавловскъ и узнать о результатахъ нападенія на Петропавловскъ.

Исправивъ поврежденія, шкуна «Востокъ» 26 сентября пришла въ Большерѣцкъ, гдѣ 6 октября было получено извѣстіе о Петропавловской побѣдѣ и уходѣ непріятеля изъ Авачинской губы. Командиръ шкуны сейчасъ же по[illegible] этимъ извѣстіемъ въ Николаевскъ, но, по невозможности войти въ лиманъ, остался на зимовку въ Петровскѣ (*).

Донося Невельскому о своемъ приходѣ и о Петропавловской побѣдѣ, командиръ шкуны сообщилъ, что по свѣдѣніямъ, полученнымъ въ Большерѣцкѣ, Петропавловскій портъ обезпеченъ провизіей лишь на очень короткій срокъ и только благодаря тому, что суда россійско-американской компаніи пришли въ Петропавловскъ за три дня до прихода непріятеля и не сдѣлались его добычей, подобно кораблю «Ситха».

Пораженіе, понесенное союзниками въ Петропавловскѣ, не оставляло сомнѣнія въ томъ, что ранней весной непріятель снова придетъ въ Авачинскую губу съ еще большими силами и тогда положеніе защитниковъ Петропавловска, по недостатку продовольствія, могло бы сдѣлаться безвыходнымъ.

(*) Описаніе этого плаванія шкуны «Востокъ», прекрасно изложенное самимъ командиромъ, помѣщено въ «Морскомъ Сборникѣ» за 1858 годъ.

Это обстоятельство ясно указывало на необходимость оставить Петропавловскъ и сосредоточить всѣ наши суда, команды и имущество въ устьѣ Амура, о чемъ Невельской неоднократно писалъ и раньше, но чему, къ сожалѣнію, тогда не вѣрили.

Поэтому сейчасъ же по полученіи извѣстія о Петропавловской побѣдѣ, съ первой почтой отправленной изъ Николаевска 26 октября, Невельской снова писалъ генералъ-губернатору:

«Осмѣливаюсь доложить Вашему Превосходительству, что, въ случаѣ продолженія войны и въ 1855 году, скорое сосредоточеніе въ Николаевскѣ всего, что находится нынѣ въ Петропавловскѣ и въ Японіи, должно, по моему мнѣнію, составлять главную и единственную нашу заботу, ибо, если мы благовременно это сдѣлаемъ, то непріятель, въ какихъ бы то превосходныхъ силахъ здѣсь ни появился, намъ никакого вреда сдѣлать не можетъ, потому что банки лимана, полная для него неизвѣстность здѣшняго моря, удаленіе его отъ сколько нибудь цивилизованныхъ портовъ не на одну тысячу миль, лѣсистыя, гористыя и бездорожныя пустынныя прибрежья При-Амурскаго края составляютъ крѣпости, непреоборимыя для самаго сильнаго врага, пришедшаго съ моря.... Прежде нежели онъ доберется до насъ, ему придется встрѣтиться съ негостепріимнымъ и богатымъ банками лиманомъ, въ которомъ онъ или разобьется, или же очутится въ совершенно безвыходномъ положеніи. Онъ не рѣшится также безполезно терять своихъ людей высадкою десантовъ на пустынные, лѣсистые и бездорожные берега При-Амурскаго края и такимъ образомъ война здѣсь будетъ кончена со славою, хотя и безъ порохового дыма и свиста пуль и ядеръ,—со славою потому, что она нанесетъ огромный вредъ непріятелю, безъ всякой съ нашей стороны потери: непріятель будетъ всегда въ страхѣ, дабы суда наши не пробрались отсюда въ океанъ, для уничтоженія его торговли и чрезъ это онъ вынужденнымъ найдется блокировать берега Татарскаго пролива и южной части Охотскаго моря, что сопряжено съ весьма значительными расходами, между тѣмъ какъ намъ всѣмъ этимъ принесетъ огромную пользу, такъ какъ блокируя прибрежья, а

слѣдовательно и весь При-Амурскій край, онъ тѣмъ самымъ практически признаетъ его русскимъ».

Въ заключеніе этого письма Невельской выражалъ надежду, что, по важности его содержанія, генералъ-губернаторъ благовременно дастъ ему знать о рѣшеніи, какое будетъ принято относительно Петропавловска, а тѣмъ временемъ, на случай прибытія большого числа командъ, онъ началъ заготовлять лѣсъ для построекъ въ Николаевскѣ.

Въ январѣ 1855 года, съ первой зимней почтой Невельской получилъ Высочайшій приказъ о производствѣ его въ контръ-адмиралы. Одновременно въ Николаевскѣ были получены иностранныя газеты, изъ которыхъ было видно, что общественное мнѣніе Англіи и Франціи, сильно возбужденное позоромъ, понесеннымъ ихъ судами при нападеніи на Петропавловскъ, требовало самыхъ энергичныхъ мѣръ для уничтоженія этого порта и нашихъ судовъ, находившихся въ Тихомъ океанѣ.

Не получая никакого отвѣта на свои представленія, относительно необходимости перенести Петропавловскій портъ въ устье Амура Невельской полагалъ, что мнѣніе его не получило одобренія и поэтому къ веснѣ 1855 г. ожидалъ въ устье Амура только «Діану». Между тѣмъ въ зиму 1854 года въ Николаевскѣ собралось 820 душъ, кромѣ этого въ Петровскѣ зимовала шкуна «Востокъ» и 150 человѣкъ находилось въ Маріинскѣ, а всего въ эту зиму въ экспедиціи собралось уже болѣе тысячи душъ.

Необходимо было спѣшить обезпечить на зиму хоть какимъ нибудь помѣщеніемъ всѣхъ прибывшихъ въ Николаевскъ офицеровъ и нижнихъ чиновъ съ семьями, которыя до поздней осени ютились въ землянкахъ и небольшихъ избахъ, по нѣскольку семей въ каждой. Несмотря на ничтожество средствъ работа быстро подвигалась впередъ и вскорѣ на небольшой очищенной отъ лѣса площадкѣ были построены казармы, 12 домиковъ для семей нижнихъ чиновъ, три флигеля для офицеровъ и священника, причемъ въ одной изъ казармъ была установлена походная церковь, снятая съ фрегата

«Паллада»; были построены зданія для лазарета, казначейства, гауптвахты и канцеляріи, эллингъ, на которомъ строилась шкуна «Лиманъ», мастерскія, кузница, магазины и сарай для починки гребныхъ судовъ.

Все это приходилось строить при большихъ морозахъ, причемъ работа зачастую прерывалась сильными пургами, а между тѣмъ надо было еще перевозить зимнимъ путемъ изъ Петровска товары и запасы, доставленные туда изъ Аяна на судахъ рос.-амер. компаніи. Одновременно необходимо было организовать сообщеніе съ Маріинскомъ и обезпечить полученіе отъ инородцевъ рыбы и дичи; такимъ образомъ въ Николаевскѣ устроились постоянные базары.

Несмотря на тяжелыя условія жизни въ этой пустынѣ, на тысячи верстъ отрѣзанной отъ цивилизованнаго міра, первые жители Николаевска находили возможнымъ еще и весело проводить время: по словамъ Невельского «пошли домашніе театры, маскарады и танцы, фейерверки и иллюминаціи, катанье на собакахъ и пикники въ Петровское». Все это происходило при наличіи только двухъ дамъ: Невельской и Бачмановой, которыя и были душой всѣхъ развлеченій. Для увеселенія командъ устраивались горы, пляски и тому подобное. Свѣжая пища и заботливость офицеровъ о сохраненіи здоровья людей, несмотря на сырыя зданія, построенныя изъ лѣса прямо съ корня, сдѣлали то, что зимовка прошла вполнѣ благополучно; хотя къ веснѣ больныхъ было въ Николаевскѣ и въ Петровскѣ до 180 человѣкъ, а въ Маріинскѣ болѣе половины команды но съ появленіемъ зелени всѣ быстро поправились и изъ 900 человѣкъ въ Николаевскѣ и въ Петровскѣ умерло только 4 человѣка, а изъ 150 челов. въ Маріинскѣ—3 челов.

---

7 мая Невельской получилъ изъ Аяна увѣдомленіе отъ генералъ-губернатора, что раннею весною въ де-Кастри должно прибыть семейство В. С. Завойко вмѣстѣ съ другими семьями офицеровъ и нижнихъ чиновъ, которыя необходимо сейчасъ же переправить въ Маріинскъ, а судно ввести въ устье Амура.

Оставивъ вмѣсто себя въ Николаевскѣ капитанъ-лейтенанта Бачманова, Невельской поспѣшилъ въ де-Кастри. На пути онъ встрѣтилъ нарочнаго изъ Маріинска съ донесеніемъ капитанъ-лейтенанта Чихачева изъ де-Кастри, что онъ пришелъ туда съ транспортами «Двина», «Иртышъ» и «Байкалъ», на которыхъ прибыли семейства и имущество Петропавловскаго порта, что вслѣдъ за ними идетъ контръ-адмиралъ Завойко съ фрегатомъ «Аврора» и корветомъ «Оливуца» и что, по распоряженію генералъ-губернатора, Петропавловскій портъ велѣно снять и все сосредоточить въ Николаевскѣ. Подъѣзжая къ Маріинску, Невельской 11 мая встрѣтилъ казака, посланнаго съ извѣстіемъ, что всѣ наши суда, подъ флагомъ к. а. Завойко собрались въ де-Кастри, что 8 мая на нихъ началось нападеніе непріятельской эскадры и что женщины и дѣти перебираются изъ де-Кастри въ Маріинскъ.

Зная изъ иностранныхъ газетъ, что для уничтоженія нашихъ судовъ надлежало ожидать прихода сильной непріятельской эскадры, Невельской, крайне обезпокоенный этимъ извѣстіемъ, сейчасъ же послалъ въ Николаевскъ распоряженіе кап.-лейт. Бутакову съ двумя офицерами и вооруженной командой фрегата «Паллада» слѣдовать на гребныхъ судахъ къ мысу Лазарева, гдѣ устроить батареи и, въ случаѣ появленія непріятеля, удержать его тамъ до послѣдней крайности, а затѣмъ, заклепавъ орудія, зажечь все имущество и увести людей берегомъ. Точно также и Бачманову было приказано, въ случаѣ покушенія непріятеля проникнуть на гребныхъ судахъ въ Амуръ, быть готовымъ напасть на него на нашихъ вооруженныхъ гребныхъ судахъ и стараться остановить его движеніе. Подобное же распоряженіе было послано и въ Петровское, командиру шкуны «Востокъ».

Вечеромъ 11 мая Невельской засталъ въ Маріинскѣ до 200 женщинъ и дѣтей, пришедшихъ туда изъ де-Кастри съ Петропавловской эскадры, а затѣмъ на берегу озера Кизи находилось еще нѣсколько семей, въ ожиданіи гребныхъ судовъ для переправы въ Маріинскъ.

Не получая нигдѣ дальнѣйшихъ свѣдѣній изъ де-Кастри и тѣмъ болѣе обезпокоенный слухомъ о нападеніи непріятель-

ской эскадры на наши суда, Невельской, сдѣлавъ необходимыя распоряженія для защиты подступовъ непріятеля къ озеру Кизи, спѣшилъ въ заливъ де-Кастри. Взявъ съ собой поручика Попова съ картами лимана, онъ пробирался туда по колѣно, а иногда почти по поясъ въ водѣ, снѣгу и грязи и совершенно изнуренный, только вечеромъ 13-го, добрался до залива де-Кастри, гдѣ спокойно стояли на якорѣ корветъ «Оливуца», подъ флагомъ контръ-адмирала Завойко—фрегатъ «Аврора», транспорты «Двина», «Иртышъ» и «Байкалъ» и ботъ № 1. Что касается нападенія непріятеля на наши суда, то здѣсь Невельской узналъ, что оно заключалось только въ томъ, что 8 мая англійскій пароходъ обмѣнялся съ «Оливуцей» нѣсколькими выстрѣлами. Согласно офиціальнаго донесенія дѣло это происходило при слѣдующихъ обстоятельствахъ:

По мѣрѣ того, какъ наши суда приходили изъ Петропавловска въ заливъ де-Кастри, между 1 и 5 мая, свозились на берегъ, для отправленія въ Маріинскъ, больные, штурманскіе ученики, кантонисты и пассажиры, а также почта, казначейство, и другія гражданскія и морскія учрежденія. Всѣхъ пассажировъ прибыло на эскадрѣ 282 человѣка, изъ коихъ чиновъ гражданскаго и духовнаго званія 10; женъ гражданскихъ и морскихъ чиновъ 13; дѣтей ихъ 24; женъ нижнихъ чиновъ и вдовъ 88; дѣтей 120 и прочихъ чиновъ и прислуги 27.

Разсчитывая, что непріятель непремѣнно снова придетъ въ Татарскій проливъ и въ де-Кастри, адмиралъ Завойко держалъ свои суда въ постоянной готовности къ бою, а 7 мая онъ отдалъ приказъ, чтобы, въ случаѣ нападенія, корветъ «Оливуца», фрегатъ «Аврора» и транспортъ «Двина», выпустивъ канаты, встали возможно ближе къ отмелямъ, чтобы непріятель не могъ ихъ обойти и затѣмъ вступили въ бой. Въ случаѣ же нападенія непріятельскихъ судовъ на транспорты «Иртышъ» и «Байкалъ», предписывалось зажечь ихъ, а людей съ оружіемъ свезти на берегъ и поставить подъ ружье, внѣ пушечныхъ выстрѣловъ.

Время и мѣстность не позволяли приступить къ постройкѣ батарей; но, чтобы хоть сколько нибудь увеличить средства обороны, адмиралъ Завойко вооружилъ корму фрегата «Аврора» тремя 36 фунт. орудіями и поставилъ на корветъ «Оливуца» двѣ бомбическія двухпудовыя пушки, для чего пришлось расширить порты и бимсы укрѣпить подставками.

8 мая, въ 7 часовъ утра, по прочищеніи тумана, на эскадрѣ увидѣли идущія въ де-Кастри три судна подъ англійскимъ флагомъ, какъ потомъ выяснилось фрегатъ *Sibille*, винтовой корветъ *Hornet* и бригъ *Bittern*, подъ начальствомъ командора Эллиота. Согласно приказа, наши суда немедленно перешли на свои мѣста по диспозиціи и подняли стеньговые флаги; для болѣе удобнаго дѣйствія артиллеріи, на фрегатѣ и корветѣ спустили на воду ростры.

Между тѣмъ непріятельскій фрегатъ и бригъ все время держались подъ парусами у Клостеръ-Кампа, а винтовой корветъ дѣлалъ промѣры за островомъ Обсерваторія и только въ 7 часу вечера показался изъ-за сѣверной оконечности острова и открылъ огонь по корвету «Оливуца», который немедленно и отвѣчалъ; тогда англійскій корветъ далъ задній ходъ и скрылся за островомъ. Повторивъ еще разъ такой же маневръ, *Bittern* присоединился къ своимъ судамъ, внѣ нашихъ выстрѣловъ, послѣ чего непріятельскія суда ушли къ югу. Корветъ «Оливуца» не получилъ никакихъ поврежденій, убитыхъ и раненыхъ не было.

По прибытіи Невельского въ де-Кастри адмиралъ Завойко созвалъ командировъ всѣхъ судовъ на совѣщаніе, причемъ было принято рѣшеніе немедленно идти къ мысу Лазарева, гдѣ подъ прикрытіемъ батареи ожидать возможности пройти въ устье Амура; въ случаѣ же нападенія непріятеля защищаться до послѣдней возможности, а затѣмъ,—суда взорвать и уцѣлѣвшимъ людямъ стараться достигнуть берега Амура.

При первомъ благопріятномъ вѣтрѣ, въ ночь съ 15 на 16 мая, всѣ наши суда вышли изъ де-Кастри; въ 6 часовъ

утра они прошли первый баръ, а въ 10 часу, встали на якорь за мысомъ Невельского.

Чтобы лишить непріятеля возможности, въ случаѣ новаго посѣщенія залива де-Кастри, узнать о мѣстѣ нахожденія нашихъ судовъ, Невельской распорядился удалить изъ де-Кастри всѣхъ туземцевъ, а людямъ оставшимся при постѣ приказалъ, въ случаѣ высадки непріятеля, отступить къ озеру Кизи. Затѣмъ на другой же день, 14 мая, Невельской отправился въ Николаевскъ, пославъ изъ Маріинска мичмана Разградскаго навстрѣчу спускавшемуся, со вторымъ амурскимъ сплавомъ, генералъ-губернатору Муравьеву, съ донесеніями о прибытіи камчатской эскадры и о сдѣланныхъ распоряженіяхъ.

На другой же день послѣ ухода нашихъ судовъ изъ залива де-Кастри, туда снова приходили суда командора Эллиота, и, заставъ рейдъ пустымъ, недоумѣвали, куда могла дѣться русская эскадра: къ югу не проходила, а къ сѣверу, по ихъ мнѣнію, некуда было пройти, такъ какъ, ничего не зная объ открытіи, сдѣланномъ Невельскимъ, союзники считали, судя по картамъ того времени, что между материкомъ и сахалинскимъ берегомъ сплошная отмель. Именно этимъ обстоятельствомъ потомъ и оправдывался начальникъ непріятельской эскадры. Союзники все же высадили на пустынный берегъ десантъ и, осмотрѣвъ постовые дома, завладѣли имуществомъ камчатскаго аптекаря, неуспѣвшаго перевезти его въ Кизи, послѣ чего десантъ вернулся на суда, которыя снова ушли къ югу.

Между тѣмъ едва только наши суда встали на якорь у мыса Невельского, какъ показалось идущее съ юга двухмачтовое судно, подъ американскимъ флагомъ и русскимъ военнымъ флагомъ на форъ-брамъ-стеньгѣ; судно это держало правѣе эскадры и встало на мель.

Отъ прибывшаго на шлюпкѣ офицера, на эскадрѣ узнали печальную вѣсть о гибели фрегата «Діана» во время землетрясенія въ Японіи, что вся судовая команда спасена и что на прибывшемъ суднѣ находится часть фрегатской команды, въ числѣ 150 человѣкъ, съ командиромъ фрегата капитанъ-

лейтенантомъ Лесовскимъ и 10 офицерами (*). Адмиралъ Путятинъ послалъ ихъ на зафрахтованномъ американскомъ суднѣ для подкрѣпленія Петропавловскаго порта, но, по приходѣ туда С. С. Лесовскій, узнавъ о мѣстѣ нахожденія камчатской эскадры, пересѣлъ съ командою на другое американское судно и пришелъ на немъ въ лиманъ, счастливо избѣгнувъ, благодаря туману, встрѣчи съ непріятельскими судами у самаго залива де-Кастри.

Тѣмъ временемъ адмиралъ Путятинъ, сейчасъ послѣ гибели фрегата въ Симодѣ, приступилъ къ постройкѣ небольшой шкуны, воспользовавшись для этого чертежами и описаніемъ шкуны «Опытъ», помѣщенномъ въ одной изъ книжекъ Морского Сборника, спасенной изъ судовой библіотеки. Необходимый для постройки лѣсъ, команда рубила въ окрестныхъ лѣсахъ и черезъ $2^1/_2$ мѣсяца, при содѣйствіи японскихъ мастеровыхъ, шкуна была спущена на воду и названа «Хеда», по имени селенія, гдѣ она строилась.

Сдѣлавъ распоряженія относительно отправленія въ Петропавловскъ оставшихся офицеровъ и команды, адмиралъ Путятинъ съ 4 офицерами и 40 человѣками команды пошелъ на шкунѣ въ Петропавловскъ. Онъ прибылъ туда благополучно, черезъ двѣ недѣли послѣ ухода Лесовскаго, а затѣмъ также пошелъ въ заливъ де-Кастри.

По выходѣ изъ Авачинской губы, шкуна втеченіе двухъ сутокъ находилась въ виду четырехъ непріятельскихъ судовъ, но, пользуясь туманомъ, благополучно отъ нихъ ушла. Въ Татарскомъ проливѣ шкуна опять счастливо разошлась на контра-галсахъ съ тремя непріятельскими судами, причемъ одно изъ нихъ прошло отъ шкуны въ разстояніи всего двухъ кабельтовыхъ и сейчасъ же, повершувъ, пустилось въ погоню. Вскорѣ однако оно присоединилось къ своимъ судамъ и такимъ образомъ, два раза избѣгнувъ опасности быть захваченной въ

(*) Въ числѣ офицеровъ находились: лейтенанты Можайскій, Энквистъ, Бирилевъ и князь Оболенскій; мичмана: Можайскій, Ковалевскій и Геннингъ поруч. морск. артил. Антипенко, шт. прапорщ. Кузнецовъ и врачъ Кролевскій, кромѣ этого коллежск. регистр. Губаревъ и 5 гардемаринъ Морского корпуса.

плѣнъ, шкуна «Хеда» съ адмираломъ Путятинымъ 5 іюня подошла къ мысу Лазарева, а 8-го благополучно стала на якорь передъ Николаевскомъ (*).

Къ несчастію вторая партія діанской команды, въ числѣ 275 человѣкъ при 8 офицерахъ подъ командой лейтенанта Мусина-Пушкина, шедшая на зафрахтованномъ бременскомъ баркѣ, наткнулась въ Охотскомъ морѣ на англійскій пароходъ и была взята въ плѣнъ (**).

Общественное мнѣніе Англіи, неуспокоенное еще послѣ петропавловскаго пораженія, было до крайности возбуждено при полученіи извѣстія о двукратномъ уходѣ судовъ камчатской эскадры сначала изъ Петропавловска, а затѣмъ изъ залива де-Кастри.

Дѣйствительно, трудно было бы обнаружить меньше энергіи, чтобы съ такими средствами, какими къ веснѣ 1855 года обладалъ англійскій адмиралъ въ водахъ Тихаго океана, не разыскать наши парусные фрегатъ, корветъ и три маленькихъ транспорта, а, разыскавши, не уничтожить. Между тѣмъ, подобно опереточнымъ карабинерамъ, союзники и въ Авачинскую губу, и въ заливъ де-Кастри приходили trop tard. Очевидно, что и командоръ Эллiотъ и адмиралъ Стирлингъ не обладали той настойчивостью, которая всегда обезпечивала военные успѣхи ихъ знаменитому учителю, а по справедливому замѣчанію французскаго историка, описавшаго подвиги адмирала Нельсона, «успѣховъ достойны только тѣ, кто умѣетъ ихъ себѣ подготовить». Поэтому то, ни петропавловскую побѣду, ни уходъ нашихъ судовъ изъ Петропавловска, ни благополучный приходъ ихъ въ де-Кастри, ни до легендарности удачный уходъ изъ де-Кастри въ лиманъ, нельзя приписать

(*) На шкунѣ «Хеда», кромѣ генералъ-адъютанта Путятина находились: кап. 2 ранга Посьетъ, командиръ шкуны лейтенантъ Колокольцовъ, подпол. Лосевъ, прапорщ. Семеновъ, мичманъ Пещуровъ, юнкера Лазаревъ и Корниловъ и 40 ч. нижнихъ чиновъ.

(**) Въ числѣ офицеровъ кромѣ Мусина-Пушкина были: лейтенанты Шиллингъ и Зеленый, мичмана князь Урусовъ, Ковалевскій, Михайловъ, подпор. Елкинъ и священникъ.

однимъ только счастливо сложившимся обстоятельствамъ. На лицо имѣются несомнѣнные факты, свидѣтельствующіе о той замѣчательной энергіи, съ какой наши моряки съ ничтожными средствами и при самыхъ неблагопріятныхъ условіяхъ сдѣлали все, что только было въ человѣческихъ силахъ, чтобы подготовить себѣ петропавловскую побѣду, потомъ съ той же энергіей снимали петропавловскій портъ, перевезли все въ устье Амура и приняли мѣры къ отраженію непріятельскаго нападенія въ заливѣ де-Кастри.

Увѣренные, что послѣ неудачнаго нападенія на Петропавловскъ въ 1854 году, союзники съ ранней весны 1855 года непремѣнно повторятъ нападеніе съ еще большими силами, наши моряки всю зиму были заняты постройкою новыхъ укрѣпленій, пока въ началѣ марта адмиралъ Завойко не получилъ предписанія генералъ-губернатора снять Петропавловскій портъ и перевезти всѣ военныя и гражданскія учрежденія, а также жителей и частное имущество въ Николаевскъ на Амурѣ. Тогда съ такою же энергіей было приступлено къ снятію укрѣпленій и къ вооруженію судовъ, причемъ фокъ-мачта фрегата «Аврора» была капитально тимберована, орудія, вырытыя изъ подъ снѣга, снова установлены на суда; транспорты нагрузились казеннымъ и частнымъ имуществомъ и все это было окончено въ теченіе одного мѣсяца. Оставшіеся въ Камчаткѣ жители были обезпечены продовольствіемъ на два года, а для командованія казаками и волонтерами оставленъ эсаулъ Мартыновъ съ приказаніемъ наносить непріятелю возможный вредъ, въ случаѣ если бы онъ двинулся далѣе Петропавловска. Затѣмъ пропливъ ледъ, и выведя его изъ бухты, камчатская эскадра, состоявшая изъ флагманского корвета «Оливуца», фрегата «Аврора», транспортовъ «Двина», «Иртышъ» и «Байкалъ» и бота № 1, 3 апрѣля вышла въ море.

Въ своемъ послѣднемъ донесеніи изъ Петропавловска контръ-адмиралъ Завойко писалъ:

«Подвѣдомственные мнѣ штабъ и оберъ-офицеры и нижніе чины, неутомимо трудившіеся всю зиму надъ постройкою укрѣпленій и постановкою на нихъ орудій, оказали и въ настоящемъ случаѣ примѣрное усердіе и самоотверженіе. Только

при такой ревности подчиненныхъ моихъ къ службѣ Его Величества возможно было снять Петропавловскій портъ втеченіе мѣсяца и это даетъ мнѣ поводъ надѣяться, что и въ предстоящемъ намъ плаваніи всѣ будутъ воодушевлены тѣмъ же усердіемъ и суда во время и безпрепятственно достигнутъ мѣста своего назначенія. Если же, сверхъ ожиданія, мы встрѣтимъ въ морѣ сильнаго непріятеля, то или отразимъ его, или погибнемъ, не отдавъ врагу русскихъ военныхъ судовъ и славнаго русскаго флага».

Плаваніе было очень тяжелое; погоды стояли дурныя, бурныя, со снѣжными метелями; суда были до крайности перегружены и въ палубахъ отъ большого числа пассажировъ была страшная тѣснота и духота. Но несмотря на все это, наши суда, не потерявъ ни однаго человѣка, благополучно пришли въ заливъ де-Кастри, за недѣлю до прихода туда отряда непріятельскихъ судовъ.

Можетъ быть, въ настоящемъ краткомъ очеркѣ не слѣдовало бы удѣлять такъ много мѣста упоминанію объ этихъ, сравнительно не крупныхъ эпизодахъ изъ прошлаго нашего флота, но они такъ обстоятельно забыты, а между тѣмъ свѣдѣнія о нихъ имѣются только въ устарѣвшихъ морскихъ журналахъ, что не лишнимъ будетъ привести здѣсь сокращенныя выдержки изъ англійскихъ газетъ относительно посѣщенія союзниками залива де-Кастри (*).

«Въ то время какъ адмиралъ Стирлингъ, съ фрегатами «*Winchester*,», «*Spartan*» и «*Tartar*» находился въ Хакодаде, командоръ Элліотъ, съ фрегатомъ «*Sibille*» пароходомъ «*Hornet*» и бригомъ «*Bittern*,» подойдя къ заливу де-Кастри, неожиданно открылъ русскую эскадру, состоявшую изъ шести судовъ. Непріятель стоялъ на якорѣ въ весьма сильной позиціи въ глубинѣ залива. Командоръ Элліотъ въ теченіе двухъ дней употреблялъ тщетные маневры, чтобы вызвать непріятеля въ бой. Было признано неблагоразумнымъ сдѣлать нападеніе на такую многочисленную эскадру только съ тремя судами; однакожъ пароходъ «*Hornet*», подойдя какъ можно ближе, обмѣ-

(*) Эти статьи помѣщены въ № 1 Морского Сборника за 1856 годъ.

нялся бомбами съ русскимъ корветомъ. Послѣ этого командоръ рѣшилъ держать русскую эскадру въ блокадѣ и на слѣдующій день послалъ бригъ «*Bittern*» въ Хакодаде, просить адмирала о подкрѣпленіи».

«Получивъ это извѣстіе, адмиралъ Стирлингъ, по необъясненнымъ причинамъ, спустя только 96 часовъ вышелъ изъ Хакодаде, а затѣмъ, спустя еще четверо сутокъ, сошелся съ судами командора Элліота въ Сангарскомъ проливѣ. Здѣсь адмиралъ узналъ, что командоръ Элліотъ, открывъ русскіе суда въ заливѣ де-Кастри иославъ бригъ «*Bittern*» за подкрѣпленіемъ, съ остальными судами удалился къ югу, а когда черезъ пять дней вернулся въ де-Кастри, то русскихъ тамъ уже не засталъ».

«Увѣренный, что къ сѣверу отъ де-Кастри нѣтъ прохода, командоръ никакихъ изслѣдованій не производилъ, а поспѣшилъ въ Сангарскій проливъ извѣстить своего адмирала объ уходѣ русскихъ судовъ въ неизвѣстномъ направленіи. Со своей стороны и адмиралъ Стирлингъ, считая, что русскіе суда могли пройти только къ югу, исходилъ Татарскій заливъ по всѣмъ направленіямъ и, ничего нигдѣ не видавъ, послалъ три англійскія и два французскія судна подъ начальствомъ Элліота въ Охотское море, къ Ляну, а самъ съ фрегатомъ «*Winchester*» и бригомъ «*Bittern*» вернулся въ Хакодаде»...

«Съ большимъ нетерпѣніемъ, но тщетно ожидали мы подробностей о необыкновенномъ уходѣ русскихъ изъ залива де-Кастри. Вмѣсто того, чтобы получить удовлетворительное объясненіе объ этомъ непонятномъ происшествіи, дальнѣйшія свѣдѣнія только подтверждаютъ извѣстный уже фактъ, бросая все болѣе и болѣе невыгодную тѣнь на это дѣло. Изъ всѣхъ свѣдѣній, до сихъ поръ полученныхъ, извѣстно только, что кавалеръ ордена Бани, командоръ Чарльзъ Джильбертъ, Джонъ Брайтонъ Элліотъ, 20 мая въ Татарскомъ заливѣ, въ бухтѣ де-Кастри, открылъ русскую эскадру, имѣя подъ своимъ начальствомъ 40 пуш. фрегатъ «*Sibille*», 17 пуш. винт. корветъ «*Hornet*» и 12 пуш. бригъ «*Bittern*». Русская эскадра была вѣроятно та самая, которая не задолго передъ тѣмъ ушла изъ Петропавловской гавани. Намъ также извѣстно, что винтовой

корветъ «*Hornet*» подходилъ къ русскимъ судамъ и обмѣнялся съ ними нѣсколькими выстрѣлами, но что кромѣ этого не было произведено никакой попытки къ завязанію дѣла съ непріятелемъ».

«Пробывъ въ заливѣ въ виду непріятеля до 23 числа, командоръ Элліотъ отправилъ бригъ «*Bittern*» отыскивать адмирала сэра Джемса Стирлинга, а самъ снялся съ якоря, чтобы выманить, какъ увѣряютъ защитники командора, русскихъ изъ позиціи. Изъ распоряженій командора не видно, чтобы корвету «*Hornet*» было поручено наблюдать за движеніемъ непріятеля, что онъ какъ винтовое судно, легче и лучше могъ бы исполнить. Напротивъ, какъ фрегатъ, такъ и корветъ удалились на нѣсколько дней въ море изъ виду береговъ. По возвращеніи 29 числа въ заливъ, командоръ убѣдился съ досадою, которую легче вообразить, чѣмъ описать, что двухглавый орелъ улетѣлъ и что исчезли какъ суда, такъ и русскіе. Однакожъ союзники овладѣли дагеротипнымъ женскимъ портретомъ, ничтожнымъ количествомъ провизіи, разными мелкими принадлежностями женскаго туалета, оставленными русскими при ихъ поспѣшномъ уходѣ; русскіе спаслись отъ грозной эскадры, воспользовавшись густымъ туманомъ, совершенно «отуманившимъ» союзниковъ».

«Намъ больно разсматривать случай, касающійся чести британскаго флага и долженствующій быть непремѣнно подвергнутымъ военному суду..... Необходимо узнать, почему командоръ Элліотъ раздробилъ свои силы отправленіемъ брига «*Bittern*» для отысканія адмирала и почему англійскій отрядъ вышелъ изъ залива де-Кастри въ то время, когда русскіе въ немъ еще находились.... Мы не будемъ возражать, если намъ скажутъ, что русскіе были сильнѣе нашихъ; но слѣдуетъ принять во вниманіе, что русскіе суда давно были разоружены и долго стояли во льду съ экипажами, лишенными практики и артиллерійскихъ ученій. Они спасались отъ превосходной силы съ единственною заботою избѣгнуть встрѣчи съ непріятелемъ. Съ другой стороны наши суда находились въ превосходномъ порядкѣ, отлично вооруженные, съ опытными военными командами. Предположимъ даже, что русскіе во всемъ

превосходили насъ, и въ такомъ случаѣ обязанностью англійскаго командора было не выпускать ихъ изъ виду и, не вступая въ бой, слѣдить за ними до прибытія вскорѣ ожидаемаго подкрѣпленія. Удаленіемъ своимъ изъ залива де-Кастри командоръ Элліотъ способствовалъ уходу и спасенію русскихъ и въ этомъ онъ долженъ дать отчетъ отечеству. Русскія суда должны быть отысканы, если не захотятъ оставить постыдное пятно на флагѣ Великобританіи.....»

«Невозможно слѣдить за обстоятельствами, допустившими спасеніе русскихъ, безъ истиннаго сожалѣнія, доходящаго до отвращенія. Пускай возьмутъ себѣ трудъ прочитать Морскую Исторію Джемса о послѣдней войнѣ, въ которой такъ краснорѣчиво описаны дѣйствія и подвиги нашей благородной службы, ручаюсь, что не найдутъ ничего подобнаго этому гнусному нерадѣнію. Если командоръ Элліотъ когда либо читалъ приведенное выше сочиненіе, то онъ, конечно, видѣлъ на его страницахъ, что были сотни случаевъ удачныхъ нападеній при подобныхъ обстоятельствахъ и вдобавокъ еще противъ большихъ силъ, чѣмъ то предстояло ему. Въ настоящее время найдется мало офицеровъ, которые бы не сочли себя «счастливыми», ежели бы судьба поставила ихъ въ положеніе подобное положенію командора, чтобы отличить себя, и еще менѣе такихъ, которые не порицали бы его поведенія».

«Если командору не доставало «энергіи» напасть на непріятеля, то онъ долженъ былъ по крайней мѣрѣ не выпускать его изъ виду до прибытія подкрѣпленія, находящагося въ близкомъ разстояніи. Первый уходъ русскихъ изъ Камчатки долженствовалъ бы, казалось, возбудить въ немъ сугубую дѣятельность..... Въ надеждѣ, что поступокъ этотъ обратитъ на себя все вниманіе адмиралтейства, мы воздержимся отъ дальнѣйшихъ сужденій объ этомъ небываломъ поведеніи командора Элліота до назначенія и рѣшенія военнаго суда. Хотя командоръ—сынъ Пера и зять благороднаго лорда, мы однакожъ надѣемся, что онъ не избѣгнетъ суда. Для пользы службы мы будемъ слѣдить за дальнѣйшимъ ходомъ дѣла, и не выпускать его изъ глазъ».

Къ 18 іюня наши суда перешли отъ мыса Невельского къ мысу Лазарева, гдѣ и встали на шпринги въ полной готовности отражать нападеніе непріятельской эскадры. Одновременно капитанъ-лейтенанту Лесовскому была поручена постройка береговой батареи на мысѣ Лазарева. Благодаря его исключительной энергіи и распорядительности, черезъ десять дней батарея изъ восьми 24 фунт. пушекъ была готова, несмотря на постоянные дожди и туманы, каменистый грунтъ, недостатокъ земли на мысѣ и на значительную высоту горы, на которую съ большими усиліями приходилось втаскивать орудія.

Сейчасъ же по приходѣ нашихъ судовъ къ мысу Лазарева, съ фрегата «Аврора» начали сгружать излишнія тяжести и перевозить ихъ на транспортахъ и на богѣ № 1 въ Николаевскъ съ тѣмъ, чтобы облегченный фрегатъ возможно было перевести черезъ бары лимана. Эта работа, при недостаточности средствъ, неблагопріятныхъ условіяхъ погоды и сильномъ теченіи, стоила судовымъ командамъ и начальствующимъ лицамъ большихъ трудовъ и усилій (*).

Что касается фрегата «Паллада», то адмиралъ Завойко, на пути изъ Петропавловска въ де-Кастри, заходилъ въ Императорскую гавань, разсчитывая взять фрегатъ и отбуксировать его въ лиманъ, но Константиновская бухта въ это время была еще покрыта льдомъ и выводъ фрегата потребовалъ бы очень много времени.

Пока судовыя команды были заняты постройкой батарей въ низовьяхъ Амура и проводкой «Авроры» чрезъ баръ лимана, внизъ по Амуру спускался въ Маріинскъ второй сплавъ войскъ, съ 14 и 15 линейными батальонами. Первая партія состояла изъ 26 баржъ подъ начальствомъ самого генералъ-губернатора, съ которымъ на этотъ разъ ѣхала и его супруга; во второй партіи было 52 баржи, подъ начальствомъ полковника Назимова и въ третьей 35 баржъ подъ начальствомъ полковника Корсакова. Съ этимъ же сплавомъ, подъ руководствомъ князя

(*) Работы по проводкѣ «Авроры» черезъ бары лимана подробно описаны лейтенантомъ Фесуномъ, въ Морскомъ Сборникѣ за 1860 годъ.

Волконскаго, прибыли первые земледѣльцы, положившіе основаніе шести русскимъ деревнямъ между Маріинскомъ и Николаевскомъ. Такимъ образомъ съ прибытіемъ сплава въ Маріинскъ тамъ сосредоточилось около 2700 человѣкъ (*).

Назначенный командующимъ всѣми морскими и сухопутными силами, сосредоточенными при устьѣ Амура, Н. Н. Муравьевъ, по прибытіи въ Маріинскъ, сдѣлалъ Невельского начальникомъ своего штаба, съ главной квартирой въ Маріинскѣ; Амурская экспедиція была замѣнена управленіемъ камчатскаго губернатора, подъ начальствомъ контръ-адмирала Завойко, съ мѣстопребываніемъ въ Николаевскѣ; командиру фрегата «Аврора», капит. 1 ранга Изыльметьеву было предписано возможно скорѣе ввести всѣ суда въ Амуръ, командиру шкуны «Востокъ» готовить гребную флотилію на случай нападенія непріятеля, а кап.-лейт. Лесовскому было поручено общее завѣдываніе всѣми работами по постройкѣ батарей.

Въ теченіе лѣта, на мысѣ Чныракъ, были сооружены двѣ батареи по 19 орудій и одна въ 15, на Константиновскомъ мысу одна батарея въ 19 орудій и небольшая батарея на мысѣ Куегда. Наскоро сформированные линейные батальоны, только что прошедшіе длинный и тяжелый путь изъ Забайкалья, испытавъ всѣ невзгоды и лишенія при сплавѣ по Амуру, теперь должны были готовиться къ отраженію непріятеля, устанавливать посты съ телеграфными мачтами для извѣщенія о движеніи судовъ, устраивать пристани, съ приспособленіями для подъема тяжестей, перевозить грузы, и одновременно строить казармы, лазареты, магазины, помѣщенія для офицеровъ и для семей нижнихъ чиновъ, рубить лѣсъ, корчевать пни, и все это не только безъ какихъ либо техническихъ средствъ, но даже при недостаткѣ топоровъ.

Необходимо принять во вниманіе, что Чныракъ находится въ десяти верстахъ отъ Николаевска и что единственнымъ средствомъ сообщенія служили гребныя суда, что лѣто въ

(*) При сплавѣ находилась ученая экспедиція, снаряженная на средства члена Импер. Русск. Географическ. Общества С. Ф. Соловьева, пожертвовавшаго на нее полъ пуда золота. Экспедиція состояла изъ натуралиста Маака, астронома Рашкова, топографа Занчевскаго и чиновника Кочетова.

Николаевскѣ вѣтренное, часто дождливое и туманное, что при тяжелыхъ работахъ, плохой пищѣ и отсутствіи зелени развились болѣзни, въ томъ числѣ и скорбутъ, а между тѣмъ лазаретами служили наскоро построенные, изъ совершенно сырого лѣса бараки, при чемъ устройство печей затруднялось недостаткомъ кирпича.

Съ прибытіемъ второго амурскаго сплава, въ Николаевскѣ сосредоточилось до 5000 душъ и около 2000 въ Маріинскѣ. Скопленіе такого большого числа войскъ и особенно камчатскихъ жителей съ семьями, происшедшее совершенно неожиданно, весьма естественно вызвало большія затрудненія въ обезпеченіи всѣхъ на зиму теплымъ помѣщеніемъ и продовольствіемъ, въ то время, когда прежде всего приходилось заботиться о томъ, чтобы возможно скорѣе ввести наши суда въ Амуръ и быть готовыми къ отраженію непріятельскаго нападенія. Но несмотря на то, что приходилось работать въ совершенно дикой мѣстности, отрѣзанной громаднымъ пространствомъ отъ внутренней Россіи, и при невозможности, вслѣдствіе блокады, получать что либо морскимъ путемъ, все же къ осени 1855 года, всѣ, худо-ли хорошо-ли, были размѣщены по зимнимъ квартирамъ и благодаря тому вліянію, какимъ пользовалась амурская экспедиція у туземцевъ, оказалось возможнымъ получать отъ нихъ въ достаточномъ количествѣ рыбу, а также и дичь.

Послѣ двухъ мѣсяцевъ непрерывныхъ тяжелыхъ работъ, «Аврора» 17 іюля перешла баръ и 18 стала на якорь передъ Николаевскомъ. Такимъ образомъ здѣсь нашла надежный оплотъ вся камчатская эскадра съ семьями и имуществомъ Петропавловскаго порта, а также команда фрегатовъ «Паллада» и «Діана». Къ концу 1855 года, въ Николаевскѣ сосредоточились: 44 пушечный фрегатъ «Аврора», 16-ти пушечный корветъ «Оливуца», 6-ти пушечная винтовая шкуна «Востокъ», транспорты «Двина», «Иртышъ» и «Байкалъ», шкуна «Хеда», тендеръ «Камчадалъ», пароходъ «Аргунь» и паровой катеръ «Надежда». А между тѣмъ только четыре года передъ этимъ, графъ Нессельроде съ большинствомъ своихъ

товарищей по кабинету *отнюдь* не соглашался пустить въ устье Амура капитана 1-го ранга Геннадія Невельского на байдаркѣ вооруженнаго ручнымъ лотомъ.

Теперь уже никто болѣе не сомнѣвался въ справедливости настойчивыхъ представленій Геннадія Ивановича, что рѣка Амуръ съ При-Амурскимъ краемъ должна принадлежать Россіи, а не Китаю. При первомъ же случаѣ разрыва съ западными державами, несмотря даже на славную петропавловскую побѣду, Н. Н. Муравьевъ долженъ былъ торопливо упразднить Петропавловскій портъ, пріютивъ суда и команды съ семьями и имуществомъ въ устьи рѣки Амуръ. Такимъ образомъ тѣ представленія относительно Петропавловскаго порта, которыя Геннадій Ивановичъ дѣлалъ генералъ-губернатору еще въ 1849 году въ Иркутскѣ, теперь вполнѣ оправдались. Къ счастью еще генералъ-губернатору не удалось привести въ исполненіе свой планъ о вооруженіи Петропавловска тремя стами орудій большого калибра. Результатъ былъ бы, конечно, тотъ же самый, такъ какъ, по невозможности доставлять въ военное время подкрѣпленія людьми, боевыми и продовольственными запасами, Петропавловскъ все равно не могъ бы долго держаться противъ много разъ сильнѣйшаго непріятеля, горѣвшаго желаніемъ отомстить за понесенное пораженіе. Испросивъ разрѣшеніе перенести морскія и портовыя учрежденія изъ Аяна въ Петропавловскъ, Н. Н. Муравьевъ не получилъ согласія на приведеніе въ исполненіе своего грандіознаго проекта относительно укрѣпленія Петропавловскаго порта. Какъ видно изъ письма къ нему Перовскаго, это представленіе Муравьева «было названо Государемъ мечтою; другими лицами—фантазіею и почти всѣми приписано пылкости его воображенія».

Послѣ того какъ Петропавловскій портъ былъ снятъ и наши суда, команды, семьи и имущества Петропавловскаго порта сосредоточились въ устьи Амура, войну съ внѣшнимъ врагомъ можно было считать оконченной.

Въ началѣ августа 1855 года адмиралъ Путятинъ съ кап. 2 ранга Посьетомъ отправился въ Забайкалье на паровомъ катерѣ «Надежда». Это было первое русское судно, подни-

мавшееся вверхъ по Амуру и такъ какъ, вопреки настояніямъ Невельского, никакихъ постовъ по берегамъ рѣки установлено не было, то катеръ подвигался впередъ крайне медленно съ большими затрудненіями. Дрова приходилось рубить судовой командѣ прямо съ корня, конечно совсѣмъ сырыя, причемъ офицеры во главѣ съ К. Н. Посьетомъ таскали ихъ на пароходъ. Адмиралъ также порывался принимать участіе въ общей работѣ, но всѣ этому воспротивились, предоставивъ его превосходительству болѣе легкій трудъ— накрывать на столъ и мыть посуду. Катеръ былъ сильно перегруженъ, а между тѣмъ надо было еще вести на буксирѣ барказъ съ багажемъ и провизіей. Холода наступили ранніе, вода спала, такъ что, не доходя 300 верстъ до Усть-Стрѣлки, адмиралъ вынужденъ былъ оставить здѣсь катеръ и барказъ, а самъ, со всѣми своими спутниками, бичевой на шлюпкахъ, съ большими лишеніями, въ началѣ ноября добрался до Усть-Стрѣлочной станціи, а оттуда черезъ Иркутскъ проѣхалъ въ Петербургъ.

Вслѣдъ за адмираломъ Путятинымъ разсчитывалъ отправиться вверхъ по Амуру на пароходѣ «Аргунь» и адмиралъ Завойко съ нѣсколькими офицерами фрегата «Аврора», но не доходя Маріинска пароходъ во время тумана сѣлъ на мель и всѣ они вернулись въ Николаевскъ, гдѣ адмиралъ съ женой и пятью дѣтьми провелъ всю зиму, помѣщаясь въ небольшой сырой избѣ.

Точно также рисковалъ остаться на всю зиму въ Николаевскѣ и генералъ-губернаторъ съ чинами своего штаба. Онъ располагалъ идти въ Аянъ на шкунѣ «Востокъ», но она вслѣдствіе упавшей воды не могла пройти изъ озера Кизи въ Амуръ. Къ счастью въ это время на Петровскій рейдъ пришелъ съ разными грузами американскій баркъ «Пальмето» (*), на которомъ Муравьевъ съ Изыльметьевымъ и чинами штаба

(*) «Пальмето» было первое коммерческое судно, вошедшее въ Амуръ. Вмѣстѣ съ американскимъ баркомъ «Берингъ» эти суда были зафрахтованы въ Америкѣ, кап. 1 ранга Казакевичемъ, находившимся тамъ съ конца 1854 года, подъ именемъ купца Соловьева для заготовки различныхъ запасовъ, назначавшихся на Амуръ.

пошелъ въ Аянъ и оттуда уже поздней осенью проѣхалъ въ Иркутскъ.

Что касается Невельского, то съ отъѣздомъ генералъ-губернатора онъ уже не занималъ никакого официальнаго положенія и остался зимовать въ Маріинскѣ, поселившись съ семьей и съ полковникомъ Назимовымъ въ двухъ комнатахъ небольшого домика, а между тѣмъ осенью у нихъ родилась еще дочь Марія.

Въ своихъ запискахъ Геннадій Ивановичъ совсѣмъ не упоминаетъ о томъ, какъ онъ провелъ эту зиму 1854—1855 гг. въ Маріинскѣ, не имѣя никакихъ служебныхъ обязанностей послѣ такой кипучей пятилѣтней дѣятельности; но можно не сомнѣваться въ томъ, что за всю длинную сибирскую зиму ему ни на секунду не приходила мысль о скукѣ. Дѣла онъ находилъ для себя конечно много, ужъ хотя бы по приведенію въ порядокъ работъ и отчетовъ по экспедиціи и во всякомъ случаѣ какъ на Петровской кошкѣ, такъ и въ Маріинскѣ Невельской находился въ томъ счастливомъ положеніи, когда думать о скукѣ ему прежде всего мѣшала бы его Екатерина Ивановна.

Впрочемъ, за время зимовки Геннадія Ивановича въ Маріинскѣ, въ заливѣ де-Кастри имѣлъ мѣсто эпизодъ, несомнѣнно доставившій большое удовольствіе бывшему начальнику амурской экспедиціи.

Въ исходѣ сентября 1855 года въ заливъ де-Кастри снова пришли три англійскія судна, подъ начальствомъ командора Элліота, который, увидѣвъ на берегу нашъ отрядъ, послѣ усиленной бомбардировки, высадилъ на берегъ 200 человѣкъ десанта. Въ это время въ де-Кастри находилось 70 человѣкъ пѣхотныхъ казаковъ, съ двумя горными орудіями, подъ командой эсаула Пузана, который, давъ десанту пристать къ берегу, открылъ изъ лѣса сильный огонь изъ орудій и ружей, принудивъ непріятеля возвратиться на свои суда, съ потерей пяти человѣкъ убитыхъ и двадцати раненыхъ; съ нашей стороны были ранены три человѣка.

Вскорѣ изъ Маріинска подоспѣлъ капитанъ Сеславинъ съ остальными казаками, въ числѣ 450 человѣкъ, а затѣмъ при-

былъ полковникъ Назимовъ съ 14-мъ баталіономъ, такъ что въ половинѣ октября въ де-Кастри собралось 1 500 человѣкъ нашего войска. Ежедневно, съ 9 час. утра до полдня, непріятель стрѣлялъ изъ орудій по берегу, не причиняя намъ никакого вреда, а только повалилъ въ лѣсу нѣсколько деревьевъ. Простоявъ въ де-Кастри до конца октября, непріятельскія суда ушли къ югу, а тогда и наши войска, уже по льду озера Кизи, вернулись въ Маріинскъ.

Между прочимъ слѣдуетъ еще упомянуть, что, за время пребыванія Невельского въ Маріинскѣ, туда прибылъ лейтенантъ Разградскій, командированный адмираломъ Завойко въ въ Императорскую гавань съ приказаніемъ затопить тамъ фрегатъ «Палладу», и, снявъ Константиновскій постъ, вернуться съ командой въ Николаевскъ.

Несмотря на то, что Геннадій Ивановичъ проживалъ въ Маріинскѣ какъ частный человѣкъ, онъ не задумался задержать Разградскаго до полученія отвѣта отъ адмирала Завойко, въ письмѣ къ которому онъ излагалъ свое мнѣніе, что нѣтъ крайности спѣшить уничтоженіемъ «Паллады», такъ какъ весною фрегатъ можетъ быть выведенъ изъ Императорской гавани, а если бы непріятель и вошелъ туда до заключенія мира, то, согласно данной начальнику поста инструкціи, фрегатъ будетъ взорванъ.

На это письмо Невельского отъ контръ-адмирала Завойко въ половинѣ декабря былъ полученъ отвѣтъ, что, въ силу данныхъ ему приказаній, онъ «не можетъ взять на свою отвѣтственность предложеніе, противорѣчащее этимъ приказаніямъ», а потому строго приказываетъ Разградскому немедленно отправиться въ Императорскую гавань и затопить тамъ фрегатъ, что и было приведено въ исполненіе 17-го января 1856 года.

Открытая Амурской экспедиціей и никому еще неизвѣстная Императорская гавань такъ замаскирована берегомъ, что только хорошо зная ея положеніе можно найти входъ въ нее съ моря. Блокируя берега Татарскаго пролива, непріятельскія суда ни разу туда не заходили и о существованіи ея только случайно узналъ командиръ англійскаго фрегата «*Pique*» весною 1856 г.

отъ одного американскаго капитана. Фрегатъ пришелъ въ Императорскую гавань 21 мая, когда «Паллада» была уже затоплена, и нашихъ людей тамъ не было. Изъ Императорской гавани «*Pique*» пошелъ въ де-Кастри, чтобы убѣдиться, нѣтъ ли тамъ нашихъ военныхъ судовъ, но здѣсь онъ узналъ о заключеніи мира. Точно такъ же непріятель до самаго окончанія войны не подозрѣвалъ о доступности устья Амура съ юга, и, продолжая считать, что Сахалинъ полуостровъ, все время искалъ наши суда въ Охотскомъ морѣ, у береговъ Японіи и подкарауливалъ ихъ въ южной части Татарскаго пролива.

Въ половинѣ мая 1856 года адмиралъ Завойко и Невельской со своими семьями снова отправились, уже на баржахъ, вверхъ по Амуру въ Забайкалье; но въ это время внизъ по рѣкѣ спускался подъ начальствомъ полковника Буссе третій амурскій сплавъ, состоявшій изъ 110 различнаго рода лодокъ и плотовъ. Передовымъ отрядомъ командовалъ капитанъ-лейтенантъ Чихачевъ, который и послалъ нарочнаго сообщить адмиралу Завойко о заключеніи мира съ западными державами и предупредить, что подниматься вверхъ по Амуру безъ паровыхъ средствъ—крайне медленно и опасно и что выгоднѣе слѣдовать въ Иркутскъ черезъ Аянъ. Получивъ это извѣстіе уже выше Маріинска, адмиралы сейчасъ же вернулись въ Николаевскъ и оттуда пошли въ Аянъ на транспортѣ «Иртышъ». Отъ Аяна до р. Маи имъ пришлось ѣхать верхомъ, причемъ дѣти сидѣли въ корзинкахъ, по обѣимъ сторонамъ лошади. Слѣдуя далѣе, по Маѣ, Алдану и Ленѣ на лодкахъ до Якутска, всѣ благополучно прибыли въ Иркутскъ. По дорогѣ въ Петербургъ Геннадій Ивановичъ оставилъ семью въ Красноярскѣ у сестры Екатерины Ивановны, Александры Ивановны Мазаровичъ, а самъ поспѣшилъ въ Петербургъ, куда и прибылъ въ концѣ октября.

Представляясь Государю Императору, Геннадій Ивановичъ былъ счастливъ услышать высокомилостивыя слова Его Императорскаго Величества, что Россія никогда не забудетъ его заслугъ. Тѣмъ не менѣе Невельскому все еще приходилось считаться со своими недоброжелателями. Въ это время въ

Петербургѣ былъ распространенъ слухъ, что «Аврора», «Оливуца» и «Двина», вслѣдствіе мелководья на барѣ Амура не могли выйти изъ рѣки, что донесеніе Невельского относительно этого бара ложны и что по его винѣ «Палладу» не ввели въ рѣку, а утопили въ Императорской гавани. Вскорѣ однако съ прибывшимъ курьеромъ было получено извѣстіе о благополучномъ выходѣ нашей эскадры изъ устья Амура.

Съ отъѣздомъ адмирала Завойко, за губернатора остался капитанъ 2 ранга Лесовскій; онъ, со свойственной ему энергіей, быстро вооружилъ эти суда, благополучно провелъ ихъ черезъ баръ и лиманъ, а затѣмъ они отправились въ Кронштадтъ.

Въ концѣ того же 1856 года, взамѣнъ прежней камчатской области, была основана Приморская область Восточной Сибири и Николаевскій постъ переименованъ въ «Николаевскъ на Амурѣ». Вскорѣ въ Николаевскъ прибылъ, на паровомъ катерѣ «Надежда», капитанъ I ранга П. В. Казакевичъ, назначенный, вмѣсто Камчатскаго губернатора Завойко, губернаторомъ Приморской области и командиромъ Сибирской флотиліи и портовъ Восточнаго океана. Такимъ образомъ, прошло всего лишь семь лѣтъ послѣ того, какъ этотъ самый Петръ Васильевичъ Казакевичъ, въ чинѣ лейтенанта, впервые вошелъ на вельботѣ въ рѣку Амуръ, устья которой до него не видѣлъ ни одинъ европеецъ. На мѣстѣ дремучаго лѣса у этого мыса Куегда, гдѣ онъ удивилъ туземцевъ своимъ появленіемъ, съ секстаномъ въ рукахъ, теперь существовалъ городъ Николаевскъ, какъ резиденція военнаго губернатора Приморской области, а низовье Амура и ближайшіе пункты на прибрежьи Татарскаго пролива заселились русскимъ людомъ. Для защиты этихъ береговъ изъ Забайкалья сплавились русскія войска и подступы къ устью Амура были защищены сильными батареями. Въ этомъ самомъ устьѣ Амура нашли защиту наши военныя суда, жители и имущество Петропавловскаго порта, а прибывшія изъ Забайкалья войска имѣли случай отбить нападеніе непріятеля на заливъ де-Кастри.

Представлялось теперь чѣмъ то легендарнымъ, что сравнительно такъ еще недавно первые сановники величайшаго въ

мірѣ государства до такой степени опасались присутствія въ этомъ краѣ большой китайской силы, что признали необходимымъ предписать командиру русскаго судна не иначе входить въ Амурскій лиманъ для гидрографическихъ изслѣдованій, какъ прикрываясь *какимъ нибудь разноцвѣтнымъ флагомъ* и оправдываясь передъ китайцами, что подошли къ берегу только затѣмъ, чтобы *половить рыбки*. Даже послѣ того, какъ полное отсутствіе китайской власти на этихъ берегахъ было удостовѣрено Невельскимъ, большинство членовъ Амурскаго комитета, во главѣ съ графомъ Нессельроде. все же не допускало занятія нами устья Амура, чтобы не нарушить этимъ вѣковой дружбы съ Срединнымъ Государствомъ.

Справедливость все-же обязываетъ упомянуть, что съ точки зрѣнія министра иностранныхъ дѣлъ, графъ Нессельроде имѣлъ, конечно, основанія быть осторожнымъ въ своихъ отзывахъ относительно занятія устья Амура небольшой горстью плохо вооруженныхъ русскихъ людей. Онъ доказывалъ что это непремѣнно вооружило бы противъ насъ Китайскую имперію, а между тѣмъ мы не имѣли никакихъ средствъ на Амурѣ, чтобы дать китайцамъ отпоръ, еслибы они пришли въ значительной силѣ и вытѣснили насъ оттуда; нашему флагу было бы нанесено оскорбленіе и мы ничѣмъ не могли бы отомстить Китайцамъ, тогда какъ прекращеніе кяхтинской торговли принесло бы громадные убытки нашему купечеству и казнѣ.

Но вся бѣда въ томъ и заключалась, что наше правительство находилось тогда въ совершенномъ заблужденіи на счетъ вооруженныхъ силъ Китая и поэтому избѣгало всего, что могло встревожить китайцевъ и подать имъ поводъ къ какимъ-либо столкновеніямъ съ нами. Даже послѣ того, что Невельской утвердился въ устьѣ Амура и основалъ военные посты на прибрежьи Татарскаго пролива, не возбудивъ при этомъ никакого протеста или противодѣйствія со стороны Китайскаго правительства, изъ Петербурга все еще шли предписанія «отнюдь не посягать на земли намъ не принадлежащія и соблюдать крайнюю осторожность и неспѣшность при установленіи торговыхъ сношеній со старшинами инородцевъ, обитающихъ только близъ устья Амура». Въ

Капитанъ-лейтенантъ

Петръ Васильевичъ Казакевичъ.

(Въ Америкѣ подъ фамиліей купца Соловьева).

Петербургѣ видимо принимали ихъ за какихъ то вассальныхъ Манджурскихъ князей, съ которыми можно было вступать въ правильныя дипломатическія сношенія; вмѣстѣ съ этимъ Невельскому строго воспрещалось распространять наше вліяніе далѣе Николаевскаго поста и посылать экспедиціи вверхъ по Амуру и Уссури.

Было очевидно, что въ Петербургѣ рѣшительно не желали руководствоваться завѣтами Великой Екатерины, которая относительно важности обладанія Амуромъ высказалась въ такихъ выраженіяхъ: «Если бы Амуръ могъ намъ только служить какъ удобный путь для продовольствія Камчатки и вообще нашихъ владѣній на Охотскомъ морѣ, то и тогда обладаніе онымъ было бы для насъ важнымъ». Точно такъ же и Императоръ Николай I, возбуждая въ 40-хъ годахъ амурскій вопросъ, указывалъ на необходимость «Паче всего удостовѣрить, могутъ ли входить суда въ рѣку Амуръ, ибо въ этомъ и заключается весь вопросъ, важный для Россіи». Но наиболѣе вліятельные въ то время министры,—военный, иностранныхъ дѣлъ и финансовъ, съ какимъ то непостижимымъ упорствомъ, не желали вѣрить въ возможность судоходности устья Амура, а вслѣдствіе этого наше правительство не придавало никакого значенія рѣкѣ Амуръ и избѣгало каждаго повода, могущаго возбудить пограничный вопросъ.

Несмотря на неотступныя представленія Невельскаго о важномъ значеніи для Россіи Амурскаго и Уссурійскаго бассейновъ, онъ получалъ въ отвѣтъ предписанія и напоминанія генералъ-губернатора о томъ, что каменные столбы, найденные Миддендорфомъ въ Удскомъ краѣ, и свѣдѣнія, сообщенныя нашей миссіей въ Пекинѣ, служатъ въ Петербургѣ убѣжденіемъ, что наша восточная граница съ Китаемъ должна идти по этимъ столбамъ. Но, не говоря уже о томъ, что Невельской съ самаго начала установилъ подлинное значеніе этихъ столбовъ въ Удскомъ краѣ, они никоимъ образомъ не могли имѣть значенія пограничныхъ знаковъ въ мѣстности, считавшейся по Нерчинскому трактату не разграниченной. Въ трактатѣ ничего о нихъ не упоминалось и они, конечно, не могли быть поставлены иначе, какъ при участіи комиссаровъ съ обѣихъ сторонъ.

Вмѣсто того, чтобы доискиваться, гдѣ именно должна проходить наша восточная граница съ Китаемъ въ краѣ не разграниченномъ, Невельской, словно Крыловскій «левъ на дѣлежѣ», зорко слѣдя за тѣмъ, чтобы никто не протягивалъ лапу къ устью Амура и видимо руководствуясь тѣмъ, что Россійская Имперія сильнѣе Китайской, признавалъ возможнымъ всю эту область до Корейской границы и съ островомъ Сахалиномъ присоединить къ Россійской державѣ.

Въ то время, когда въ Петербургѣ въ неопредѣленныхъ выраженіяхъ Нерчинскаго трактата старались отыскать такія указанія, по которымъ наша восточная граница съ Китаемъ упиралась бы непремѣнно въ Охотское море, Невельской напротивъ, не задумывался такъ толковать смыслъ этихъ статей, что упоминаемыя въ трактатѣ пограничныя горы упираются не въ Охотское море, а въ Японское. На основаніи собранныхъ на мѣстѣ данныхъ Невельской нашелъ возможнымъ утверждать, что Яблоновый хребетъ, дѣлая изгибъ, пересѣкаетъ Амуръ и подъ именемъ Хинганскаго спускается къ югу до корейской границы и что, слѣдовательно, все нижнее теченіе Амура съ его устьемъ и весь Уссурійскій край должны принадлежать Россіи. Не отрицая силы трактатовъ, Невельской прежде всего помнилъ о силѣ и величіи своего отечества и въ этомъ отношеніи онъ былъ вполнѣ солидаренъ съ генералъ-губернаторомъ Н. Н. Муравьевымъ, который еще въ 1850 году писалъ А. Л. Перовскому: «Сенявинъ и Нессельроде полагаютъ, что Амуръ для насъ по Нерчинскому трактату потерянъ. Удивляюсь, какъ никто имъ не скажетъ, что слова эти приличны только Пальмерстону и его министерству; удивляюсь, какъ никто не сказалъ Нессельроде, что у насъ въ Забайкальскомъ краѣ можетъ быть 20.000 штыковъ и 6.000 кавалеріи, если только разрѣшатъ генералъ-губернатору привести въ исполненіе его предположеніе» (*).

Въ томъ же 1850 году, начальникъ Амурской экспедиціи кап. 1-го ранга Геннадій Невельской, сейчасъ же по прибытіи на Петровскую кошку, началъ приводить въ исполненіе

(*) И. Барсуковъ стр. 264.

свои предположенія, не ожидая, чтобы ему это непремѣнно разрѣшили. Имѣя въ своемъ распоряженіи 25 штыковъ, фалконетъ, штурманскаго прапорщика Орлова, гиляка Позвейпа и тунгуса Афанасія, онъ признавалъ себя достаточно сильнымъ, чтобы занять устье Амура и отъ имени правительства объявить мѣстному населенію и приходящимъ къ морскому побережью иностраннымъ судамъ, что весь Уссурійскій край до корейской границы и съ островомъ Сахалиномъ составляютъ принадлежность Россійской Имперіи.

Получивъ черезъ годъ еще 50 штыковъ и двухъ мичмановъ, Невельской занялъ военными постами нѣсколько пунктовъ въ этомъ краѣ и, продолжая укрѣплять тамъ русскую власть, своими настойчивыми представленіями наконецъ добился того, что въ Петербургѣ было обращено надлежащее вниманіе на поднятый имъ пограничный вопросъ.

Въ 1856 году адмиралъ графъ Путятинъ (*) былъ назначенъ посланникомъ въ Пекинъ для заключенія трактата съ Китаемъ; весной слѣдующаго года онъ прибылъ на Шилкинскій заводъ и, спустившись по Амуру въ Николаевскъ, отправился на пароходѣ «Америка» въ Печилійскій заливъ, къ устью рѣки Пейхо.

По своему обыкновенію китайцы подъ разными предлогами уклонялись отъ переговоровъ, ссылаясь между прочимъ на то, что у нихъ нѣтъ такихъ особо важныхъ дѣлъ съ Россіей, ради которыхъ стоило бы такой важной особѣ, какъ посланникъ, предпринимать трудный путь въ Пекинъ и что собственно о рѣкѣ Амуръ удобнѣе переговариваться въ г. Айгунѣ, гдѣ у нихъ есть уполномоченный, управляющій всей Манджуріей.

По полученіи въ Петербургѣ извѣстія о неудавшейся попыткѣ Путятина проникнуть въ Пекинъ ему было предписано, не касаясь вопроса о рѣкѣ Амуръ, домогаться отъ китайцевъ лишь тѣхъ преимуществъ для Россіи, какія получатъ другія націи; переговоры же собственно о нашей границѣ съ Китаемъ были возложены на генер.-губерн. Муравьева.

(*) За успѣшное заключеніе трактата съ Японіей, адмиралъ Е. В. Путятинъ, былъ возведенъ въ графское Россійской Имперіи достоинство.

Ранней весной 1858 года Муравьевъ былъ уже въ Срѣтенскѣ и 26 апрѣля, въ сопровожденіи архіепископа Иннокентія на особо устроенныхъ баржахъ съ двумя вооруженными катерами поплылъ по Амуру, къ Усть-Зейской станицѣ, гдѣ 9 мая былъ заложенъ храмъ, во имя Благовѣщенія, причемъ станица была переименована въ городъ Благовѣщенскъ.

Послѣ неизбѣжныхъ церемоній, привѣтствій и угощеній, съ музыкой и салютами, между Муравьевымъ и айгунскимъ губернаторомъ начались переговоры, и несмотря на то, что китайцы своими азіатскими ухищреніями выводили Муравьева изъ терпѣнія, 16-го мая 1858 года былъ, наконецъ, подписанъ проектъ Айгунскаго договора, первой статьей котораго устанавливалась наша граница съ Китаемъ отъ сліянія рѣкъ Шилки и Аргуни по правому берегу Амура до устья Уссури. Но и на этотъ разъ по настоятельнымъ просьбамъ айгунскаго губернатора Муравьевъ согласился на то, чтобы земли лежащія къ востоку отъ рѣки Уссури и отъ ея верховьевъ до моря остались неразграниченными, до усмотрѣнія Россійскаго Императора и Китайскаго Богдыхана.

По полученіи донесенія о ратификаціи богдыханомъ Айгунскаго трактата, Государь Императоръ, 26 августа 1858 года возвелъ Н. Н. Муравьева съ нисходящимъ потомствомъ въ графы Россійской Имперіи, съ присоединеніемъ названія «Амурскаго» и при этомъ ему была пожалована пенсія въ 15 000 рублей.

Въ Ноябрѣ того же 1858 года былъ награжденъ и контръ-адмиралъ Г. И. Невельской. Ему была пожалована пенсія въ 2 000 рублей. Контръ-адмиралъ Казакевичъ получилъ пенсію въ 1 500 рублей, а участники Амурской экспедиціи были удостоены очередныхъ наградъ орденами. Одновременно удостоились полученія пенсій въ 2 000 рублей предсѣдатель правленія Россійско-Американской компаніи Политковскій (*) и въ 1 500 рублей генералъ-маіоръ Буссе.

(*) Въ настоящее время трудно установить, кто былъ этотъ Политковскій и въ чемъ заключались его заслуги передъ отечествомъ, за которыя онъ удостоился равной съ Невельскимъ награды; по сохранившимся преданіямъ это можно объяснить развѣ только тѣмъ, что въ тѣ времена на службѣ рос. америк. компаніи,— чужіе были рѣдки.

Такимъ образомъ, успѣшное разрѣшеніе амурскаго вопроса было приписано главнымъ образомъ генералъ-губернатору Муравьеву, тогда какъ Невельской, которому принадлежала вся инищіатива дѣла и который обнаружилъ потомъ столько энергіи, чтобы провести его въ жизнь, былъ вмѣстѣ съ неутомимыми его сотрудниками приравненъ къ личностямъ, дѣятельность которыхъ въ Амурскомъ краѣ причиняла Г. И. Невельскому, какъ начальнику экспедиціи, такъ много затрудненій и непріятностей.

Даже въ настоящее время, пользуясь многими обнародованными по амурскому дѣлу матеріалами, трудно выяснить дѣйствительныя причины, по которымъ, въ отношеніи Г. И. Невельского, могла быть обнаружена такая несправедливость. Конечно, еслибы заключеніе Айгунскаго договора состоялось еще при жизни Государя Императора Николая Павловича, лично знавшаго Невельского и постоянно одобрявшаго его дѣйствія, то заслуги Геннадія Ивановича получили бы вполнѣ справедливую оцѣнку. Но въ то время многіе изъ его недоброжелателей находились еще у власти и воспользовались ею со всѣмъ усердіемъ, чтобы оставить Невельского въ тѣни, а всю славу въ разрѣшеніи амурскаго вопроса приписать генералъ-губернатору Муравьеву.

Если бы, какъ это утверждаетъ П. В. Шумахеръ, а затѣмъ повторяетъ И. П. Барсуковъ,—«начало и выполненіе вопроса объ отысканіи и занятіи устья Амура принадлежало одному Муравьеву», то на какомъ же основаніи взысканію за самовольныя дѣйствія на устьѣ Амура подвергался не кто другой, какъ начальникъ амурской экспедиціи? Наконецъ, если проведеніе въ жизнь всего амурскаго вопроса составляло постоянную заботу именно генералъ-губернатора Муравьева, то почему тотъ же Невельской вынужденъ былъ съ каждой отправляемой почтой настойчиво повторять, словно Катонъ про Карѳагенъ, что рѣка Амуръ и весь Амурскій и Уссурійскій край съ островомъ Сахалиномъ должны принадлежать Россіи.

Между тѣмъ, во всей обнародованной объемистой оффиціальной и частной перепискѣ генералъ-губернатора Муравьева нельзя найти указаній на то, чтобы онъ относился съ

особымъ вниманіемъ къ представленіямъ Невельского, въ которыхъ онъ выражалъ надежду, что на его экспедицію «будетъ наконецъ обращено надлежащее вниманіе и онъ получитъ разрѣшеніе не къ палліативнымъ только, вреднымъ и гибельнымъ для края дѣйствіямъ, а къ дѣйствіямъ рѣшительнымъ, вызываемымъ важными обстоятельствами, встрѣченными на мѣстѣ».

Спрашивается, какимъ это образомъ начальникъ Амурской экспедиціи капитанъ 1-го ранга Невельской во всѣхъ своихъ представленіяхъ могъ бы говорить такимъ языкомъ и дѣйствовать все время «внѣ повелѣній», если бы инициатива въ разрѣшеніи амурскаго вопроса принадлежала дѣйствительно одному только генералъ-губернатору Муравьеву.

Нѣтъ возможности приводить снова длинныя выписки изъ оффиціальныхъ документовъ для подтвержденія того, что только дѣятельность и открытія Невельского дали основаніе и силу представленіямъ Муравьева относительно амурскаго вопроса, а поэтому Невельскому и его сподвижникамъ и должны [illegible] нымъ образомъ принадлежать слава въ разрѣшеніи амурскаго вопроса. На основаніи приведенныхъ въ настоящемъ очеркѣ данныхъ не можетъ оставаться сомнѣнія въ томъ, что Невельской гораздо болѣе нежели Муравьевъ заслуживалъ названія Амурскаго, и не только Амурскаго, но и Уссурійскаго, чего никакъ нельзя сказать относительно генералъ-губернатора Муравьева. Признавая безусловную необходимость присоединенія къ Россіи рѣки Амуръ съ ея устьемъ, Муравьевъ все время противился занятію южныхъ гаваней и не видѣлъ надобности въ присоединеніи къ Россіи Уссурійскаго края. Онъ поэтому постоянно напоминалъ Невельскому, что «главный нашъ портъ на Востокѣ долженъ быть Петропавловскъ, что наша граница съ Китаемъ должна идти по лѣвому берегу Амура и что не разрѣшается занимать селеніе Кизи, лежащее на правомъ берегу Амура, а также и заливъ Де-Кастри и отправлять экспедиціи для изслѣдованія Татарскаго прибрежья и рѣкъ Амура и Уссури».

Со своей стороны Г. И. Невельской не уставалъ повторять, что обладаніе устьемъ Амура не можетъ имѣть для насъ осо-

беннаго значенія, если не въ нашей власти будетъ Татарскій проливъ и если мы не будемъ владѣть тамъ удобными гаванями. «Но, въ то время,—говоритъ Невельской,—всѣ были того мнѣнія, что намъ вовсе не надобно идти далѣе лѣваго берега Амура, что обладаніе этимъ берегомъ и должно составлять конечную цѣль нашихъ здѣсь дѣйствій, т. е. желали положить границу съ Китаемъ по лѣвому берегу Амура. Таковы были мнѣнія и убѣжденія лицъ, отъ которыхъ зависѣло направленіе нашихъ дѣйствій въ этомъ краѣ. Эти убѣжденія раздѣляли тогда всѣ почти лица, прибывшія съ генералъ-губернаторомъ, но факты весьма скоро обнаружили всю неосновательность такого мнѣнія и всю справедливость постоянныхъ моихъ представленій о томъ, что рѣка Амуръ составляетъ лишь базисъ нашихъ дѣйствій, главная же и конечная цѣль должна быть Уссурійскій бассейнъ и его прибрежье».

Какъ бы то ни было, нельзя не признать громадныхъ заслугъ Н. Н. Муравьева въ разрѣшеніи амурскаго вопроса, послѣдствіемъ чего и явилось присоединеніе къ Россіи При-Амурскаго и При-Уссурійскаго края, притомъ безъ пролитія капли крови и съ самыми ничтожными матеріальными затратами (*). Очень вѣроятно, что каждый другой, менѣе энергичный и менѣе дѣятельный генералъ-губернаторъ легко присоединился бы къ мнѣнію, что невозможно подымать вопросъ объ устьѣ Амура и «возбуждать непріятную переписку съ китайскимъ правительствомъ, нежелательную для министра иностранныхъ дѣлъ графа Нессельроде, когда уже положительно доказано, что входить въ устье Амура могутъ только лодки, что рѣка Амуръ охраняется большою китайской силою и что, слѣдовательно, безполезно и говорить о томъ, что невозможно».

Такимъ образомъ, главная заслуга Н. Н. Муравьева въ амурскомъ дѣлѣ въ томъ и заключалась, что онъ былъ одинъ изъ немногихъ въ то время, оцѣнившихъ великую идею капитанъ-лейтенанта Невельского о необходимости присоединенія

(*) Изъ представленнаго Невельскимъ отчета о дѣятельности Амурской экспедиціи съ 1850 по 1855 годъ видно, что за всѣ эти пять лѣтъ она стоила казнѣ 64 000 руб. вмѣстѣ съ продовольствіемъ, т. е. менѣе 13 000 руб. въ годъ.

къ Россіи рѣки Амуръ. Не подлежитъ сомнѣнію, что благодаря только особенной настойчивости Муравьева, Невельской могъ получить разрѣшеніе и инструкцію на изслѣдованіе Амурскаго лимана.

Само собою разумѣется, что безъ сочувствія и поддержки генералъ-губернатора Муравьева всѣ представленія Невельского въ Петербургѣ о необходимости изслѣдованія устья Амура не получили бы никакого практическаго результата. Точно также, назначенный командиромъ транспорта «Байкалъ» Невельской, безъ надежды на заступничество генералъ-губернатора Муравьева, вѣроятно, и не пошелъ бы самовольно въ Амурскій лиманъ, напрасно рискуя судномъ и собственной судьбой. Но съ другой стороны не имѣется никакихъ данныхъ для предположенія, чтобы вновь назначенный генералъ-губернаторомъ Восточной Сибири Н. Н. Муравьевъ, при всей его несомнѣнной энергіи и дѣятельности, могъ разрѣшить амурскій вопросъ, еслибы въ его распоряженіи не было такого исключительно энергичнаго и талантливаго сотрудника, притомъ беззавѣтно преданнаго амурскому дѣлу, какимъ оказался Г. И. Невельской.

Какъ человѣкъ прямой, Геннадій Ивановичъ, безъ всякаго лукавства и ложной скромности, по справедливости оцѣнивалъ совершенный имъ подвигъ. «Если-бы я,—говоритъ онъ въ своихъ запискахъ, — ограничился выполненіемъ только той программы, для которой спеціально былъ отправленъ «Байкалъ», т. е. доставилъ бы грузы въ Сибирскіе наши порты, подобно многимъ моимъ предшественникамъ и не принялъ бы мѣръ къ раннему приходу въ Петропавловскъ, чтобы имѣть свободные лѣтніе мѣсяцы 1849 года, наконецъ, если бы я, несмотря на отвѣтственность не рѣшился бы по собственному своему усмотрѣнію, безъ прямого на то повелѣнія, идти изъ Петропавловска прямо въ Амурскій лиманъ, чтобы раскрыть истину, то мы, русскіе, подъ давленіемъ распространеннаго тогда въ Аянѣ мнѣнія о положительной недоступности Амурскаго лимана и устья Амура, могли бы не обратить на этотъ край должнаго и энергическаго вниманія и вслѣдствіе этого оставались бы увѣренными въ упомяну-

томъ заблужденіи». Такимъ образомъ нельзя не согласиться съ совершенно вѣрнымъ заключеніемъ профессора Погодинскаго, что «Муравьевъ былъ адвокатомъ передъ трономъ и правительствомъ, но Невельской былъ дѣйствительнымъ инициаторомъ всего дѣла».

Справедливость требуетъ упомянуть, что сейчасъ же по заключеніи Айгунскаго договора Н. Н. Муравьевъ въ тотъ же день 16-го мая написалъ Невельскому письмо, въ которомъ, поздравляя его съ знаменательнымъ событіемъ утвержденія за Россіей При-Амурскаго края, выразился: «Отечество никогда Васъ не забудетъ, какъ перваго дѣятеля, создавшаго основаніе, на которомъ воздвигнуто настоящее зданіе. Цѣлую ручки Екатерины Ивановны, раздѣлявшей наравнѣ съ Вами и со всѣми Вашими достойными сотрудниками труды, лишенія и опасности и поддерживавшей Васъ въ этомъ славномъ и трудномъ подвигѣ. Искренно обнимаю Васъ, благодарю и еще разъ поздравляю».

Не подлежитъ сомнѣнію, что это признаніе заслугъ Невельского было тогда вполнѣ искреннимъ, а между тѣмъ Муравьевъ за послѣдніе годы настолько разошелся съ Невельскимъ, что признавалъ его вреднымъ на Амурѣ.

Во всей объемистой офиціальной перепискѣ Муравьева нельзя усмотрѣть никакихъ причинъ, которыя могли бы вызвать такое его отношеніе къ Невельскому. Напротивъ, въ самомъ началѣ Муравьевъ посылалъ очень лестные о немъ отзывы. Такъ, представляя записку, составленную по донесеніямъ кап. 1-го ранга Невельского и маіора Корсакова генералъ-губернаторъ во всеподданнѣйшемъ рапортѣ 27 ноября 1850 года доносилъ: «оба эти штабъ-офицера, исполняя въ этихъ отдаленныхъ странахъ возложенныя на нихъ порученія съ безпримѣрною дѣятельностью и самопожертвованіемъ, быстротою и распорядительностью своею, можно сказать, изгладили пространства, отдѣляющія Восточный океанъ отъ Вашей столицы,—и Высочайшія Ваши повелѣнія, данныя въ началѣ сего года и доставленныя ко мнѣ черезъ нихъ же изъ С.-Петербурга въ концѣ марта, выполнены ими въ Охотскѣ, Камчаткѣ и Амурскомъ лиманѣ съ величайшимъ успѣхомъ. Осо-

бенно важны дѣйствія капитана 1-го ранга Невельского и доставленныя имъ свѣдѣнія: до нѣкоторой степени они уже оградили насъ отъ угрожавшей опасности безпрепятственнаго занятія устья рѣки Амура иностранцами; а вмѣстѣ съ тѣмъ доставленныя имъ свѣдѣнія указываютъ во всѣхъ отношеніяхъ возможность и необходимость усугубить наше вниманіе и средства на этихъ прибрежьяхъ, составляющихъ древнее достояніе Россіи» (*).

Въ приложенной генералъ-губернаторомъ запискѣ были подробно изложены обстоятельства, которыми сопровождалось занятіе Невельскимъ устья Амура съ поднятіемъ флага на мысѣ Куегда. Что же касается заслугъ маіора Корсакова, то онѣ заключались тогда главнымъ образомъ въ курьерской службѣ, и если генералъ-губернаторъ призналъ возможнымъ какъ бы приравнять заслуги обоихъ этихъ штабъ-офицеровъ, то это объясняется можетъ быть родственными отношеніями между Н. Н. Муравьевымъ и М. С. Корсаковымъ.

Что касается частной переписки генералъ-губернатора Муравьева, то въ сентябрѣ 1849 г. онъ писалъ министру внутр. дѣлъ Перовскому: «Невельской превосходно исполнилъ свое порученіе и съ такою полнотою, добросовѣсностью и смысломъ, что ему могъ бы позавидовать и безсмертный Крузенштернъ и всевѣдущій Миддендорфъ». Позднѣе въ одномъ изъ писемъ Муравьевъ упоминаетъ: «Невельской попрежнему больше всего занятъ дѣломъ службы и настаиваетъ на занятіи Кизи и залива де-Кастри. Доводы его основательны». А затѣмъ, въ письмѣ Корсакову отъ половины февраля 1855 г. Муравьевъ выражается уже такъ «Невельской строитъ батареи въ Николаевскомъ портѣ на увалѣ; кажется противъ своего дома, а не тамъ, гдѣ приказано—противъ входа въ рѣку. Онъ оказывается также вреденъ, какъ атаманъ.... (**). Чѣмъ раньше я буду тамъ (въ Кизи) тѣмъ лучше, ибо Невельской все дѣлаетъ ошибки».

Какія именно были ошибки нигдѣ ни разу не упоминается, но около этого же времени Муравьевъ пишетъ Корсакову:

(*) И. П. Барсуковъ. Книга вторая, стр. 69.

(**) Атаманъ Запольскій: военный губерн. Забайкальской области.

«Для успокоенія Невельского я полагаю назначить его исполняющимъ должность начальника штаба; такимъ образомъ Невельской съ громкимъ названіемъ не будетъ никому мѣшать и докончитъ свое тамъ поприще почетно» (*).

Въ письмѣ Муравьева къ военному губернатору Забайкальской области между прочимъ говорится: «Не забудьте послать предписаніе Невельскому возвратиться съ устьевъ Амура какъ ему угодно: или черезъ Аянъ, или вверхъ по Амуру, а пожалуй себѣ и вокругъ свѣта, если ему это вздумается, на основаніи бывшаго по этому предмету приказа генералъ-адмирала».

Приведенныя выписки служатъ достаточнымъ свидѣтельствомъ того, что за послѣднее время генералъ-губернаторъ Муравьевъ относился къ Г. И. Невельскому далеко не дружелюбно; а между тѣмъ ни въ одномъ изъ писемъ Муравьева нѣтъ указаній, что̀ именно послужило главнымъ поводомъ къ такому его нерасположенію къ Геннадію Ивановичу, вынесшему на своихъ плечахъ весь трудъ разрѣшенія амурскаго вопроса. Поэтому, какъ общую причину перемѣны въ отношеніи генералъ-губернатора къ Г. И. Невельскому слѣдуетъ искать прежде всего въ нѣкоторыхъ свойствахъ характера самого Н. Н. Муравьева. Какъ человѣкъ самолюбивый и раздражительный, Муравьевъ очевидно не могъ простить Геннадію Ивановичу постоянной критики его мнѣній и распоряженій, особенно когда эти сужденія высказывались въ откровенной и рѣзкой формѣ.

Для характеристики Н. Н. Муравьева можно привести слѣдующій о немъ отзывъ одного изъ бывшихъ его подчиненныхъ, губернатора Забайкальской области Запольскаго: «Характеръ Н. Н. Муравьева не загадоченъ и его не трудно опредѣлить: не имѣя геніальныхъ достоинствъ, но не чуждаясь однако же попасть «безъ драки въ великіе забіяки», онъ людей достойныхъ и поистинѣ полезныхъ ласкаетъ и дорожитъ ими до тѣхъ поръ, пока не извлечетъ изъ нихъ того, что онъ по своимъ замысламъ и разсчетамъ достигнуть желаетъ, и

(*) И. Барсуковъ. Стр. 396.

тогда уже старается, какими бы то ни было мѣрами, удалить или переводомъ, или вытѣснивъ непріятностями съ тою цѣлью, чтобы все сдѣланное относилось прямо къ нему, а отнюдь не къ кому-либо другому; и эта безпрерывная боязнь вынуждаетъ его не оставлять при себѣ людей, могущихъ оцѣнить его дѣйствія и выказать свои способности и достоинства; и поэтому окружаетъ себя людьми такими, на которыхъ первый взглядъ укажетъ, что они пороха не выдумаютъ, а по совершившемуся нельзя не думать, что это придумано и выполнено самимъ главнымъ начальникомъ (*).

«Историческій матеріалъ — говоритъ проф. Бупинскій,— позволяетъ намъ сдѣлать слѣдующее заключеніе о личности Муравьева. Это человѣкъ безспорно даровитый, энергичный, способный къ кипучей дѣятельности, но въ то же время— крайне тщеславный, самолюбивый и несправедливый; самомнѣніе и самохвальство у него безпредѣльны».

Эти отзывы о характерѣ Н. Н. Муравьева подтверждаются также и мнѣніемъ лицъ, пользовавшихся особеннымъ его расположеніемъ и поэтому скорѣе пристрастныхъ. Такъ А. И. Заборинскій (**), прослужившій подъ начальствомъ Муравьева въ Восточной Сибири болѣе восьми лѣтъ, изъ коихъ около года въ должности его начальника штаба, говоритъ: «Н. Н. Муравьевъ обладалъ быстрымъ соображеніемъ и предпріимчивостью, характера былъ настойчиваго и необыкновенно дѣятеленъ, посвящая все время служебнымъ занятіямъ и всегда готовый преслѣдовать зло. Въ обхожденіи съ подчиненными былъ очень простъ и ласковъ. Онъ былъ чуждъ всякой военной формальности и даже того, свойственнаго военнымъ, тщеславія, чтобы какъ начальникъ, окруженный свитою, рисоваться своимъ командирствомъ передъ войсками, которыхъ онъ почти никогда и не осматривалъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ Н. Н. Муравьевъ, какъ человѣкъ нервный и страдавшій сердцемъ, былъ иногда до крайности раздражителенъ, что и было причиною нѣкоторыхъ съ его стороны неумѣстныхъ выходокъ и

(*) «Рус. Стар.», 1881 г. окт. стр. 396.
(**) Русск. Старина. 1883 г. Іюнь стр. 624.

ошибочныхъ поступковъ, тѣмъ болѣе, что онъ былъ не прочь выслушивать и розсказни близкихъ къ нему лицъ. При всѣхъ своихъ достоинствахъ, Н. Н. Муравьевъ, какъ отъ болѣзненнаго состоянія, такъ и отъ усвоеннаго имъ, существовавшаго въ то время принципа начальнической непогрѣшности, а частью и отъ безусловной покорности и угодливости подчиненныхъ, нерѣдко былъ упрямъ въ исполненіи своихъ распоряженій».

Результатомъ такого упрямства Муравьева и явились переселеніе Охотскаго порта въ Петропавловскъ, вопреки представленіямъ Г. И. Невельского, приводившаго неоспоримые доводы о вредныхъ послѣдствіяхъ этой мѣры.

Къ числу такихъ же скороспѣшныхъ и ошибочныхъ мѣропріятій относится и поселеніе въ 1851 году по рѣкамъ Алдану и Маѣ нѣсколькихъ семей старообрядцевъ (около 100 семействъ), изъ коихъ черезъ три года по переселеніи осталось всего десять душъ, а остальные погибли отъ тифа и цынги (*). Но еще болѣе печальныя послѣдствія имѣли необдуманныя распоряженія при возвращеніи изъ Маріинска вверхъ по Амуру большихъ партій войскъ, общей численностью 2,500 человѣкъ. Чтобы обезпечить благополучный подъемъ ихъ вверхъ по Амуру, спускавшемуся съ третьимъ амурскимъ сплавомъ весною 1856 года полковнику Буссе было приказано установить по лѣвому берегу рѣки посты, снабженные продовольствіемъ. Вопреки представленіямъ Невельского, ихъ по всему теченію Амура на протяженіи около 2500 верстъ установили недостаточно и, при плохой распорядительности, команды были поставлены въ такое критическое положеніе, что многимъ пришлось умереть голодной смертью. Такъ, послѣдняя партія пробыла въ пути 143 дня и изъ 370 человѣкъ потеряла умершими 102 человѣка.

Объ обстоятельствахъ этого подъема войскъ вверхъ по Амуру въ то время приказано было молчать, поэтому подробности о немъ крайне разнорѣчивы, но въ 1900 году, въ запискахъ Приамурскаго отдѣла П. Р. Геогр. Общества, приведены во-

(*) А. И. Заборинскій. Рус. Стар. 1883 г. Іюнь стр. 625.

сноминанія амурскаго казака Р. К. Богданова, который былъ посланъ изъ Усть-Стрѣлки для оказанія помощи голодавшимъ. По его словамъ на всемъ пути встрѣчались измученные солдаты и ниже Албазина, около сидѣвшей на мели барки съ мукой, было нѣсколько труповъ умершихъ солдатъ, которые объѣлись мукой и умерли. Ниже встрѣчались голодные солдаты, шедшіе въ однихъ шинеляхъ при 30° мороза, закоптѣвшіе отъ дыма до неузнаваемости, съ руками и ногами изуродованными морозомъ. Несмотря на все это, солдаты тащили ружья и ранцы, а на совѣтъ бросить аммуницію, отвѣчали, что за потерю казеннаго имущества ихъ отдадутъ подъ судъ. Далѣе попадались замерзшіе у костровъ солдаты, такъ какъ у нихъ не было топоровъ, чтобы рубить дрова; а на одномъ островѣ было много труповъ замерзшихъ въ разныхъ позахъ солдатъ, при чемъ у нѣкоторыхъ труповъ были отрѣзаны заднія части. Здѣсь Богдановъ засталъ человѣкъ двадцать живыми, которые по неимѣнію сапоговъ не могли идти далѣе и остались тутъ, питаясь человѣческимъ мясомъ (*).

Большими неурядицами сопровождался также и сплавъ по Амуру первыхъ переселенцевъ. Баржи часто становились на мель, а въ это время другія уносило теченіемъ; люди теряли имущество, а скотъ по неимѣнію корма погибалъ сотнями. Съ первой же недѣли плаванія между переселенцами началъ развиваться тифъ, хотя большой смертности и не было. Мѣста для поселенія не были выбраны заранѣе; люди перебирались съ мѣста на мѣсто, болѣли тифомъ и скорбутомъ, а между тѣмъ первыми умерли оба фельдшера.

При такихъ условіяхъ трудно было находить добровольныхъ охотниковъ для переселенія на Амуръ и Муравьевъ началъ переводить туда Забайкальскихъ казаковъ по наряду и по жребію а наконецъ и штрафованныхъ солдатъ, получившихъ на Амурѣ названіе *сынковъ*. Они назначались по одному на каждую казачью семью подъ видомъ помощника въ работѣ. Само собою разумѣется, что ни на какую работу они не были годны и явились совершенной язвой для края, вслѣдствіе чего

(*) Р. К. Богдановъ. Воспоминанія амурскаго казака. Русскій Міръ. 1872 г. №№ 45. 46 и 50.

потомъ понадобились большія средства для выселенія ихъ изъ Сибири.

Тѣмъ не менѣе, уже въ 1858 году Муравьевъ находилъ возможнымъ доносить великому князю Константину Николаевичу, что казачьи селенія дѣятельно устраиваются, земли обрабатываются, сами казаки здоровы, бодры духомъ, довольны мѣстами новаго ихъ поселенія и обратились уже къ мѣстной промышленности; что въ устроенныхъ въ 1855 году, между Маріинскомъ и Николаевскомъ селеніяхъ, крестьяне расчистили большія пашни, завелись скотомъ, а село Михайловское не уступитъ многимъ приволжскимъ селеніямъ; что Николаевскъ съ двумя стами номеровъ домовъ, представляетъ уже порядочный портовый городъ и что теперь отъ правительства будетъ зависѣть, чтобы городъ распространялся и процвѣталъ подобно С. Франциско (*).

Повидимому Н. Н. Муравьевъ искренно вѣрилъ въ возможность быстраго развитія торговли, промышленности и судоходства по Амуру и въ Николаевскѣ. Уже въ августѣ 1856 года онъ писалъ изъ Петербурга начальнику штаба Заборинскому: «Прошу сообщить, чтобы въ Забайкальской Области занялись особенно воздѣлываніемъ пеньки и приготовленіемъ масла; это пріѣдутъ покупать американцы не далѣе какъ нынѣшнею зимою».

Полная неудача могла бы постигнуть заключенный уже Муравьевымъ Айгунскій договоръ, такъ какъ китайское правительство отказывалось его признать ссылаясь на то, что богдыхану неправильно доложили, поэтому указъ вышелъ ошибочный, за что виновные чиновники подверглись наказанію. Дѣйствительно Айгунскій губернаторъ Ишань былъ разжалованъ, «за превышеніе власти и глупость», а помощникъ его отправленъ на Уссури съ деревянной колодкой на шеѣ; его велѣно было показывать мѣстнымъ жителямъ въ примѣръ и острастку другимъ. Айгунскій трактатъ толковался китайцами такимъ образомъ: «Китайскій великій государь, вездѣ любя все живое, не хотѣлъ, чтобы простой народъ

(*) И. Барсуковъ. Книга II стр. 179, 185.

русскаго государства терпѣлъ лишенія и стѣсненія, и далъ пустыя земли по лѣвому берегу Амура и земли, гдѣ находится Котунь-тунь (Маріинскъ) и Ци-цзи (Кизи) для житья безпріютному народу. Это показываетъ, что китайскій государь печется объ иностранномъ народѣ, какъ о своемъ. Мѣста же по Уссури и Суфынь ни въ какомъ случаѣ не могутъ быть уступлены. Въ случаѣ упорства со стороны Россіи, китайское правительство прекратитъ торговлю въ Маймаченѣ Чугучакѣ и Кульджѣ и доведетъ до свѣдѣнія вѣхъ другихъ государствъ о несправедливости русскихъ дѣйствій».

Таково было заявленіе, сдѣланное нашему послу генералу Игнатьеву прибывшему въ Пекинъ для ратификаціи заключеннаго Путятинымъ Тянь-цзинскаго трактата. Почти цѣлый годъ (съ іюня 1859 г. по май 1860 г.) шли безплодные переговоры, кончившіеся тѣмъ, что генералъ Игнатьевъ, ничего не добившись, былъ вынужденъ выѣхать изъ Пекина и, въ ожиданіи дальнѣйшихъ событій, перебрался на только что пришедшій изъ Кронштадта отрядъ судовъ кап. 1 ранга И. Ѳ. Лихачева (*).

Вскорѣ, въ августѣ 1860 г., по поводу ратификаціи Тянь-цзинскихъ трактатовъ у Китая снова возникли разногласія съ Англіей и Франціей. Войска союзниковъ подошли къ Пекину, богдыханъ бѣжалъ, и столица, находясь подъ пушками непріятеля, ждала со дня на день разграбленія. Тогда Игнатьевъ съ нѣсколькими казаками вернулся въ Пекинъ и, взявъ на себя посредничество между непріятелями своими совѣтами помогъ китайцамъ довести дѣло до благопріятнаго конца. Въ благодарность за оказанныя услуги Игнатьевъ и настоялъ на заключеніи Пекинскаго трактата. (2 ноября 1860 г.) (**).

Такимъ образомъ, благодаря только разгрому Пекина англо-французами и дипломатической ловкости Н. П. Игнатьева

(*) Инціатива въ рѣшеніи вопроса о посылкѣ нашихъ судовъ въ Печилійскій заливъ, для поддержанія требованій генерала Игнатьева принадлежала самому начальнику отряда И. Ѳ. Лихачеву, бывшему тогда адъютантомъ великаго князя Константина Николаевича, который, какъ извѣстно, былъ почти единственнымъ защитникомъ всего, что касалось Амурскаго дѣла.

(**) Бар. А. Буксгевденъ. Русскій Китай. Пекинскій договоръ.

оказалось возможнымъ добиться отъ перепуганнаго китайскаго правительства не только утвержденія первой статьи Айгунскаго договора но, одновременно, Китай уступилъ намъ и весь Уссурійскій край до Корейской границы. Не будь этого благопріятнаго обстоятельства, то высокомѣрное китайское правительство, несомнѣнно, продолжало бы упорствовать и намъ пришлось бы добиваться утвержденія Айгунскаго договора вооруженной силою. Вѣрнѣе же, что по затруднительности воевать съ Китаемъ, и по тогдашней нашей склонности къ мирной дружбѣ съ китайцами, окончательное рѣшеніе этого вопроса было бы на долго отсрочено.

Съ другой стороны не подлежитъ сомнѣнію, что если бы ко времени китайской смуты, въ 1858 г., Муравьевымъ не былъ заключенъ Айгунскій договоръ, то ни Игнатьевъ въ Пекинѣ, ни Путятинъ въ Тянь-цзинѣ вовсе и не возбуждали бы вопроса о нашей границѣ съ Китаемъ. Единственной цѣлью посылки Путятина въ Китай было бы только заключеніе торговаго договора, на одинаковыхъ съ другими европейскими державами условіяхъ. Точно также можно сказать съ увѣренностью, что если бы Г. И. Невельской съ самаго начала своей дѣятельности на Амурѣ не твердилъ о необходимости для насъ пріобрѣтенія южныхъ гаваней и не дѣлалъ бы самовольныхъ шаговъ на правый берегъ Амура и на прибережье Татарскаго пролива, то при заключеніи торговаго договора съ Китаемъ никто и не подумалъ бы поднимать вопросъ о присоединеніи къ Россіи Уссурійскаго края.

Казалось бы, что вполнѣ справедливой оцѣнки заслугъ начальника Амурской экспедиціи надлежало ожидать прежде всего отъ генералъ-губернатора, который не могъ не сознавать, что благодаря только подвигамъ, совершеннымъ Амурской экспедиціей, онъ имѣлъ возможность дважды сплавиться съ войскомъ изъ Забайкалья по этой, считавшейся Китайской, рѣкѣ Амуръ, а затѣмъ и заключить Айгунскій договоръ.

Большое преимущество Н. Н. Муравьева въ положеніи генералъ-губернатора заключалось въ томъ, что онъ пользовался особеннымъ расположеніемъ Государя Императора, а также великаго князя Константина Николаевича. При этомъ

онъ находился въ дружескихъ отношеніяхъ съ министромъ внутреннихъ дѣлъ Л. А. Перовскимъ, что значительно облегчало осуществленіе его предположеній въ правительственныхъ сферахъ (*).

Приходится поэтому особенно сожалѣть, что генералъ-губернаторъ Муравьевъ, теперь уже графъ Амурскій, не воспользовался такими своими преимуществами и не настоялъ прежде всего на томъ, чтобы при окончательной ликвидаціи Амурскаго вопроса были приняты во вниманіе выдающіеся подвиги Начальника Амурской экспедиціи и его сподвижниковъ. Онъ этимъ, безспорно, только болѣе поднялся бы въ общемъ мнѣніи при оцѣнкѣ его личныхъ заслугъ въ разрѣшеніи Амурскаго вопроса.

Какъ бы то ни было, но Геннадій Ивановичъ Невельской, разойдясь съ Муравьевымъ и вынужденный оставить службу на Дальнемъ Востокѣ, по возвращеніи въ Петербургъ не понадобился и на службѣ во флотѣ. Очень вѣроятно, что именно эта склонность Геннадія Ивановича къ слишкомъ откровенной критикѣ распоряженій начальствующихъ лицъ при рѣзкости его сужденій и была главною причиною того, что для него не нашлось никакого мѣста въ строю. А между тѣмъ при службѣ на палубѣ корабля онъ несомнѣнно, создалъ бы прекрасную школу для молодыхъ офицеровъ и подготовилъ бы для флота отважныхъ, предпріимчевыхъ, самоотверженыхъ и безкорыстнопреданныхъ морскому дѣлу командировъ и адмираловъ. Какъ командиръ транспорта «Байкалъ» и начальникъ Амурской экспедиціи Геннадій Ивановичъ Невельской безпримѣрными по своей смѣлости дѣйствіями блестящимъ образомъ доказалъ, что можно дѣлать великія дѣла съ совершенно ничтожными средствами при самыхъ неблагопріятныхъ условіяхъ. Онъ не принадлежалъ къ числу тѣхъ начальниковъ, которые останавливаются передъ каждымъ препятствіемъ и всѣ неудачи склонны объяснять недостаткомъ имѣвшихся въ распоряженіи матеріальныхъ и денежныхъ средствъ и ило-

(*) На стр. 33 ошибочно сказано, что Муравьевъ приходился родственникомъ Перовскихъ.

хими качествами личнаго состава. При простомъ и сердечномъ отношеніи къ подчиненнымъ онъ привлекъ бы къ себѣ всѣ лучшія силы личнаго состава флота и еще разъ доказалъ бы, что все зависитъ главнымъ образомъ отъ бодраго духомъ начальника и руководителя. Но обстоятельства такъ сложились, что дѣятельный и энергичный Геннадій Ивановичъ Невельской по возвращеніи съ Амура вынужденъ былъ занять мѣсто, по такъ называемому «береговому составу». Какъ извѣстно, сейчасъ же по возвращеніи съ Амура онъ былъ назначенъ членомъ Ученаго Отдѣленія Морского Техническаго Комитета,—обязанность можетъ быть и очень почетная для молодого контръ-адмирала, но неподходящая для Геннадія Ивановича, такъ какъ въ такіе Комитеты и Совѣты назначались тогда лица уже послужившія и мало дѣятельныя, — «нюхать табакъ». какъ цинично выражался назначавшій ихъ туда морской министръ Н. К. Краббе.

Въ этой должности члена Ученаго Отдѣленія Морского Техническаго Комитета Геннадій Ивановичъ оставался до самой смерти, послѣдовавшей 17 апрѣля 1876 года. Послѣдніе годы своей жизни онъ посвятилъ на составленіе историческаго очерка о присоединеніи къ Россіи При-Амурскаго и При-Уссурійскаго края и, такимъ образомъ, благодаря только Геннадію Ивановичу, мы имѣемъ правдивое, подкрѣпленное неоспоримыми документами, описаніе «Подвиговъ русскихъ морскихъ офицеровъ на крайнемъ Востокѣ Россіи». Свой замѣчательный трудъ Геннадій Ивановичъ заканчиваетъ въ такихъ выраженіяхъ:

«Вотъ почему дѣятельность нашихъ морскихъ офицеровъ, составлявшихъ экипажъ транспорта «Байкалъ» въ 1849 году, а затѣмъ экспедиція съ 1850 по 1855 годъ, преисполненная гражданской доблести, отваги и мужества, представляетъ незыблемое основаніе къ окончательному присоединенію къ Россіи въ 1856 году При-Амурскаго и При-Уссурійскаго края и одну изъ видныхъ страницъ исторіи нашего флота и исторіи отдаленнаго Востока. Я имѣлъ счастье начальствовать этою экспедиціею и поэтому счелъ своею священною обязанностью изложить эти событія съ фактическою точностью въ послѣдовательномъ порядкѣ».

И тѣмъ не мѣнѣе эта гражданская доблесть, отвага и мужество нашихъ морскихъ офицеровъ и ихъ энергичнаго начальника были очень скоро почти совсѣмъ забыты. Уже въ 90-хъ годахъ можно было встрѣтить морскихъ офицеровъ, которые ничего не могли отвѣтить на вопросъ: чѣмъ былъ замѣчателенъ адмиралъ Невельской. Это подтверждаетъ также и старшая дочь Невельскихъ Ольга Геннадіевна Сорохтина (*), которая въ изданной ею въ Парижѣ книжкѣ L'Amiral Nevelckoy на страницѣ 223 говоритъ:

«Nevelskoy dès son retour de Sibérie, fut méconnu. Les années s'écoulérent sans qu'une vois s'élevât jamais pour protester contre tant d'injustice et d'ingratitude; puis la routine fit le reste. Parfois, quelque grand personnage, quelque général, quelque fonctionnaire, disait: «Il me semble pourtant avoir entendu qu'il a fait quelque chose de remarquable, dans le temps, cet amiral. Mais, au fond, qu'était ce? Le savez-Vous, cher?» Et l'interlocuteur se montrait tout aussi ignorant».

Несмотря на несправедливость современниковъ, заслуги Геннадія Ивановича Невельского передъ отечествомъ все же были оцѣнены потомствомъ и ему во Владивостокѣ сооруженъ памятникъ, первый камень въ основаніе котораго былъ 5 Мая 1891 года положенъ Наслѣдникомъ Цесаревичемъ, нынѣ благополучно царствующимъ Государемъ Императоромъ. Одновременно состоялась закладка конечной желѣзнодорожной станціи начатаго сооруженіемъ Великаго Сибирскаго пути. Такимъ образомъ прошло только 40 лѣтъ послѣ того дня, что капитанъ 1-го ранга Геннадій Ивановичъ Невельской самовольно поднялъ русскій военный флагъ на устьѣ Амура, объявивъ всѣмъ, кому слышать надлежало, что вся эта Амурско-Уссурійская область до Корейской границысоставляетъ принадлежность Россійской Имперіи а не Китайской. Прошло

(*) Вынужденная по слабости здоровья жить заграницей, Ольга Геннадіевна, по псевдонимомъ Vera Vend сотрудничала въ журналѣ «Nouvelle Revue» издававшимся Mdame Juliette Adam. Кромѣ этого она прочла въ Парижѣ рядъ лекцій о русскихъ женщинахъ, сестрахъ милосердія, женахъ декабристовъ, женщинахъ врачахъ и о матеряхъ вообще. На русскомъ языкѣ она напечатала въ приложеніи къ «Новому Времени» свои впечатлѣнія о путешествіи по Бретани.

еще 15 лѣтъ и, несмотря на всю нашу сонливость и медлительность, эта Корейская граница соединилась непрерывнымъ рельсовымъ путемъ съ конечными пунктами желѣзнодорожной сѣти Европейской Россіи, и въ настоящее время заканчивается сооруженіемъ новый желѣзнодорожный путь вдоль лѣваго берега Амура, соединяющійся съ правымъ берегомъ рѣки мостомъ, противъ того самаго мѣста, на которое Невельской съ самаго начала указывалъ, какъ на центральный пунктъ нашихъ здѣсь владѣній и гдѣ теперь городъ Хабаровскъ съ памятникомъ графу Муравьеву-Амурскому. Такимъ образомъ, этотъ мостъ будетъ вѣчно свидѣтельствовать о томъ, что благодаря только начальнику Амурской экспедиціи капитану 1-го ранга Г. И. Невельскому генералъ-губернаторъ Н. Н. Муравьевъ могъ перейти на правый берегъ Амура и стать здѣсь графомъ Амурскимъ. Постоянныя напоминанія генералъ-губернатора Муравьева Невельскому о томъ, что идти на правый берегъ Амура и далѣе къ югу неразрѣшается, не остановили безгранично бодраго духомъ Г. И. Невельского и поэтому, представляется вполнѣ справедливымъ, что мѣсто для перваго ему памятника было выбрано именно близъ Корейской границы во Владивостокѣ.

На прилагаемомъ снимкѣ города Владивостока изображенъ моментъ открытія памятника Геннадію Ивановичу Невельскому, причемъ стоящія на рейдѣ суда салютуютъ адмиральскому флагу.

Памятникъ изображаетъ гранитную пирамиду съ парящимъ на ней орломъ. На лицевой сторонѣ основанія памятника сдѣлана ниша, въ которой установленъ бюстъ Геннадія Ивановича, а на противоположной сторонѣ, на массивной металлической доскѣ изображены достопамятныя слова Государя Императора Николая Павловича: «Гдѣ разъ поднятъ Русскій флагъ онъ уже спускаться не долженъ». Затѣмъ на двухъ другихъ сторонахъ основанія памятника перечислены имена всѣхъ сподвижниковъ начальника Амурской экспедиціи.

Открытіе памятника адмиралу Г. И. Невельскому во Владивостокѣ 26-го октября 1897 года.

Письма Екатерины Ивановны были адресованы ея теткѣ Варварѣ Григорьевнѣ Зариной, женѣ Иркутскаго губернатора и къ ея сестрѣ Александрѣ Ивановнѣ Елчаниновой, потомъ Мозаровичъ. Екатерина Ивановна, рожденная Елчанинова, родилась въ Смоленской губ., воспитаніе свое получила въ Петербургѣ въ Смольномъ монастырѣ, а потомъ она и ея сестра Александра Ивановна до замужества жили у ихъ дяди въ Иркутскѣ, который былъ тамъ тогда губернаторомъ. Родители Екатерины Ивановны помѣщики Смоленской губерніи умерли рано.

Station Vereholenskaïa (au bord de la Léna).
16 mai 1851.

Bonjour, mes bons, mes chers amis! Voilà plus de vingt quatre heures que je vis loin de vous! Je suis si triste, je ne puis penser à vous sans pleurer! Mais que cela ne vous fasse pas trop de peine, mes bien-aimés. Il n'en peut être autrement; si peu de temps s'est écoulé depuis nos adieux. Je tâcherai de m'habituer à notre séparation; mon caractère enjoué m'y aidera, et peut-être la supporterai-je sans trop d'amertume. Que je vous suis reconnaissante des deux belles années que j'ai passées auprès de vous, mon oncle chéri, ma bonne tante. Ce sera un doux souvenir pour toute ma vie. Il me tarde tellement d'avoir de vos nouvelles, de savoir comment vous êtes rentrés et d'apprendre que vous avez repris un peu de calme après notre douloureuse, ah! si douloureuse séparation. J'ai eu de l'inquiétude pour vous, mon bien-aimé oncle; le vent soufflait avec une violence extrême, et j'avais mortellement peur que vous ne prissiez froid. Je m'en voulais beaucoup de vous avoir laissé nous reconduire aussi loin...

Nous sommes arrivés à Katchouga, un grand village situé au bord du fleuve Léna. C'est là qu'on s'embarque ordinairement pour le descendre. Nous y fîmes l'inspection du bateau, un petit vaisseau presque, qui doit nous recevoir à son bord. Il se

distingue entre tous par sa jolie forme et vous a un petit air élégant et propret fort engageant, en vérité. Cependant, nous avons résolu de faire encore trente-six verstes en équipage et de nous embarquer plus bas. La Léna n'est pas du tout aussi belle que je me la figurais d'après les descriptions qu'on m'en avait faites. Pourtant, mon mari assure que plus loin elle fera mes délices...

Nous n'avançons pas trop vite. Contrairement à ses habitudes de garçon, mon mari retient le zèle des yamstchiks, au lieu de le stimuler comme jadis; le tîché! a remplacé l'impatient skoréié! d'autrefois, et je demande à ce monsieur, devenu si circonspect: «Qui m'a changé mon Nevelskoy?»

Nous nous embarquons ce soir. Je vais profiter des quelques heures que nous passons encore à terre pour me reposer, car je tombe de fatigue et de sommeil. Que vous dirai-je encore, mes amis? Ah! toujours la même chose: je vous aime de toute mon âme, je pense à vous à toute heure. Mon imagination me transporte dans le petit salon particulier de ma tante, où nous nous tenions ordinairement et où, depuis hier, ma place est vide. Ces souvenirs si doux et si amers en même temps me font verser de nouvelles larmes, et il vaut mieux ne pas continuer ma lettre avec le voile humide qui obstrue mes yeux. Adieu, mes amis, mes chers amis! Mon Dieu! que de temps se passera avant que je puisse vous dire bonjour et adieu de vive voix!

Votre dévouée

Catia.

Vitim (écrite à bord), 23 mai 1851.

Je profite de l'occasion pour vous donner encore de mes nouvelles. Nous avons abordé à Kiriétiène à midi. Un droschky nous attendait sur la rive. Le temps était abominable, il pleuvait à verse, mais j'ai bravement mis pied à terre et, abritée de mon parapluie, me suis dirigée vers l'équipage (si on peut nommer cela équipage!) attelé de deux chevaux, les meilleurs, dit-on, qu'on ait trouvés à Kiriétiène. Ce véhicule était si incommode et les chevaux, perclus, j'en suis sûre, avançaient

si lentement, que le trajet entre la rive et la jolie maison préparée pour nous recevoir et y prendre une collation me parut interminable.

Il fait très froid. Je ne quitte presque pas la cabine, que nous réchauffons en y brûlant de l'esprit-de-vin. C'est très réconfortant pour de pauvres voyageurs souffrant continuellement de l'humidité.

La Léna est véritablement superbe; la nature qui nous entoure est sauvage et grandiose au delà de toute expression. Je crois que son originalité fait son charme principal. Partout de hautes montagnes boisées, des rochers escarpés. De temps en temps nons passons devant des îles charmantes, de vrais bosquets au milieu du fleuve. Pourtant l'ensemble est triste, presque morne, quoique toujours grandiose et admirable. Hier, surtout j'ai été frappée de la beauté exceptionnelle du site. Il me semblait que notre bateau, glissant rapidement sur les flots limpides, allait se briser contre des rochers effrayants, blocs énormes sortant de l'eau ou jonchant la grève, lorsqu'un roc gigantesque, un mur plutôt, s'éleva à notre gauche. Il était rouge, figurez-vous, rouge de brique, et, tout au sommet, un bouquet d'arbres touffus le couronnait de verdure; ces arbres, qu'on aurait dit plantés là par une main humaine, ajoutaient une beauté fraîche et vivante à son aspect aussi saisissant que pittoresque. Ce paysage plein de grandeur, mais d'une de ces magnificences sauvages et sombres qui attristent, m'a fait songer à Dieu, à l'Infini, à l'auguste sagesse du Créateur, et longtemps je suis restée immobile à contempler ce tableau si étrange et si splendide;—je n'ai jamais rien vu de pareil!

Soyez tranquilles sur mon compte, mes chers amis! La diversité des impressions m'arrache à ma tristesse. Je suis gaie et je me porte bien. J'espère que vous, ma bonne tante, et toi ma soeur chérie, vous allez m'écrire avec chaque courrier. Rappelez-vous que je resterai deux longs mois sans nouvelles, et figurez-vous l'immense joie, qu'arrivée à Aïaun, j'aurai à vous lire! Vos chères lettres seront la récompence qui m'y attendra après les épreuves de l'affreuse route d'Ochotsk, que les Toungousses eux-mêmes dépeignent comme un enfer. De grâce écrivez-moi

bien en détail. Tout ce qui vient de vous et passe par vos mains m'est cher et m'intéresse. Mon bon oncle que j'aime tant, comment va-t-il? Ah! comme je voudrais l'embrasser! Si vous saviez, oncle adoré, comme je vous aime! Si vous saviez combien je pense à vous trois, mes amis! Non! je ne continuerai plus mon griffonnage, car si je m'occupe de vous plus longtemps, je finirai par sangloter tout haut. Et que dira mon pauvre mari en me voyant pleurer encore! Mes larmes lui font tant de peine. Ainsi, adieu, amis aimés! Je tâcherai de moins penser à vous.

Catia.

A bord, ce 25 mai.

Je vous préviens que je n'ai rien d'intéressant à vous dire, et si je vous écris aujourd'hui, c'est uniquement pour avoir la joie de causer avec vous et ne pas laisser échapper l'occasion de vous expédier une lettre. Nous voguons rapidement vert le Nord, laissant des centaines de verstes derrière nous. Le froid se fait sentir de plus en plus vif, et je commence à avoir recours à ma pelisse. La différence de climat des bords de la Léna et celui d'Irkoutsk est excessivement sensible. Ici, pas un vestige de printemps, pas une ombre de verdure. Les rivages sont couverts de neige, le flot charrie d'énormes glaçons. Nous en voyons même jusqu'au beau milieu du fleuve. La nature, toujours admirable et grandiose, devient de plus en plus sauvage. A mesure que nous descendons le courant, je fais connaissance avec les habitants de ces parages, les Toungousses et les Iakouts. Il y en a toujours quelques-uns parmi nos bateliers.

Ce sont des créatures très originales, et leur type, quoique très laid, me plaît mieux que celui des Bouriats des environs d'Irkoutsk. Mon mari, pour m'amuser, les fait chanter et danser sur le pont de notre petit navire ou bien sur le rivage, quand nous nous arrêtons pour une heure ou deux. Ils s'y prêtent de fort bonne grâce, surtout après les paroles sacramentales: Barinia dast grivenniki.

Ce matin, sur une éclaircie, au milieu de l'épaisse forêt devant laquelle nous passions, j'ai aperçu des habitations au

bord de l'eau; on m'a dit que c'était là un village iakout. Comme je m'intéressais beaucoup à le voir, mon mari fit stopper le bateau. Nous débarquâmes, mon mari, ma femme de chambre et moi, chargés de pain blanc et de noisettes, afin de bien régaler les femmes et les enfants, dont un attroupement s'était formé à notre apparition. A peine avons-nous fait quelques pas dans la direction du village, que deux petites filles de six à sept ans vinrent à notre rencontre. L'une était ravissante, extraordinairement jolie et gentille, en dépit de sa malpropreté; mais la seconde, pauvre malheureuse enfant, me donna un tel dégoût, une telle horreur d'avancer, que je rebroussai chemin immédiatement, avec la ferme résolution de ne plus jamais chercher à pénétrer dans les habitations de ces sauvages. Tout le visage du malheureux être était couvert de plaies hideuses, rendues plus atroces encore par la malpropreté la plus complète. Ma femme de chambre, qui a eu le courage de persévérer, est revenue tout émue, disant que dans le yourt (on nomme ainsi ces demeures) où elle était entrée, toute la famille, était couverte de cette horrible scrofule et présentait un spectacle aussi hideux que pitoyable.

Il nous reste six cents verstes à peu près jusqu'à Iakoutsk, où nous serons probablement dans trois jours. La Léna est houleuse aujourd'hui et je ne me sens pas bien. Le vent nous est contraire et notre bateau est jeté de côté et d'autre. Adieu, mes excellents amis!

Catia.

A bord, ce 28 mai.

Nous avous passé une bien mauvaise nuit, mes bons amis. Une pluie torrentielle a duré jusqu'au jour. Le temps s'est éclairci à présent et mon mari se repose de sa fatigue. Quant à moi, malgré que j'aie voulu en faire autant, je n'ai pu fermer l'œil. Mes pensées et mon cœur volaient vers vous, et tout de suite l'envie de dormir se dissipa pour faire place à un irrésistible désir de causer avec vous, ne fût-ce que par écrit, hélas!

Je suis beaucoup moins triste maintenant et ma gaieté commence à rappeler celle d'Irkoutsk. Si je vous parle de cela dans

chacune de mes lettres, c'est que connaissant votre affection pour moi et l'inquiétude de mon oncle à ce sujet, je m'empresse de vous rassurer sur l'état de mon moral. Votre Catia est heureuse et s'attache de plus en plus au noble ami qui l'a choisie entre toutes. Je vous jure que les dangers d'un voyage aussi extraordinaire m'effrayent moins que jamais. Si notre séparation me fait encore bien souffrir, mon mari trouve toujours moyen de me consoler et de me distraire. Il a pour moi une sollicitude si tendre, une si profonde affection, lui si loyal, si parfait, si héroïque. Il réussit toujours à ramener le calme dans mon esprit et dans mon âme, et je redeviens folâtre et gaie, amusant et faisant rire aux éclats le grave M. Nevelskoy par toutes les cent mille folies qui me passent par la tête. Je remercie Dieu à genoux de m'avoir donné pour protecteur cet homme admirable, dont la tendresse fait mon orgueil et sera mon plus ferme soutien dans les épreuves que j'aurai peut-être à affronter . . . .

. . . . . .

Nous avons abordé près de la misérable petite ville d'Alékna à midi. Le temps était fort beau, et la route jusqu'à la station prochaine étant facile, mon mari me proposa de la faire à cheval pour me reposer un peu de l'ennui du bateau. Pendant qu'on sellait nos montures, je suis entrée dans une maison afin d'y mettre mon amazone. Le vieux marchand auquel elle appartenait nous reçut avec joie et de très bonne grâce. La cour fut en un instant pleine de monde: on accourait de tous côtés pour assister à l'extraordinaire spectacle de voir une dame traverser à cheval les rues d'Alékna.

Bouche bée, la foule me regarda monter en selle, et je lui donnai cette représentation avec un sérieux imperturbable. Après quoi toujours majestueusement indifférente, je mis mon Bucéphale, au galop, et quelques instants après la «belle» cité d'Alékna resta bien loin derrière moi. Pourtant les pluies des derniers jours avaient tellement détrempé les chemins que nous ne pûmes faire plus de dix verstes et dûmes revenir à bord, à ma grande contrariété.

Voilà deux semaines que nous navigouns. Hier, le vent soufflait avec violence et je me sentais très mal à l'aise sur la Léna,

agitée et menaçante. A bout de patience, j'ai prié mon mari de me faire descendre à terre pour marcher un peu. Il voulut m'accompagner et nous fîmes ainsi à pied les cinq verstes qui nous restaient jusqu'à la station. Pendant le trajet, je distribuai du pain aux enfants iakouts que nous rencontrions. Figurez-vous que ces pauvres gens manquent de tout cette année-ci et sont quelquefois réduits à se nourrir d'écorces d'arbres! C'est horrible! Il y a une pauvreté effrayante dans ces contrées, et cela fait pitié la misère dans laquelle ces malheureux sauvages passent leur triste existence....

Le valet de chambre de mon mari nous fait rire beaucoup. Il s'est investi lui-même des fonctions d'aide du commandant et s'affuble de très grands airs. Les ordres ridicules qu'il donne quelquefois, et dont nous recueillons souvent des échantillons, nous amusent excessivement. Quant à Eudoxie, ma femme de chambre, nous lui avons découvert un talent de cuisinière très bienvenu, car nous étions un peu dans l'embarras, ayant négligé de nous faire accompagner par un gâte-sauce quelconque....

Iakoutsk, 31 mai 1851.

Nous voilà à Iakoutsk depuis trois jours. Jusqu'à présent je n'ai pu trouver un moment pour reprendre ma lettre, commencée encore à bord.

On nous a préparé un beau et spacieux appartement dans la maison d'un riche marchand d'ici. J'ai fait dès mon arrivée sa connaissance, ainsi que cella de sa femme et de ses deux filles. La bonne marchande est une originale petite vielle. Lors de son premier passage par Iakoutsk, mon mari a aussi logé chez eux; elle l'a pris alors en très grande affection, ne l'appelant pas autrement que son cher vnoutchek. Elle a été enchantée d'apprendre son mariage, et la déférence que je lui montre à cause de son grand âge semble lui plaire et la flatter beaucoup. Après m'avoir attentivement examinée, elle a déclaré à mon mari que nous nous ressemblions commee frère et soeur et que c'est là une preuve évidente que nous sommes créés l'un pour l'autre.

Le bruit a couru à Iakoutsk que mon mari allait être nommé gouverneur de cette province. Il paraît qu'on y croit car les dames

marquantes de la ville s'empressent de faire ma connaissance et m'assurent en choeur qu'elles en seraient enchantées. Quant à moi, j'étais tellement saisie d'épouvante à l'idée d'une possibilité pareille, que je ne trouvai rien pour les remercier de tant d'amabilité, ayant toutes les peines du monde à retenir l'exclamation: «Dieu m'en préserve!» que me brûlait les lèvres.

Nous sommes maintenant fort affairés par les préparatifs de la longue et périlleuse étape que nous avons encore à faire jusqu'à Aïaun. Mille verstes à cheval par cette légendaire route d'Okhotsk, dont nous entendons de tous côtés des récis épouvantables. Il faut du temps et surtout de l'imagination pour trouver de quoi parer aux difficultés qui nous y attendent.

Ayant eu un instant de liberté aujourd'hui, nous en avons profité pour rendre sa visite à une des plus grandes dames d'Iakoutsk. Elle nous reçut avec beaucoup d'empressement, m'installa tout de suite à la place d'honneur, sur le canapé de son salon et disparut sans mot dire, nous laissant mon mari et moi fort étonnés de cette étrange manière de traiter son monde. Après un temps assez long, elle revint accompagnée d'un domestique portant un grand plateau chargé de confitures, de bonbons, de noisettes (!!) et d'autres choses de ce genre. Après cela on apporta du café, puis en servit toute espèce de vins. La maîtresse de maison ne causait pas; elle nous faisait les honneurs de chez elle en nous forçant à manger sans relâche. Aussi, vous pouvez vouz figurer combien c'était gai.

Je viens de voir la selle qui me servira pendant mon voyage. Elle ne ressemble pas aux selles de dames ordinaires, ici parfaitement inutiles. Au lieu d'étrier, elle a une planche sur laquelle on appuie les deux pieds et un dossier pour reposer le dos, faisant ainsi l'effet d'un fauteuil assez commode.

M. Korsakoff, ayant appris le mariage de mon mari et l'intention que j'avais de le suivre à Petrovsk, m'a commandé, lors de son passage par Iakoutsk, une espèce de hamac très pratique. Ces hamacs, que les femmes d'ici emploient pour ces effroyables voyages, diffèrent beaucoup de ceux qu'on connaît en Europe. On les fait en grosse toile, attachés des deux côtés

à des supports en bois, qu'on pose sur le dos de deux chevaux; ce genre de berceau, restant ainsi suspendu entre eux, présente, avec le matelas qu'on y met, une couche très confortable. Mon mari m'a acheté une belle couverture de fourrure pour garantir les pieds. De cette manière, étendue dans mon hamac, je n'aurai pas froid et pourrai non seulement y dormir, mais même y lire pendant mon interminable voyage. Comme vous voyez, on fait tout ce qui est humainement possible pour m'adoucir les épreuves de cette route inouïe, et mon mari ne sait plus qu' inventer afin de me la rendre supportable.

1-er juin.

Nous revenons d'un dîner chez le chef militaire de la province, une corvée qu'il était impossible d'éviter. Si vous saviez, ma bonne tante, combien M-me *** est ennuyeuse et comme le temps m'a paru long! Ce dîner a duré trois heures. A chaque nouveau plat, la maîtresse de maison réitérait ses instances: «Prenez-en de nouveau je vous prie! Comme vous mangez peu! Encore un petit morceau!» etc., jusqu'à me faire penser à la célèbre fable de Kriloff et réveiller mes sympathies pour le pauvre homme, qu'on assommait aussi de victuailles.

M-me *** a une fille de dix-sept ans. Je lui ai parlé avec tout le sérieux d'une dame mariée, causant avec une toute jeune fille, à l'instar des personnes d'un âge respectable qui en usaient de même avec moi, il y a si peu de temps encore. Si vous saviez, mes bons amis, combien les honneurs et les attentions dont on me comble me font rire intérieurement! C'est qu'on me prend terriblement au sérieux, et je regrette beaucoup que vous ne puissiez me voir trôner à la droite de la maîtresse de maison, tous les invités et elle-même m'adressant la parole avec déférence. Je vous jure qu'il y a très loin de l'espiègle d'Iakoutsk en ces moments-là, que je garde toute ma dignité et que je me sens parfaitement à mon aise, parlant ménage avec des dames de cinquante ans. Ah! si vous pouviez me voir!

Tout est prêt et nous partons demain, de bonne heure. En plus de la selle spéciale qu'on m'a préparée, mon mari m'a encore acheté une selle d'homme. Je suis outrée de cela; je ne l'em-

ploierai jamais, quoi qu'on dise. Vous le savez, je suis habituée à monter à cheval et très ferme en selle; aussi j'espère m'arranger sans avoir recours à cette désagréable extrémité.

J'ai essayé mon costume de garçon, qui me va fort bien, je vous prie de le croire. En revanche, mon Eudoxie fait une triste figure dans ses habits d'homme. Hier, quand je l'ai vue affublée de la sorte, je fus prise d'un accès de fou rire. Du reste, la connaissant, vous pouvez facilement vous représenter en cavalier cette grosse dondon, avec sa petite taille et son visage tout rond.

Voilà une bien longue lettre, mais j'ai tant de plaisir à causer avec vous, que j'aurais pu remplir des pages sans nombre de tout ce que je voudrais vous dire. C'est la dernière lettre que vous recevrez de moi avant votre départ pour l'Europe. Que Dieu bénisse votre voyage! Amusez-vous! Jouissez de la vie et pensez beaucoup à votre

Catia.

Station Alatir (180 verstes d'Iakoutsk).
6 juin 1851.

Nous venons de rencontrer un cosaque en route pour Iakoutsk, et je ne veux pas laisser échapper l'occasion de vous donner des nouvelles de notre voyage. Rassurez-vouz! votre Catherine a parcouru ces premières étapes sans trop de fatigue.

Notre caravane fait très bon effet; une cinquantaine de chevaux portant, les uns, les bagages, et les autres, des cavaliers pittoresquement vêtus; une escorte de cosaques, dont deux parlant tous les idiomes indigènes, nous servent d'interprètes; douze Iakouts faisant le service, deux domestiques et ma femme de chambre. Nous emportons, outre les bagages ordinaires, des lits, des ustensiles de cuisine, des provisions, des tentes, ces dernières devant nous servir d'abri pendant trois semaines, car non seulement il nous serait désagréable de passer la nuit dans les *yourts* nauséabonds des Iakouts, mais même ceux-là ne se rencontrent que fort rarement sur cette route déserte. Je reste souvent étendue dans mon hamac, et c'est plutôt par goût que par nécessité que je fais une quinzaine de verstes à cheval le matin

et le soir. Pendant ce temps, mon mari s'établit dans mon «berceau» et s'y endort régulièrement. S'il y avait moyen de faire toutes les mille verstes ainsi, ce voyage m'eût semblé presque agréable. Malheureusement, plus on avance, plus, dit-on, les chemins deviennent impraticables, et, malgré toutes nos précautions, nous aurons beaucoup de difficultés à surmonter. Nous souffrirons aussi des moustiques, fléau de ces régions, empoisonnant les premières semaines de l'été transbaïkalien. Nos masques sont préparés et, à la première attaque, nous devrons nous en couvrir; on y entre comme dans un sac; des bandes de toile garantissent le cou et la nuque.

Il fait beau la plupart du temps et mon manteau imperméable me suffit quand il pleut. Je griffonne horriblement, mais si vous voyiez sur quoi j'écris! C'est au beau milieu d'un *yourt* sale, presque sombre, sur une table cassée et branlante. Je ne vois autour de moi que des Iakouts; je n'entends que leur langage, qui sonne horriblement barbare à mon oreille européenne. Les femmes me regardent avec curiosité; quant à moi, je les trouve excessivement typiques avec leur costume *en peau de chien* et leurs visages étranges, si différents de ceux auxquels je suis habituée. Il y a parmi elles des physionomies fort expressives et même assez jolies. Mais leur malpropreté est dégoûtante.

Tout le monde est en selle et on m'attend, mes bons amis! Adieu! mon mori s'impatiente, il faut partir. Mille tendresses! Priez pour moi.

Catherine.

Station Alach-Youn.

Nous avons fait la moitié de notre chemin. Tout va bien, grâce au ciel, malgré les horreurs de cette route épouvantable entre toutes. Vous savez si j'étais préparée à rencontrer des obstacles et des difficultés. Eh bien, la réalité a dépassé tout ce que mon imagination a pu concevoir. Jamais je n'aurais cru que des routes pareilles existassent. Ce sont tantôt des marais où l'on enfonce, des forêts vierges où on avance à peine, tantôt des rochers escarpés qu'il faut gravir malgré le vertige, ou bien des rivières d'une rapidité effrayante qu'on passe à gué ou qu'on

traverse *à la nage*. La nature est sauvage et superbe. On voit que la main de l'homme n'y a pas touché, ni jamais cherché à rendre les voies de communication au moins supportables. Pourtant, nous avons traversé des ponts grossiers et primitifs, jetés là par quelques Toungousses probablement; mais il y a un immense danger à passer dessus. Ils ont tous des fentes énormes et, suspendus audessus d'un précipice ou d'un torrent, présentent un très grand danger. Le cheval doit sauter par-dessus ces ouvertures béantes qui font frémir et donnent le vertige au cavalier. Aucune description ne peut vous donner une idée des horreurs de cet atroce voyage. Il faut avoir vu ces routes et passé par toutes leurs surprises pour bien concevoir les épouvantes qu'on y affronte.

Je ne me décourage pas cependant, et je continue à préférer mon hamac à ma selle. Malgré tout ce qu'on m'avait dit à Iakoutsk, où l'on croyait qu'il me deviendrait inutile dans les endroits périlleux, je trouve qu'il y a beaucoup moins de danger d'y rester étendue que de monter à cheval. Je puis alors facilement perdre l'équilibre à cause du vertige qui me saisit dès qu'entre les fentes des ponts ou du haut des côtes des montagnes j'aperçois les abîmes. Je fais à cheval une trentaine de verstes par jour, et jusqu'à présent je n'ai pas eu recours à ma selle d'homme. Mon mari s'est aussi convaincu que pour cet extraordinaire voyage et les immenses fatigues qu'on en éprouve, la selle de dame est bien plus agréable. Il commence à la préférer à la sienne et en profite de temps en temps. C'est peut être un peu drôle, mais cela nous est bien égal, vous comprenez. On a perdu toutes ses coquetteries dans ces régions archisauvages, où les us et coutumes du monde civilisé ne sont plus de mise, surtout après deux semaines de chevauchée par des routes d'enfer et brisés d'émotion et de fatigues, dont on n'a aucune idée ailleurs, fort heureusement.

Ah! par quoi nous passons! Malgré ma bonne volonté, il m'arrive de faiblir et de perdre toute ma résignation. Une fois surtout nous avons eu des rivières très profondes et très rapides à traverser à la nage; un orage terrible s'était déchaîné; les éclairs nous aveuglaient; les coups de tonnerre, répercutés par tous les

échos des grandes montagnes de la chaîne Iablonoï, que nous traversions alors, faisaient trembler et se cabrer nos chevaux; une pluie diluvienne nous inondait. Elle coulait, coulait, cette eau glacée, ruisselant sur mes mains, sur mes pieds, sur mon visage. Le sentier que nous suivions était plus dangereux que jamais. Nous passions tantôt par des plateaux et des glaciers, où nous enfoncions dans la neige; tantôt nous escaladions des montagnes à pic et rasions la côte aride, le chemin étroit et détrempé encombré d'énormes blocs de pierres. Épouvantée, transie, j'attendais avec une douloureuse impatience le moment où il nous serait possible de nous arrêter. Malheureusement il se passa beaucoup de temps avant qu'un abri sûr ait été découvert. On le trouva enfin sous une voûte, formée par des rochers surplombant une excavation. On y dressa une tente à la hâte, et ce triste refuge me parut un paradis, lorsque, devant un bon feu, je me réchauffai et séchai mes vêtements. Avec quelles délices je m'étendis sur mon lit de camp après ces heures d'angoisses et de fatigues!

Au matin, je me levai calme et gaie. L'affreuse journée d'hier n'était plus qu'un rêve. Le soleil qui brillait, éclatant, eclairait un splendide paysage et, par son rayonnement joyeux, effaçait toutes les lugubres impressions de la veille.

Et c'est ainsi que nous avançons, mes bons amis.

Catia.

28 juin 1851. Okhotsk.

Ma bonne tante.

Si vous saviez comme je suis heureuse d'être enfiin arrivée à Okhotsk! Malgré toutes les précautions et les peines qu'on s'est données pour m'adoucir les épreuves de cet atroce voyage, j'en ai bien souffert et les suites en ont été désolantes. Hélas! après les dernières nouvelles que je vous ai fait parvenir d'Alach-Youn, j'ai été bien malade, souffrant beaucoup, sans comprendre ce que j'avais . . . . . .

. . . . . .

Le voyage était devenu un martyre; il m'arrivait de m'asseoir au bord de la route sans avoir le courage de remonter à cheval,

ni de m'étendre dans mon hamac. Je m'affaiblissais à vue d'œil. Nous n'avancions plus qu'au pas, et c'est presque en nous traînant que nous sommes arrivés à dix verstes d'Okhotsk, où je tombai sur l'herbe humide, sentant l'ail à couper la respiration et me roulai dessus, prise par des douleurs impossibles à décrire . .

. . . . . .

A la fin, on imagina de faire un brancard de mon hamac et on m'y étendit; doucement six hommes me soulevèrent avec mille précautions, et c'est ainsi, à tout petits pas, deux cosaques nous précédant afin de prévenir le médecin, que nous atteignîmes Okhotsk à la nuit. Notre lugubre cortège fit son entrée dans la ville, déjà endormie, et s'arrêta enfin devant la maison qu'on nous avait préparée et où on me porta mourante...

Oh! que, j'ai sangloté, que j'ai maudit cette horrible route, dont les périls, les épouvantes et les effroyables fatigues m'ont privée de mon plus doux espoir! Ma chère tante, vous qui avez un cœur de mère, vous comprenez, n'est-ce pas, ma grande douleur? Ah! il a fallu toute l'affection et les soins touchants de mon mari pour me forcer à me résigner à ce malheur! Je suis encore bien faible, je ne puis plus écrire. Adieu! je dois me recoucher.

Catherine.

Okhotsk.

...Mon mari est très affairé. Il n'a pas encore décidé sur quel vaisseau nous nous embarquons pour Aïaun. Il doit, de plus, choisir une cinquantaine de matelots et de cosaques parmi les hommes de la garnison et du port d'Okhotsk. Ils nous suivront à Petrovsk avec leurs familles. Comme mon mari tient à emmener ce qu'il y a de mieux parmi ces braves gens, la tâche n'est pas facile, car, outre leurs aptitudes de soldats et de marins, ils doivent aussi être des manœuvres expérimentés. Nous allons dans un désert dont les habitants sont des sauvages incapables de nous aider. Aussi concilier tout et tout prévoir n'est pas une mince affaire. Il faut penser à tant de choses et

parer à tant d'éventualités. Mon mari commande et inspecte lui-même jusqu'aux outils des menuisiers. Une responsabilité accablante pèse sur lui; de grands devoirs lui incombent. Il y pense nuit et jour, et ces soucis lui ôtent l'appétit et le sommeil. Il est absorbé par l'unique idée de ne rien omettre, de ne rien négliger qui puisse servir aux besoins de la colonie, au bien-être et à la santé de tous ceux qu'il entraîne après lui dans les régions inexplorées de l'embouchure du fleuve Amour.

Personne ne s'est trompé sur le compte de Nevelskoy, mes bons amis. C'est un homme d'un grand esprit, d'un noble caractère, d'une inébranlable volonté. Je suis fière de porter son nom! Si vous aviez vu son désespoir pendant ma maladie! Il ne pouvait se pardonner de ne pas m'avoir confiée à vos tendres soins et m'avoir permis de le suivre à Petrovsk. Il pleurait comme un enfant, cet homme si énergique et si mâle, en me voyant souffrir. Je le fis taire, en lui disant qu'il divaguait. Quoi! je l'eusse laissé partir seul, manquant, dès le début de mon mariage, à mes devoirs, commettant une action indigne et lâche! Oh! mes amis, aurais-je pu, sans rougir de honte, envoyer cet homme, si noble et si grand, affronter les périls et les épreuves de son œuvre et rester moi-même à l'abri, tranquillement au coin du feu, pendant qu'il braverait tant de souffrances! Et puis, ô bassesse! après qu'il eût surmonté toutes les difficultés, échappé à tous les dangers, je lui serais revenue, au moment où il pouvait me rendre la vie agréable et facile! Jamais, jamais je ne commettrai une action aussi vile et aussi cruelle! Je suis persuadée que par cet horrible voyage et durant les sombres années dont nous partagerons la tristesse, je lui prouverai combien je le vénère, combien je le comprends, lui devenant plus chère et plus précieuse, résolue que je suis à tout endurer avec lui, à le soutenir et à le consoler toujours...

...Encore quelques mots, mes chers amis. C'est le *Baïkal* qui va nous embarquer. N'est-ce pas étrange que le premier vaisseau que j'aie vu dans ma vie soit précisément celui que mon mari a commandé, lors de ses admirables découvertes? Nous espérons partir demain si le vent nous favorise.

Mon accident n'a pas eu de suites fâcheuses et ma santé est complètement remise, grâce à ma jeunesse, mais encore bien plus, dit le médecin, à une constitution exceptionnellement robuste.

J'ai fait quelques emplettes à Okhotsk, entre autres un charmant ameublement de petit salon, laissé ici, il y a bien des années, par un navire étranger, qui ne l'a jamais réclamé. Je l'ai eu pour un prix très modeste, en comparaison de l'exorbitante cherté de ce lieu perdu. Malheureusement, il nous a été impossible de nous procurer un piano. Ceux qui existent à Okhotsk ne sont pas à vendre et les occasions d'en avoir un sont très rares. Cela me rend triste! Un piano me serait une grande ressource dans nos solitudes glacées.

Je crois qu'on s'est en général donné le mot de nous pillrer ici, profitant de l'ignorance où nous sommes des prix d'Okhotsk. Ainsi, par exemple, on nous fait payer les œufs frais quinze copecks!!! N'est-ce pas affreux? Cela vous donne une idée du reste.

Adieu, mes bons amis. Je vous écrirai à peine débarquée à Aïaun, petit port que la Compagnie russo-américaine possède sur la mer d'Okhotsk. Je vous embrasse tendrement.

Votre

Catherine.

Petrovsk, 24 juillet 1851.

Je suis enfin à Petrovsk, mes bien chers amis. Mais si vous saviez par quoi nous avons passé avant de mettre pied à terre et de nous installer dans l'unique *cabine*, bâtie au bord de la mer d'Okhotsk, à cent verstes de l'embouchure du fleuve Amour, dont petit à petit nous nous rendrons définitivement maîtres. Comme vous le savez, le gouvernement a défendu à mon mari d'agir résolument et n'admet pas l'occupation de ce point, pourtant si important pour la Russie. Cependant mon mari a décidé d'aller au delà de cette défense. Il va entreprendre une nouvelle série de reconnaissances et d'explorations, et s'est promis de fortifier Nicolaïevsk, tout en fondant des postes sur les rives de l'Amour, aussi loin dans le pays qu'il le trouvera nécessaire. Avant de

partir pour Pétersbourg, l'année dernière, il a laissé ses instructions à son lieutenant, M. Orloff. Cet officier a passé avec sa famille et vingt hommes, cosaques et matelots, tout l'hiver à Petrovsk. On a fait grande diligence en automne et au printemps, et quelques constructions ont été prêtes pour notre arrivée: une caserne, une maison (c'est-a-dire, entendons-nous, une misérable cabane) pour le chef de l'expédition, un bain russe et un énorme hangar, dépôt pour les provisions. C'est tout.

Nous avons passé quatre jours à Aïaun. Une grande inquiétude y régnait, et mon mari en a été torturé plus que tout autre. Le brick l'*Okhotsk*, qui a hiverné à Petrovsk, servant de porte-respect et protégeant nos colons contre les Guiliaks, dans le cas où ils feraient mine de se révolter, au lieu de venir nous prendre à Aïaun au commencement de juillet, ainsi que mon mari l'avait prescrit au commandant et selon les instructions qu'il avait laissées à M. Orloff, ne reparut plus à Aïaun, où l'on était dans la plus parfaite ignorance de son sort. C'était grave, d'autant plus que le bruit courait entre Iakoutsk et Aïaun que les Russes avaient été massacrés par les sauvages. Les personnes sensées n'y ajoutaient pas foi, d'abord; mais quand, après une longue attente, le brick ne reparut pas à Aïaun, ce bruit sinistre parut être confirmé.

L'émoi, la consternation que causait ce retard était la première nouvelle que mon mari y recueillit en arrivant. Cela le mit dans un état de douleur et de surexcitation impossible à décrire. Il jurait que si réellement nos frères infortunés avaient été exterminés par les sauvages, il vengerait leur mort par de terribles représailles; il prouverait à ces monstres qu'on n'ose pas toucher impunément à un Russe!

Ma vie à moi, je la sacrifierai volontiers pour punir ces bêtes féroces et garder à la patrie les points que j'ai choisis pour elle. «Ce littoral doit être russe, il est russe et il restera russe!» s'écria-t-il en frappant du pied, tout pâle, les yeux brûlants de douleur et de rage.

En voyant les préparatifs belliqueux qui se faisaient autour de moi et l'attitude résolue de mon mari, je me sentais fière d'affronter le péril aux côtés d'un homme d'un si mâle courage.

Je l'admirais, je l'adorais dans ces moments-là. Il m'apparaissait si grand, si énergique, pensant à tout, prévoyant tout et n'ayant peur de rien au monde.

Pourtant je ne veux pas me faire plus brave que je ne le suis, et je ne vous cacherai pas, mes chéris, que par instants la terreur me glaçait et que je frémissais à la pensée de ce qui nous attendait peut-être.

Dans son angoisse et au milieu de ses incertitudes, mon mari voulut me laisser à Aïaun. Mais ce n'était vraiment pas possible, mes amis, n'est-ce pas? J'eusse été la plus lâche des femmes, si j'étais restée tranquillement à l'abri, tandis que mon mari risquait sa vie en combattant pour l'honneur de la patrie et le sien. La lutte entre nous deux dura des heures, mais j'en sortis victorieuse: je suivis mon mari jusqu'au bout. Un navire de la Compagnie russo-américaine, le *Schélihoff*, mouillait sur la rade d'Aïaun. Il avait pris un chargement de farine pour les colonies américaines et attendait l'ordre de partir. Il y eut conseil entre mon mari, le chef du port et le commandant du *Schélihoff*.

On résolut, vu la gravité des circonstances, de nous faire accompagner par ce navire, afin que notre petite troupe devînt plus menaçante avec son surcroît d'hommes et d'armes à feu. Au moment de départ, mon mari réitéra ses instances.

Le 14 juillet, au soir, le *Baïkal* et le *Schélihoff* levèrent l'ancre et mirent à la voile par un vent favorable. Nous marchions rapidement , et la terre ayant bientôt disparu à nos regards, la mer nous entoura de tous les côtés. Nous étions à bord du *Schélihoff*, ses cabines étant plus grandes et plus confortables que celles du *Baïkal*. Comme de raison, l'affreux mal de mer me reprit à peine embarquée.

Le 18, le vent était moins violent; mais, en revanche, un brouillard épais nous enveloppait de toutes parts. Nous n'étions plus qu'à quelques milles de Petrovsk mais on jeta l'ancre par précaution. Vers le matin, le ciel s'éclaircit et, le temps s'étant remis au beau, les deux navires reprirent leur marche, lorsque tout d'un coup le *Baïkal* courut sur un banc de sable. La marée étant basse, il n'eut aucune possibilité à se dégager et resta immobile. Mon mari était désespéré, le vaisseau se trouvant

ainsi dans une position assez dangereuse. Nous pouvions en outre faire une mauvaise rencontre, et le *Baïkal* ne serait pas en état de venir à notre secours. Mon mari ordonna de faire avancer le *Schélihoff* vers le vaisseau fortement engagé et, battu qu'il était par le flot et tout prés d'un écueil, courant un véritable péril. On tira trois coups de canon, afin de prévenir notre colonie et savoir enfin à quoi nous en tenir sur son compte. Sûrement, on répondrait tout de suite à ce signal, si tout y était en règle Mais aucun bruit ne rompit l'effrayant silence. Alors le sort de nos infortunés compatriotes nous sembla tel qu'on nous l'avait dépeint à Aïaun. Avec la lunette d'approche on pouvait distinguer, sur la rive qui se dessinait assez nettement, de vagues silhouettes de constructions. Mon mari eût bien voulu envoyer une chaloupe et quelques hommes armés pour voir ce qui en était, mais la position du *Baïkal* demandait un prompt secours et les efforts réunis de tout le personnel.

Nous avancions lentement. Mon mari était monté sur le pont depuis quelque temps déja, lorsque, subitement, je l'entendis dévaler l'échelle et s'élancer dans le carré des officiers, où la plupart de ces messieurs se trouvaient en ce moment, en criant d'une voix altérée:

— Messieurs! montez tous, tant que vous êtes!

On obéit avec la promptitude de l'éclair. Je les suivis; mais, à peine au haut de l'échelle, un officier tout blême, les habits en désordre, m'arrêta en s'écriant:

— Descendez, vite, Catharina Ivanovna, descendez, au nom du ciel!

Vous pouvez vous figurer l'état dans lequel je rentrai dans ma cabine. La terreur, l'affreuse incertitude me torturaient. Sachant qu'on s'attendait à être attaqués par les sauvages, je croyais qu'un combat allait se livrer là-haut, et, me jetant à genoux, j'implorai Dieu de nous aider à venger nos pauvres frères, en le suppliant, dans mon angoisse, d'épargner aussi la vie et le sang de mon mari et de tous ceux qui allaient se battre au nom de l'honneur national. A cet instant, mon mari parut. Malgré son anxiété, il s'était arraché du pont pour un moment, concevant tout ce que je devais souffrir. Je m'élançai vers lui, et, le saisissant au bras, je lui demandai, haletante, la cause des cris et du tumulte qui

faisaient trembler le navire. Alors il me dit avec un calme effrayant:

— Une voie d'eau s'est déclarée dans la cale et le péril est très sérieux.

— Mais nous allons mourir! murmurai-je en un souffle.

— Je ne sais pas, reprit-il; nous ferons du moins tout ce qui est humainement possible... Dieu est plein de miséricorde... Mettons notre espoir en lui seul.

Et il remonta avec précipitation.

Vous en douterez peut-être, mes aimés, et pourtant c'est ainsi, je vous le jure, je devins calme tout à coup. Si mon cœur battait à se briser en cet instant terrible, ma raison était lucide et mon sang-froid me revenait. Je me dis qu'il fallait que je fusse prête à descendre dans une chaloupe, dès le moment où l'on m'appellerait. Je m'habillai très chaudement, je fis un paquet de notre argent, de mes bijoux, de nos papiers, de tout ce que nous avions de précieux; avisant la montre de mon mari et quelques objets de valeur sur sa table à écrire, je les serrai avec le reste. Puis, mon paquet entre mes mains, je m'assis sur un pliant et j'attendis. Je ne pouvais ni pleurer ni me plaindre. J'étais pétrifiée.

Quelques minutes s'écoulèrent et mon mari reparut. Son visage était moins pâle, ses traits moins tendus.

— Dieu soit loué! s'écria-t-il. nous sommes à peu près sûrs d'être sauvés. La mer, ici, n'a plus la même profondeur que tantôt et nous manœuvrons pour faire courir le navire sur un banc de sable, ce qui est d'autant plus facile qu'un vent favorable nous y pousse. Si nous ne nous sommes pas entièrement rendus maîtres de la voie d'eau, pourtant l'imminence du péril est passée, l'eau pénétrant à présent avec moins de force.

Il ajouta que si le vaisseau n'eût pas été entraîné par le vent loin de l'endroit où s'était produit le choc et où la mer était d'une grande profondeur, il aurait coulé en moins de dix minutes.

Je quittai alors la cabine, où l'eau commençait à pénétrer. Sur le pont, les matelots alignaient les barils de poudre retirés de la cale et travaillaient à sauver la cargaison et les bagages.

Officiers, cosaques, même les jeunes femmes en pleurs, dont quelques-unes soutenaient leurs nourrissons du bras resté libre, pompaient de toutes leurs forces. L'eau nous arrivait jusqu'à la cheville. Les enfants et les vieilles, incapables d'aider au sauvetage, couraient, affolés, de côté et d'autre, se bousculant, criant, sanglotant, cherchant un refuge contre le flot qui montait toujours. Ah! l'effroyable spectacle! On se poussait, on se heurtait, chacun ne pensait qu'à soi, les affres d'une mortelle angoisse crispant tous ces visages et tordant tous ces bras.

Mon mari m'ayant complètement tranquillisés, je tâchai de donner un peu de courage et de confiance à ces pauvres créatures. J'allai d'un groupe à l'autre, les consolant, leur expliquant qu'il n'y avait plus de danger, qu'on sauverait tout le monde, les conjurant de rester tranquilles et de ne point affoler ceux qui travaillaient pour eux. Hélas! c'était peine perdue. Ils ne m'écoutaient même pas.

Sur ces entrefaites, les chaloupes furent descendues pour nous transférer tous sur le *Baïkal*.

On vint me chercher. Ah! mes amis, quand je vis tous ces yeux luisants de désespoir et d'envie se fixer sur moi, douloureux et farouches, mon cœur se serra d'une indescriptible pitié.

— Jamais! criai-je, jamais je ne partirai la première. Embarquez ces malheureux. Ils ont peur et je sais bien, moi, qu'il n'y a plus rien à craindre. J'attendrai.

Mais le capitaine, les officiers m'entraînaient, me portaient presque, et mon mari me disait avec autorité que chaque parole que je prononçais et chaque effort que je faisais pour me dégager étaient une perte de temps pouvant coûter la vie à quelqu'un. Je me soumis en pleurant.

Arrivée sur le *Baïkal*, je fus rencontrée par le commandant (mon mari était sur le *Schélihoff*, veillant lui-même au sauvetage). Cet homme, au lieu de soutenir mon courage, m'entretint, au contraire, des risques que nous courions. Il était furieux de ce surcroît de charge. Il est vrai que le navire de ce pauvre homme se trouvait dans une position fort précaire, et son humeur massacrante s'en était augmentée. Il expliquait notre malheur par le manque de cartes précises et le peu de connaissance qu'on

avait encore du détroit Tartare, presque inexploré. On découvrit plus tard la raison de notre naufrage. Grâce au brouillard si dense de la veille, nous avions dépassé Petrovsk et nous nous trouvions dans le limon du fleuve Amour, à peine connu, et dont on avait seulement une description sommaire. Ce limon étant plein de bas-fonds et d'écueils, l'accident de tantôt s'expliquait de lui-même. Quant aux bâtiments que nous avions aperçus, c'était un village guilliak, à vingt-cinq milles de Petrovsk.

Or il était tout naturel que nos Russes ne pussent entendre les coups de canon du *Schélihoff*. Une chose restait inexplicable au dire des marins: le navire n'avait éprouvé aucun choc ni reçu d'avarie quelconque avant l'accident, et pourtant l'eau était apparue subitement en augmentant avec une effrayante rapidité. N'était ce bienheureux banc de sable, nous eussions tous péri en moins de dix minutes.

Vers le soir, tous les naufragés étaient à bord du *Baïkal*. Mon mari prit lui-même le commandement du vaisseau, et, après des efforts de bien des heures, celui-ci put reprendre sa marche. Mais jusque-là, c'est-à-dire pendant toute la nuit, les coups qu'il recevait du flot le faisaient trembler du faîte à la base. Je vous avoue que ce fut alors que la terreur m'affola. J'étais hors de moi. J'avais affreusement peur, beaucoup plus peur que sur le *Schélihoff*. Là tout s'était passé si rapidement, que c'est à peine si j'ai eu le temps de concevoir l'imminence du péril. Ici je frémissais avec le navire, et tout choc me jetait hors de mon lit, à demi morte de frayeur. Mon mari descendait de temps à autre pour me consoler et soutenir mon moral.

— Sois tranquille, disait-il, je connais mon *Baïkal*. Il est admirablement bâti. Sa charpente est d'une solidité inaltérable. Tu verras, il résistera à toutes les épreuves sans en recevoir la moindre avarie.

Il avait raison: le vaisseau ne perdit pas un clou; pas une planche n'a dévié; pas une vis n'a glissé hors de son alvéole, tandis que le *Schélihoff* était un vieux bateau, qui depuis longtemps aurait dû être retiré de la navigation.

En mouillant enfin sur la rade de Petrovsk, nous eûmes la très grande joie d'apprendre que les sinistres bruits d'Aïaun

n'avaient aucun fondement. Notre colonie n'a jamais été inquiétée, et les Guliiaks restaient parfaitement tranquilles. Quant au brick l'*Okhotsk*, il a été retenu à Petrovsk par quelques avaries qu'il avait reçues je ne sais où. Nos colons, heureux de notre arrivée, nous accueillirent avec une joie extrême...

Petrovsk, 2 août 1851.

J'ai reçu tes deux lettres, ma sœur bien-aimée, et je n'ai pas besoin de te dire le bonheur que j'ai éprouvé en te lisant. Ton cœur te le fait deviner, n'est-ce pas? Parle-moi de notre plus jeune sœur et de notre frère, mon Nicolas chéri. J'ai si peur que notre longue séparation ne leur fasse oublier l'exilée de Petrovsk, car Dieu seul sait quand nous serons enfin réunis!...

... Les maisonnettes de la colonie ou du poste, ou encore du port, comme tu voudras, sont alignées sur une langue de terre avançant bien loin dans la mer; aussi l'avons-nous de tous les côtés. La jolie baie qui s'étale sous nos fenêtres ouvre sur la mer d'Okhotsk, qui n'est qu'à une demi-lieue de notre habitation. Le bruit des lames arrive jusque dans les chambres. J'admire souvent ce grandiose spectacle. Du côté du continent, nous pouvons facilement apercevoir quelques villages guiliaks, dont les habitations son aussi peu attrayantes que leurs maîtres.

Notre petite société se compose de tous les officiers du *Baïkal*, du secrétaire de mon mari, M. N., du médecin et de M. et Mme Orloff. Mon mari, accompagné du lieutenant Boschniak, va partir pour l'embouchure du fleuve Amour, afin d'y fonder une nouvelle colonie, dont ce jeune officier, très intelligent et très capable, deviendra le chef. La famille Orloff et nous, nous habitons en attendant la même maison, composée de trois chambres et d'une cuisine; on est en train de bâtir une petite cabane pour nous loger en hiver. Quant aux hommes, ils campent dans des tentes et dans le bain russe en attendant que la maison pour les officiers soit prête. C'est à moi qu'incombe la tâche très difficile de penser aux repas de tout ce monde; souvent c'est un véritable problème. Nous manquons de tant de choses! En revanche, nous avons d'excellent poisson en grande abondance,

C'est inouï ce que les Guiliaks en pêchent et les énormes provisions qu'ils en font pour l'hiver. Ils nous en vendent très volontiers, c'est-à-dire ils l'échangent contre des pièces de calicot, des verroteries, des couteaux, l'usage de la monnaie leur étant encore inconnu. Petrovsk, avec ses tentes dressées de tous les côtés et les feux qu'on allume pour cuire les aliments des cosaques et des matelots, a l'air d'un camp jeté inopinément dans ce désert. Avec la verdure, avec le soleil et la mer toute bleue, miroitant gaiement autour de nous, c'est très joli. Mais, grand Dieu! que sera-ce en hiver!... Mon cœur s'est serré malgré moi, quand je suis entrée dans le misérable refuge où je devrai vivre pendant de si longs mois! J'ai faibli, j'ai fondu en larmes.

Je m'attendais bien à quelque chose de très simple, de très rustique; mais la morne réalité a dépasse toutes mes prévisions. Quel contraste me présenta cette cabane avec le confort d'auparavant, la bonne vie large dans la maison de nos parents et celle de notre bon oncle! Du reste, l'impressionnabilité de ma nature m'a servie en cet instant d'abattement. J'aperçus la délicieuse petite fille de Mme Orloff et la vue de cette enfant a séché mes pleurs. Quant à Mme Orloff elle même, si ce n'est pas une «dame du monde» c'est, en revanche, une excellente personne, très serviable et trés bonne.

Le premier saisissement passé, j'ai réfléchi aux moyens d'embellir notre triste demeure et grâce aux tapis et aux bagatelles que j'ai apportés, ce pauvre coin a pris un petit air de confort et de comme il faut presque gentil. Hélas! mon délicieux meuble d'Okhotsk a été entraîné par les vagues lors de notre naufrage et je l'ai vu flotter, les yeux pleins de larmes, du haut du pont du *Baïkal*. J'aurais si bien arrangé mon pauvre nid, mais le sort m'a privée de ce plaisir

Nous voyions souvent les laides personnes des Guiliaks rôder autour de nous. Malgré la poltronnerie qui les distingue, l'expression de leurs visages est féroce et cauteleuse. Leur costume consiste en un vêtement de peau de chien; leurs chaussures sont fabriquées avec de la peau de veau marin, et ils portent leurs cheveux noirs, durs comme la crinière d'un cheval, tressés

en plusieurs longues nattes chez les hommes, en deux seulement chez les femmes qui les rattachent par des cordons. Ils ont de grands chapeaux, dont la forme rappelle vaguement le couvre-chef tyrolien, confectionnés grossièrement avec de l'écorce d'arbre et agrémentés le long des bords par d'horribles dessins. C'est d'un laid atroce, tout cela.

Je lis fort peu en attendant, profitant du court été polaire pour me promener par ce beau temps doux et tiède. Nous dînons à midi; cela arrange nos militaires et mon mari, car à Petrovsk tout est sacrifié au besoin du service.

J'espère avoir des nouvelles de vous tous avec la corvette. L'*Olivoutza* restera plusieurs jours ici, puis elle ira croiser dans les environs pendant tout le temps de la navigation. Elle porte plus de vingt officiers et cent trente matelots. Cela nous promet un grand surcroît de monde, comme tu vois.

Adieu, ma chère, chère sœur.

Catia.

Petrovsk.

J'ai cru que la corvette ne restait ici que peu de temps et je n'ai pas eu l'intention de vous expédier encore une lettre, mes bons amis, croyant qu'elle ne serait que la répétition de la précédente. Mon mari a pourtant trouvé nécessaire de retenir l'*Olivoutza* à Petrovsk jusqu'à son retour de Nicolaïevsk sur l'Amour.

En partant pour Pétersbourg l'année dernière, il a recommandé à M. Orloff d'y faire commencer les constructions indispensables dès que le printemps serait venu. Mais à peine M. Orloff, suivant ses instructions, arriva-t-il à Nicolaïevsk avec les hommes préposés aux travaux qu'on devait y entreprendre, qu'il fut forcé de se retirer, s'étant heurté à la résistance d'une foule de Guiliaks. Ceux-ci, brandissant leurs couteaux, ne lui laissèrent pas abattre du bois dans ces parages. Étant accompagné de fort peu de monde et ayant négligé de se munir d'armes à feu, le lieutenant Orloff ne put soutenir efficacement les prétentions russes et dut se retirer à Petrovsk, afin d'y attendre le retour de son chef.

Celui-ci fut excessivement mécontent de ce manque de prévoyance et refusa d'admettre qu'on ne pût dans tous les cas en imposer à une horde de sauvages. Avec son caractère viril et son esprit entreprenant, il ne concevait pas «que des êtres pareils pussent avoir l'audace de contrecarrer les plans et la volonté d'un Russe». Avec son énergie ordinaire, plein de feu et d'impatience, il organisa, sans plus tarder, une expédition à Nicolaïevsk et partit accompagné du lieutenant Boschniak et de vingt-cinq cosaques. Deux canons et une ample provision d'armes à feu complétaient le chargement des chaloupes. Mon mari n'a pas douté un instant, non seulement du succès de son entreprise, mais aussi de son paisible accomplissement. Il connaît trop les Guiliaks pour admettre la moindre possibilité d'une résistance sérieuse devant une attitude énergique et un ordre impérieux.

Ses prévisions se justifièrent. Les Guiliaks le reçurent à Nicolaïevsk avec une soumission obséquieuse, jurèrent entière obéissance à l'envoyé de *Pili-Pili-Djanguine*, et se mirent diligemment à aider nos hommes au transport du bois et aux travaux de constructions entrepris par les manœuvres que mon mari a amenés à Nicolaïevsk.

Après avoir laissé à M. Boschniak des instructions détaillées, mon mari est revenu à Petrovsk ce matin, très satisfait de son expédition.

Avec la grande énergie et l'intelligence remarquable du lieutenant Boschniak, la diligence des cosaques et l'aide empressée des sauvages (plus zélés encore depuis que les deux canons ont été retirés des chaloupes), tout ira bien cette fois-ci et une nouvelle colonie russe va surgir dans ce désert en y consolidant notre puissance. . . . . .

Сочиненія и статьи, послужившія матеріаломъ для составленія настоящаго очерка.

Подвиги русскихъ морскихъ офицеровъ на крайнемъ Востокѣ Россіи. Посмертныя записки адмирала Невельского. Изданіе 1897 г.

L'amiral Nevelskoy et la conquête définitive du fleuve Amour, par Véra Vend, Paris, 1894.

Экспедиція въ При-Амурскомъ краѣ. Лейт. Бошняка. «Мор. Сборн.» 1858 г. № 12, 1859 г. №№ 1, 2, 3, 10.

Записки офицера, служившаго на фрегатѣ «Аврора». Лейт. Фесуна «Мор. Сборн.» 1860 г. №№ 6, 8, 9 и 11.

Къ исторіи пріобрѣтенія Амура П. В. Шумахера. Русскій Архивъ. 1878 г. № 11.

Графъ Н. Н. Муравьевъ-Амурскій (матеріалы для біографіи). Ивана Барсукова. Москва 1891 г.

Рецензія профессора Харьковскаго Университета Петра Буцинскаго на соч. И. Барсукова. С.-Петербургъ 1895 г.

Гр. Н. Н. Муравьевъ-Амурскій, передъ судомъ проф. Буцинскаго. Н. В. Ефимова. 1896 г.

Амурское Дѣло. «Русск. Старина» 1881 г. №№ 9 и 10.

Графъ Николай Николаевичъ Муравьевъ-Амурскій въ 1848—1856 г.г. Очеркъ и письма А. И. Заборинскаго. «Русск. Стар.» 1883 г. Іюнь.

Исторія рѣки Амура. М. Те—въ. Вѣстн. Пром. 1859 г. Декабрь.

Островъ Сахалинъ Н. В. Буссе. 1872 г.

Журналъ Плаванія по Амуру. въ 1854 году Свербеева. Зап. Спб. Отд. Имп. Русск. Геогр. Общ.

Воспоминанія амурскаго казака о прошломъ. Зап Пріам. отдѣла Имп. Русск. Геогр. Общества. Т. V, вып. III. Хабаровскъ. 1900 г.

Русскій Міръ 1872 г. №№ 45, 46 и 50.

Амурская Экспедиція 1854 г. А. Сгибнева. Древняя и Новая Россія 1878 г. №№ 11 и 12.

Пріамурье. Сборникъ обще-земской организаціи. Редакція князя Львова.

Русскій Китай. Бар. А. Буксгевдена. 1902 г.

Вице-адмиралъ И. Ѳ. Лихачевъ и его работа 1912 г.

Амуръ. Дм. Завалишина. Вѣстн. Пром. 1859 г.

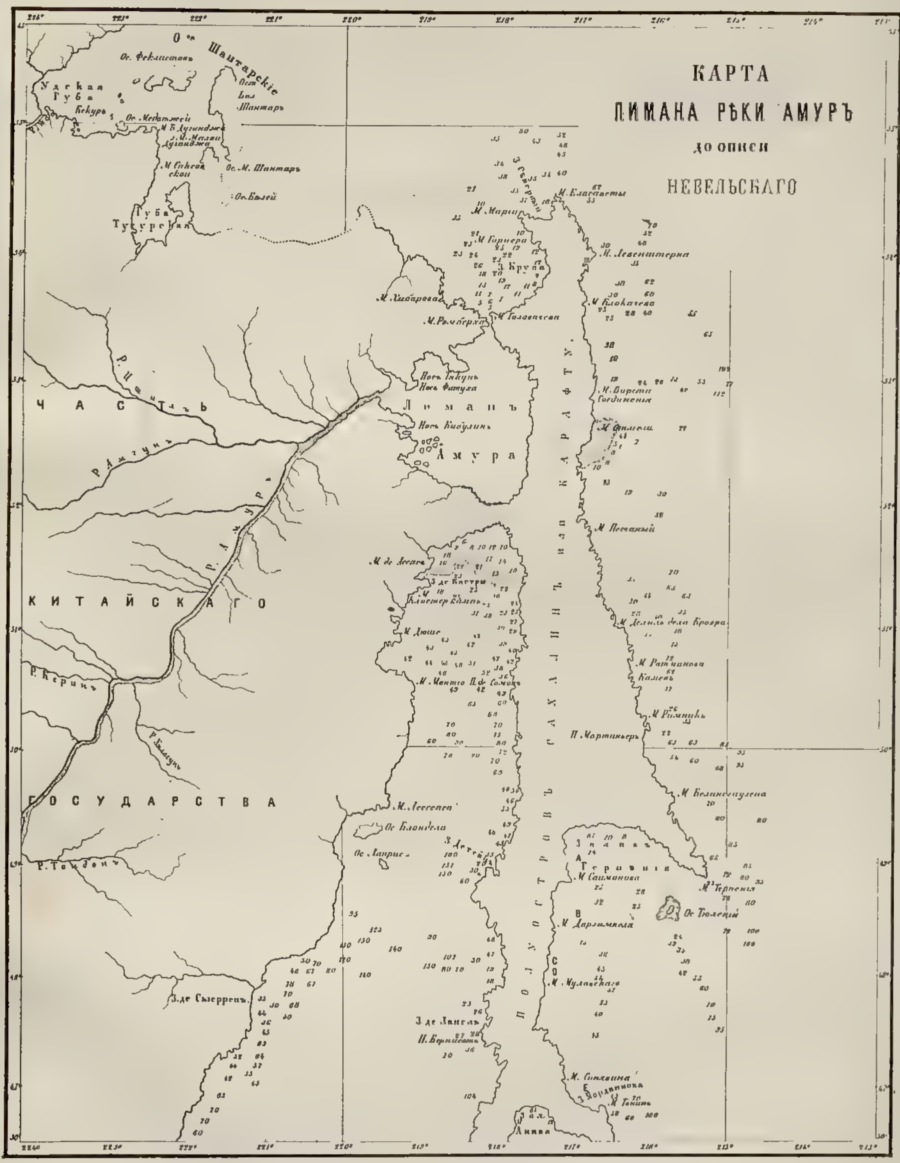
По поводу статей объ Амурѣ. Дм. Завалишина. Морск. Сборн. 1858 г. № 11. 1859 г. №№ 5, 6 и 7.

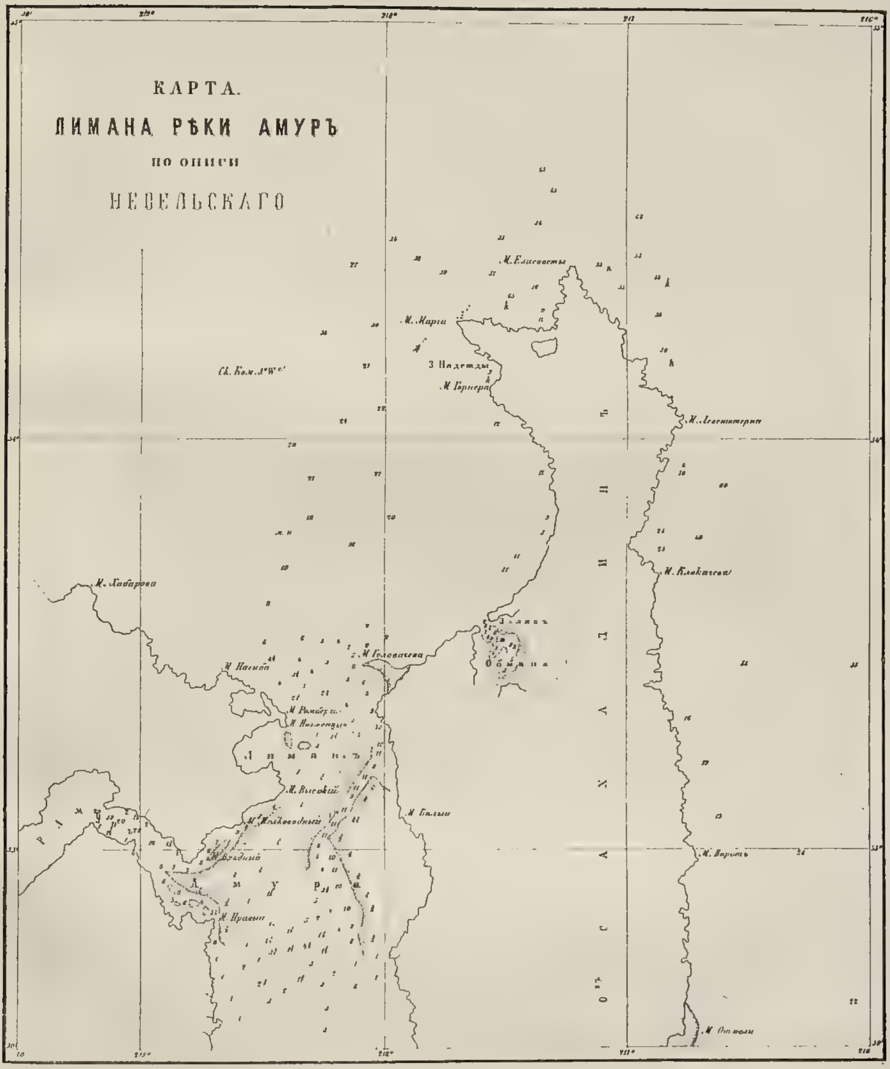
Воспоминанія и впечатлѣнія. Очеркъ дѣятельности нашихъ моряковъ. Владиміръ Войтъ. С.-Петербургъ 1887 г.

Воспоминанія о Сибири 1844—1854 г. Б. В. Струве. С.П.Б. 1889 г.

Русскіе мореплаватели. Адмиралъ Невельской. Присоединеніе Амурскаго края. М. Лялина. Спб.

А. Сиденснеръ.


КАРТА
ЛИМАНА РѢКИ АМУРЪ
до описи
НЕВЕЛЬСКАГО
Шантарскіе Остр.
Удская Губа
Губа Тугурская
Лиманъ Амура
ЧАСТЬ
КИТАЙСКАГО
ГОСУДАРСТВА
Р. Амуръ
ПОЛУОСТРОВЪ САХАЛИНЪ ИЛИ КАРАФТУ.
З. де Кастри
Анива



КАРТА.
ЛИМАНА РѢКИ АМУРЪ
по описи
НЕВЕЛЬСКАГО
М. Елисаветы
М. Марии
З. Надежды
М. Горнера
М. Хабарова
М. Головачева
М. Высокій
М. Клокачева
О-въ Сахалинъ

КАРТА
ПРИ-АМУРСКАГО КРАЯ
составлена изъ изслѣдованій, произведенныхъ офицерами транспорта „Байкалъ" въ 1849 г. подъ начальствомъ Капит. Невельскаго и Амурскою экспедиціею въ 1850-55 гг., состоявшею подъ тѣмъ же начальствомъ изъ офицеровъ ОРЛОВА, ВОРОНИНА, БОШНЯКА, ЧИХАЧЕВА, ПЕТРОВА и РАЗГРАДСКАГО.
Охотское море
Губа Удская
Шантарскіе
Станового хребта
Николаевскъ
Марiинскъ
Оз. Самагировъ
Оз. Чихачевъ
Оз. Ухдыль
Оз. Орель
Оз. Чля
Оз. Дари
Часть Сахалина
Татарскій проливъ
Зал. Императора Николая
Зал. Байкалъ
Зал. Де Кастри
Обратный путь
134°
136°
138°
140°
142°
56°
55°
54°
53°
52°
51°
50°
49°

КАРТА
НАПРАВЛЕНІЯ СТАНОВАГО, ЯБЛОНОВАГО
или
ХИНГАНСКАГО ХРЕБТА
и
бассейновъ рѣкъ
АМУРА и ЛЕНЫ
составлена
АДМ. НЕВЕЛЬСКИМЪ.
Граница наша съ Китаемъ до 1853 г.
ОХОТСКОЕ
МОРЕ
Якутскъ
Усть-Вилюйскъ
Вилюйскъ
Олекма
Киринскъ
Верхоленскъ
Иркутскъ
Чита
Нерчинскъ
Благовѣщенскъ
Николаевскъ
Софійскъ
Хабаровка
Владивостокъ
З. Посьета
Охотскъ
Аянъ
Петропавловскъ
Большерѣцкъ
М. Лопатка
М. Елисаветы
М. Анива
М. Терпѣнія
О. Мацмай
Оз. Ханка
Нингута
Мартенъ
Цицикаръ
Зал. Св. Владиміра
Зал. Св. Ольги
Лена

Меркаторская карта
Юго восточной части Охотскаго моря
Составленная съ описи произведенной съ транспорта Байкалъ,
подъ командою Капитанъ Лейтенанта Невельскаго.
1849 года.
Примѣчаніе — Берегъ осмотренный на байдарахъ Г. Орловымъ
— снятый съ прежнихъ картъ
— Неописанный
— изъ свѣдѣній доставленныхъ промышленниками
Путь транспорта Байкалъ.
Обсервованныя пункты.
Счислимыя пункты.
Берегъ исправленный.
Зал. В. К. Константина.
М. Сегнекинъ
М. Врангеля.
М. Мухтеля.
М. Укурунру
М. Ваганова.
М. Гаурованца.
Зал. Ульбанскій
Зал. Тугурскій
Зал. св. Николая.
М. Гротте.
Склон. 5½° W.
Св. Гейнекс.
М. св. Александра.
М. Мовингъ
М. Купріянова.
М. Литке.
Зал. Екатерины.
М. Перовскаго.
Озеро Чля.
Рѣка Амгунь.
Рѣка Амуръ.
М. Елизаветы.
М. Марія
М. Горнера.
М. Левенштерна.
М. Клокачева.
Тр. Байкалъ.
М. Баранова.
М. Головачева.
Фетундено
Халезова.
Г. Отдѣльная
М. Пронгъ.
Г. Оговп.
М. Вюрста.
М. Отгягли
Склон. 5°45′ W.
М. Погоби.
М. Лазарева.
М. Сиденснера.
М. Невельскаго.
Татарскій
54°
53°
52°
136°
137°
138°
139°
140°
141°
142°
143°
144°
Составлялъ Корпуса флотскихъ Штурмановъ Подпоручикъ Поповъ 3й
Капитанъ 2го ранга Невельской 2й
Копированіе чертежей картъ и плановъ по способу Янова.
Пет. Ст., Большая Зеленина, д. 18-а. Тел. 489—85.